

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ VIII.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул. с. 2.
Москва.—1914.

АЛЕКСАНДРЪ I.

Часть пятая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Князь Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ, прїѣхавъ ночью въ уѣздный городокъ Васильковъ, въ тридцати верстахъ отъ Кіева, остановился въ скверной жидовской корчмѣ, а поутру нанялъ хату у казака Омельки Барабаша.

— Вотъ моя хата, пане добродію, — говорилъ хозяинъ съ ласковой важностью, приглашая гостя войти. — Вотъ у меня и куры ходять, вотъ и теля, вотъ и пасѣка, вотъ и жито растеть передъ хатою, — выйди, да и жни: вся благодать Божья! А жинка моя варить борщъ такой, что хотъ бы самому городничему: у пановъ жила и понаучилась всякимъ панскимъ роскошамъ.

Когда Голицынъ оглянулъ бѣлую хатку подъ нахлобученною соломенною крышею съ гнѣздомъ аиста и занесенными вѣтромъ пучками полевыхъ цвѣтовъ, — въ уютной гнѣни вишневаго садика съ рядами бѣлыхъ ульевъ, то согласился съ хозяиномъ, что тутъ вся благодать Божья.

А внутри еще лучше: выбѣленные мѣломъ стѣны, глиняный полъ, расписная печка — подъ ней воркуютъ голуби, на ней мурлычитъ котъ; образница съ Межигорской Божьей Матерью, убранная сухими цвѣтами — алымъ королевымъ цвѣтомъ, желтымъ чернобривцемъ и зеленымъ барвинкомъ.

Когда смуглолицая Катруся принесла ему студеной юды изъ криницы, а древняя бабуса Дундучиха, Омелькина мать, вытерла скамью подоломъ плахты, приглашая гостя сѣсть, и, глядя на него изъ-подъ морщинистой ладони юдслѣповатыми глазами спросила:

— А ти хіба не тутешній? — то гость почувствовав себя уже совсѣмъ дома.

Въ тотъ же день, вечеромъ, узнавъ о прїѣздѣ Голицына, — о чемъ весь городокъ уже зналъ, — явился къ нему молодой, лѣтъ 22-хъ, полтавскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ, Михаилъ Павловичъ Бестужевъ-Рюминъ, и пригласилъ его къ директору васильковской управы Южаго Тайнаго Общества, подполковнику Сергѣю Ивановичу Муравьеву-Апостолу. У Муравьева, по словамъ Бестужева, два члена новаго, никому изъ Южныхъ неизвѣстнаго, Тайнаго Общества, такъ называемыхъ Славянъ, ведутъ сейчасъ переговоры о соединеніи съ Южными; Голицынъ былъ бы очень кстати на этихъ переговорахъ, какъ представитель Сѣверныхъ.

Муравьевъ жилъ на Соборной площади въ деревянномъ ветхомъ сѣромъ домикѣ съ облупившимися бѣлыми колонками. Хозяинъ съ двумя гостями, артиллерійскими подпоручиками, Иваномъ Ивановичемъ Горбачевскимъ и Петромъ Ивановичемъ Борисовымъ, пили чай на крылечкѣ выходившемъ въ садъ. Въ саду была заросшая тиною сажалка, а за нею бахча и пасѣка; душистой вечерней свѣжестью вѣяло оттуда — укропомъ, мятой, медомъ и зрѣющей дынею.

— Нашъ планъ таковъ, — говорилъ Бестужевъ: — вслѣдующемъ, 1826 году, на высочайшемъ смотрѣ, во время лагернаго сбора 3-го корпуса, члены Общества переодѣтые въ солдатскіе мундиры, ночью, при смѣнѣ караула, вторгшись въ спальню государя, лишаютъ его жизни. Одновременно Сѣверные начинаютъ возстаніе въ Петербургѣ увозомъ царской фамиліи въ чужіе края и объявляютъ временное правленіе двумя манифестами — къ войскамъ и къ народу. Пестель, директоръ тульчинской управы, возмутивъ 2-ю армію, овладѣваетъ Кіевомъ и устраиваетъ первый лагерь; я начальствую третьимъ корпусомъ и, увлекаемая встрѣчныя войска, иду на Москву гдѣ лагерь второй, а Сергѣй Ивановичъ ѣдетъ въ Петербургъ, Общество ввѣряетъ ему гвардію, и здѣсь лагерь

третій. Петербургъ, Москва, Кіевъ — три укрѣпленныхъ лагерь—и вся Россія въ нашихъ рукахъ...

Маленькій, худенькій, рыженькій, веснучатый, то, что называется замухрышка, онъ, когда говорилъ, какъ будто вырасталъ; лицо умнѣло, хорошѣло, глаза горѣли, рыжій хохоль на головѣ вспыхивалъ языкомъ огненнымъ. Вѣрилъ въ мечту свою, какъ въ дѣйствительность; самъ вѣрилъ и другихъ заставлялъ вѣрить

— Конная артиллерія вся готова, и вся гусарская дивизія; и Пензенскій полкъ, и Черниговскій — хоть сейчасъ въ походъ. Да и всѣ командиры всѣхъ полковъ на все согласны... Вождь Ріего прошелъ Испанію и возстановилъ вольность въ отечествѣ съ тремястами человѣкъ, а мы чтобъ съ цѣлыми полками ничего не сдѣлали! Да начини мы хоть завтра же — и 60.000 человѣкъ у насъ подъ оружіемъ...

— Ну, полно, Миша, какія шестьдесятъ тысячъ? Дай Богъ и одну,—остановилъ его Муравьевъ.—Иванъ Ивановичъ, у васъ чай простылъ, хотите горячаго?

Эти простые слова вернули всѣхъ къ дѣйствительности.

— Такъ вотъ-съ, господа, какъ: у васъ все готово, ну, а у насъ еще нѣтъ, — проговорилъ Горбачевскій съ недо-вѣрчивой усмѣшкой на своемъ широкомъ, скуластомъ упрямомъ и умномъ лицѣ. — Мы потихоньку да полегоньку. Объяснить солдатамъ выгоды переворота—дѣло трудное.

— Да развѣ вы имъ объясняете?

— А то какъ же-съ? Мы полагаемъ, что не надобно отъ нихъ скрывать ничего.

— Нашъ способъ иной,—возразилъ Бестужевъ:—солдаты должны быть орудіями и произвести переворотъ, но не должны знать ничего. Можно ли съ ними говорить о политикѣ? Вы сами знаете, что за люди русскіе солдаты...

— Знаемъ, что люди какъ люди, всѣ отъ ребра Адамова,—пересталъ вдругъ усмѣхаться Горбачевскій.—Мы вѣдь и сами не бѣлая косточка, въ большіе господа не лѣземъ. У насъ демокрація не на словахъ, а на дѣлѣ. Равенство, такъ равенство. Съ народомъ все можно, безъ народа ничего

нельзя—вотъ наше правило,—заклучилъ онъ съ вызовомъ.

Сынъ бѣднаго священника, внукъ казака-запорожца, онъ имѣлъ право, казалось ему, говорить такъ.

Когда кончилъ, наступило молчаніе, и вдругъ почувствовали всѣ черту, раздѣляющую два Тайныхъ Общества: въ одномъ—люди знатные, чиновные, богатые, большею частью гвардейцы, генералы и командиры полковъ; въ другомъ—бѣдняки, безъ роду, безъ племени, армейскіе поручики и прапорщики; тамъ—бѣлая, здѣсь—черная кость.

— Петръ Ивановичъ Борисовъ все время молчалъ, сидя въ уголку, потупившись и покуривая трубочку. Весь былъ сѣренькій, какъ бы полинялый, стершійся, выцвѣтшій, такой незамѣтный, что надо было взглядѣться, чтобы увидѣть худенькое личико, все въ мелкихъ морщинкахъ не по возрасту, большіе голубые, немного на выкатѣ, глаза, не то что грустные, а тихіе; бѣлокурые жидкіе вслосы, узкія плечи, впалую грудь. Онъ часто покашливалъ сухимъ чахоточнымъ кашлемъ и закрывалъ при этомъ ротъ ладонью застѣнчиво.

Когда наступило молчаніе,—вдругъ поднялъ глаза, улыбнулся, хотѣлъ что-то сказать, но покраснѣлъ, поперхнулся, закашлялся и ничего не сказалъ.

— Вы, господа, кажется, другъ друга не понимаете,—вступился Муравьевъ.

Голицыну, какъ это часто бываетъ, когда слишкомъ много ждуть отъ человѣка, лицо Муравьева показалось менѣе значительнымъ, чѣмъ онъ ожидалъ. Лѣтъ тридцати, но по виду моложе. Черты женственно-тонкія и неправильныя: глаза слишкомъ широко разставлены; длинный, заостренный, какъ будто книзу оттянутый, носъ, до смѣшного маленькій, какъ будто дѣтскій, ротъ; слишкомъ полныя, пухлыя, теже словно дѣтскія, щеки; густые, пушистые, темно-русые волосы, по военной модѣ зачесанные съ затылка на виски, какъ послѣ бани взѣрошенные. Все лицо здоровое, гладкое, бѣлое, круглое, какъ яичко—ни одной морщинки, ни одной черты страданья. Только взглядываясь пристальнѣй, за-

мѣтилъ Голицынъ что-то болѣзненное въ противорѣчїи между улыбкою губъ и скорбнымъ взоромъ никогда не улыбающихся глазъ; а также въ верхней губѣ, немного выдающейся надъ нижнею,—что-то жалкое, какъ у маленькихъ дѣтей, готовыхъ расплакаться.

Странное подобіе пришло ему въ голову: если бы можно было увидѣть на снѣгу, въ лютый морозъ, вѣтку съ весенними листьями, то въ ней было бы то беззащитное и обреченное, что въ этомъ лицѣ.

Впослѣдствїи, думая о немъ, онъ вспоминалъ стихи Муравьева:

Je passerai sur cette terre,
Toujours rêveur et solitaire,
Sans que personne m'aie connu;
Ce n'est qu'au bout de ma carrière.
Que par un grand coup de lumière
On verra ce qu'on a perdu.

«Я пройду по землѣ, всегда одинокій, задумчивый, и никто меня не узнаетъ; только въ концѣ моей жизни блеснетъ надъ нею свѣтъ великій, и тогда люди увидятъ, что они потеряли».

— Вы, господа, кажется, не понимаете другъ друга,—заговорилъ было Муравьевъ по-французски, то тотчасъ же спохватился и продолжалъ по-русски: Горбачевскій объявилъ въ началѣ бесѣды, что плохо говорить по-французски и просить изъясняться на русскомъ языкѣ.—Что безъ народа нельзя, мы тоже знаемъ. Но вы полагаете, что надо начинать съ политики; мы же думаемъ, что разсужденїи политическихъ солдаты сейчасъ не поймутъ. А есть иной способъ дѣйствїя.

— Какой же?

— Вѣра.

— Вѣра въ Бога?

— Да, въ Бога.

Горбачевскій покачалъ головою сомнительно.

— Не знаю, какъ вы, господа, но мы, Славяне, думаемъ, что вѣра противна свободѣ...

— Вотъ, вотъ, — подхватилъ Муравьевъ радостно, — какъ вы это хорошо сказали: вѣра противна свободѣ. Вотъ именно такъ и надо спрашивать прямо и точно: противна ли вѣра свободѣ?

— Я не спрашиваю, а говорю утвердительно. И кажется, всѣ...

— Всѣ, всѣ, — опять подхватилъ Муравьевъ, — такъ всѣ говорятъ, всѣ такъ думаютъ. Это и есть ложь, коей все въ христіанствѣ ниспровергнуто. Но ложь все-таки ложь, а не истина...

— Помилуйте, какъ же не истина, когда въ Священномъ Писаніи прямо сказано, что избраніе царей отъ Бога?

— Ошибаетесь, въ Писаніи совсѣмъ другое сказано.

— Что же?

— А вотъ чтò. Миша, принеси-ка...

Но прежде чѣмъ онъ договорилъ, Бестужевъ побѣжалъ въ комнату и вернулся со шкатулкою. Муравьевъ отперъ ее, порылся въ бумагахъ, вынулъ листокъ, мелко исписанный, и подалъ Горбачевскому.

— Вотъ, читайте.

— Я по-латыни не знаю. Да и дѣло не въ томъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я переведу, слушайте. 1-ая Книга Царствъ глава 8-ая: «собрались мужи Израильскіе, и пришли къ Самуилу, и сказали ему: нынѣ поставь намъ царя, да судить насъ. И было слово сіе лукаво предъ очами Самуила, и помолился Самуиль Господу, и сказалъ Господь Самуилу: послушай нынѣ голоса людей, чтò говорятъ тебѣ, ибо не тебя унижили они, а Меня унижили, дабы не царствовать Мнѣ надъ ними; но возвѣсти имъ правду цареви.—И сказалъ Самуилу: вотъ слова Господни къ людямъ, просящимъ у Него царя.—И сказалъ имъ: сіе будетъ правда царева: сыновей вашихъ возьметъ, дочерей вашихъ возьметъ и земли ваши обложитъ данями, и будете рабами ему, и возопіете въ тотъ день отъ лица царя вашего, коего избрали себѣ, не услышитъ васъ Господь, потому что вы сами избрали себѣ царя».

— Ну что жъ ясно,—кажется, ясно, ясно же нельзя.
. И неужели этого народъ не пойметъ?

— Да то въ Ветхомъ Заветѣ, а въ Новомъ другое,—возразилъ Горбачевскій,—тамъ прямо сказано: царямъ повинуйтесь какъ Богу. Я сейчасъ не припомню, только много такого...

— Какъ можетъ это быть? Подумайте, какъ можетъ быть противорѣчіе между откровеньями единой истины Божеской? А если намъ и кажется, то, значить, мы не понимаемъ чего-то...

— Гдѣ ужъ понять! Это-то попамъ и на руку, что ничего понять нельзя: въ мутной водѣ рыбу ловятъ,—подмигнувъ Горбачевскій съ тѣмъ вольнодумнымъ ухарствомъ, которое свойственно молодымъ поповичамъ.

— Нѣтъ, можно, можно понять! — воскликнулъ Муравьевъ еще радостнѣе, не замѣчая усмѣшки противника.—Надо только не буквы держаться, а духа... Вотъ вы этимъ шутите, а народъ не шутить. Не пустое же это слово: *Мнѣ дана всякая власть на небѣ и на землѣ.*—Слышите: не только на небѣ, но и на землѣ. А ежели Онъ—Царь единый истинный на землѣ, какъ на небѣ, то возстаніе народовъ и сверженіе царей, похитителей власти, какъ можетъ быть Ему противнымъ?

— Сверженіе царей во имя Христа!—покачалъ головой Горбачевскій еще сомнительнѣй.—А знаете что, Муравьевъ: я хоть самъ въ Бога не вѣрую, но полагаю, что кто проникнуть чувствомъ религіи, тотъ не станетъ употреблять столь священный предметъ орудіемъ политики...

— Нѣтъ, вы меня совсѣмъ, совсѣмъ не поняли!—всплеснулъ Муравьевъ руками горестно, и въ этомъ движеніи что-то было такое дѣтское, милое, что всѣ улыгнулись невольно, и черта раздѣляющая на мгновенье сгладилась.—Ну кто же дѣлаетъ религію орудіемъ политики? Да не я ли вамъ сейчасъ говорилъ, что намъ думать надо больше всего о религіи, а политика сама приложится? Именно у насъ, въ Россіи, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ случаѣ возстанія, въ смутныя вре-

мена переворота, привязанность къ вѣрѣ должна быть надеждой и опорой нашей твердѣйшею,—вотъ все, что я говорю. Вольность и вѣра вмѣстѣ въ Россіи погублены и восстановлены могутъ быть только вмѣстѣ...

— Нѣтъ, господа,—объявилъ Горбачевскій рѣшительно,—никто изъ Славянъ не согласится такимъ образомъ дѣйствовать. Что же меня касается, то я первый отвергаю сей способъ и не прикоснусь до этого листка,—указаль онъ на выписку изъ Библии:—можетъ-быть, для нѣмцевъ оно и годится, но не для насъ: кто русскій народъ знаетъ, тотъ подтвердитъ, что способъ сей несообразенъ съ духомъ онаго. Я хоть и самъ поповичъ, а поповъ не люблю. И народъ ихъ не люблю. Взять хоть нашихъ солдатъ: между ними, полагаю, вольнодумцевъ болѣе, нежели фанатиковъ... Да и кто захочетъ вступать съ ними въ споры теологическіе? Кто рѣшится быть новымъ Магометомъ-пророкомъ въ нашъ вѣкъ, когда всякая религія пала совершенно и навѣки?

— Ну, это еще доказать надо,—замѣтилъ Голицынъ.

— Что доказать?

— А вотъ, что религія пала навѣки.

— Полно, господа, нужно ли доказывать, въ чемъ всѣ просвѣщенные люди согласны?—что гибельная цѣль заблужденій, человѣческой родъ изнуряющихъ, идетъ отъ алтаря, опоры трона царскаго; что надежда на воздаяніе загробное угнетенію способствуетъ и мѣшаетъ людямъ видѣть, что счастье и на землѣ обитать можетъ; что разумъ—свѣточъ единственный, коимъ должны мы руководствоваться въ жизни сей, а посему первый нашъ долгъ—внушить людямъ почтеніе къ разуму, да будетъ человѣкъ разсудителенъ и добродѣтеленъ въ юдоли сей и да оставитъ навсегда младенческія вымыслы религіи...

Говорилъ, какъ по книгѣ читаль, все чужія слова, чужія мысли—Вольтера, Гольбаха, Гельвеція и другихъ вольнодумныхъ философовъ.

— Одного я въ толкъ не возьму, — посмотрѣлъ на него изъ-подъ очковъ Голицынъ со своей тонкой усмѣшкой:—вѣру вы у нихъ отнимите, а чѣмъ ее замѣните?

Когда Горбачевскій принялся доказывать, что просвѣщеніе замѣнить вѣру, и философія—Бога, то Муравьевъ и Голицынъ обмѣнялись невольной улыбкой. Тотъ замѣтилъ ее, замолчалъ и обидѣлся.

Чтобы скрыть улыбку, Муравьевъ отвернулся и сталъ наливать стаканъ чаю, а когда подаль его Горбачевскому, ихъ руки на мгновеніе сблизились: одна—большая, красная, жесткая, съ рыжими волосами и веснушками, съ плоскими ногтями и короткими пальцами; другая—бѣлая, тонкая, длинная, полная женственной прелестью.

«Нѣтъ, никогда не поймутъ они другъ друга!» подумалъ Голицынъ.

Опять, какъ давеча, наступило молчаніе, и почувствовали всѣ черту раздѣляющую; опять Борисовъ хотѣлъ что-то сказать и не сказалъ.

Заговорилъ Бестужевъ. Еще раньше Голицынъ замѣтилъ, что онъ подражаетъ Муравьеву нечаянно, въ словахъ, въ движеніяхъ, въ выраженіяхъ лица и въ звукѣ голоса, какъ это бываетъ съ людьми, долго жившими вмѣстѣ. Казалось, можно было видѣть и слышать одного сквозь другого; одинъ—звукъ, другой—эхо, и эхо искажало звукъ.

— Философъ Платонъ утверждаетъ,—говорилъ Бестужевъ,—что легче постронть городъ на воздухѣ, нежели основать гражданство безъ религіи. Богъ даровалъ чловѣку свободу; Христось передалъ намъ начало понятій законно-свободныхъ. Кто обезоружилъ длань деспотовъ? Кто оградилъ насъ конституціями? Это съ одной стороны, а съ другой...

Горбачевскій всталъ рѣшительно, прицѣпилъ саблю и надѣлъ сюртукъ (было такъ жарко, что сняли мундиры).

— А столковаться-то намъ будетъ трудненько, господа, — сказалъ онъ и, наклонивъ немного голову на бокъ, сдѣлался похожъ на упрямаго бычка, который хочетъ боднуть. — Мы люди простые, ѣдимъ пряники неписанные. Вы вотъ все о Богѣ, а мы полагаемъ, что не изъ-за Бога, а изъ-за брюха всѣ возстанія народныя...

— Неужели только изъ-за брюха?—воскликнулъ Муравьевъ.

— Знаю, знаю: не единымъ хлѣбомъ... А вы-то сами, господинъ подполковникъ, голодать изволили?

— Случалось, въ походѣ.

— Ну, это что! Нѣтъ, а вотъ, какъ послѣдніе штаны въ закладѣ, а жрать нечего... Эхъ, да что говорить! Сытый голоднаго не разумѣетъ... Петръ Ивановичъ, пойдёмъ, что ли?

— Куда же вы, господа? Вѣдь мы еще ни о чемъ, какъ слѣдуетъ...—всполошился Бестужевъ.

— А вотъ ужо въ лагеряхъ поговоримъ, тамъ и наши всѣ будутъ, а мы за нихъ рѣшать не можемъ,—сказаль Горбачевскій сухо.

Муравьевъ подошелъ къ нему и подаль руку:

— Иванъ Иванычъ, вы на меня не сердитесь? Если я что не такъ, простите ради Бога...

И опять промелькнуло въ улыbkѣ его что-то такое милое, что Горбачевскій не выдержаль, улыбнулся тоже и крѣпко пожалъ ему руку:

— Ну, что вы, Муравьевъ, полноте, какъ вамъ не совѣстно! Развѣ могутъ быть между нами личности?.. Петръ Ивановичъ, а Петръ Ивановичъ, да будетъ вамъ копать!

Борисовъ тщательно выбиваль золу изъ трубочки, укладывваль табакъ въ мѣшочекъ и завязываль на немъ тесемочки; вдругъ обернулся и, къ удивленію всѣхъ,—никто еще не слышаль его голоса,—заговорилъ тихо, невнятно, косноязычно, заикаясь, путаясь и прибавляя чуть не къ каждому слову нелѣпую поговорку: «десятое дѣло, пожалуйста».

— А я вотъ что, десятое дѣло, пожалуйста... не надо о Богѣ. Хорошо, если Богъ, но можно и такъ, безъ Бога, быть добродѣтельнымъ. Я, впрочемъ, не атей. А только лучше не надо... Вотъ какъ жидаы. Умницы: назвать бога нельзя; говори о чемъ знаешь, десятое дѣло, пожалуйста, а о Богѣ молчокъ. И всякъ сверчокъ знай свой шестокъ...

— Молодецъ, Иванычъ! Въ риѣму заговорилъ,—смѣясь, похлопаль его по плечу Горбачевскій.—Ну, пойдёмъ, стихотворецъ, лучше не скажешь!

Гости ушли. Бестужевъ отправился ихъ провожать. Муравьевъ, оставшись наединѣ съ Голицынымъ, разспрашивалъ его о петербургскихъ дѣлахъ. Зашла рѣчь о «Православномъ Катехизисѣ». Муравьевъ принесъ рукопись и показалъ ее Голицыну.

Катехизисъ начинался такъ:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа

«*Вопросъ.* Для чего Богъ создалъ человѣка?

«*Отвѣтъ.* Для того, чтобы онъ въ Него вѣровалъ, былъ свободенъ и счастливъ.

«*Вопросъ.* Что это значитъ быть свободнымъ и счастливымъ?

«*Отвѣтъ.* Безъ свободы нѣтъ счастья. Святой апостоль Павелъ говоритъ: цѣною крови куплены есте, не будете рабы человѣкомъ.

«*Вопросъ.* Для чего же русскій народъ и русское воинство несчастны?

«*Отвѣтъ.* Отъ того, что.....похитили у нихъ свободу.

«*Вопросъ.* Что же святой законъ намъ повелѣваетъ дѣлать?

«*Отвѣтъ.* Раскаяться въ долгомъ раболѣпствіи и, ополчась противъ тиранства и нечестія, поклясться: да будетъ зѣмь единъ Царь на небеси и на земли—Иисусъ Христосъ».

Голицынъ читалъ Катехизисъ еще въ Петербургѣ, но теперь, послѣ давешней бесѣды, все получило новый смыслъ.

— Скажите правду, Голицынъ, какъ вы думаете, поймутъ?—спросилъ Муравьевъ.

— Не знаю, можетъ-быть, и не поймутъ сейчасъ,—отвѣтилъ Голицынъ.—Но все равно,—потомъ. Хорошо, что это написано. Знаете: написано перомъ, не вырубилъ топоромъ...

И какъ будто подтверждая то, что прочелъ, рассказалъ онъ о Бѣломъ Царѣ, государѣ императорѣ Петрѣ III, въ которомъ пребываетъ «самъ Богъ Саваоѣ съ ручками и съ южками».

— Ну, вотъ-вотъ! — вскричалъ Муравьевъ и всплеснулъ руками радостно.—Вѣдь вотъ есть же это у нихъ!

Не такіе мы дураки, какъ Горбачевскій думаетъ... Ахъ, Голицынъ, какъ хорошо вы сдѣлали, что пріѣхали! Наконецъ-то будетъ съ кѣмъ душу отвести, а то все одинъ да одинъ...

Когда на прощанье Голицынъ подалъ ему руку, тотъ взялъ ее и долго держалъ въ своей. Молча стояли они другъ противъ друга.

— Ну, значить, вмѣстѣ, да? — сказалъ, наконецъ, Муравьевъ, чуть-чуть краснѣя.

— Да, вмѣстѣ,—отвѣчалъ Голицынъ, тоже краснѣя. Муравьевъ отпустилъ руку его, съ минуту смотрѣлъ ему въ глаза нерѣшительно, вдругъ покраснѣлъ еще больше, улыбнулся, обнялъ его и поцѣловалъ.

Голицынъ почувствовалъ, что ему хочется плакать, какъ тогда, во снѣ, когда съ нимъ была Софья. Онъ зналъ, что она и теперь съ нимъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наступили счастливые дни. Голицынъ почти ничего не дѣлалъ, не читалъ, не писалъ, даже не думалъ, только наслаждался глубокою нѣгою поздняго украинскаго лѣта. Не бывалъ въ этихъ мѣстахъ, но все казалось ему знакомымъ, какъ будто послѣ долгихъ скитаній вернулся на родину, или вспоминалъ забытый дѣтскій сонъ.

Васильковъ—запустѣвшій уѣздный городокъ-слободка, разбросанный по холмамъ и долинамъ. Сѣрые деревянные домики, бѣлыя глиняныя мазанки; иногда крутая улица кончалась обрывомъ, какъ будто уходила прямо въ небо. Внизу—рѣчка Стугна, обмелѣвшая и заросшая тиною. Вдали синѣющія горы; за ними—Днѣпръ; но онъ далеко, не видно. Бѣлыя хатки—въ темной зелени вишневыхъ сади́ковъ; хатка надъ хаткою, садикъ надъ садикомъ, и между ними плетни, увитые тыквами.

Въ домикахъ жили хуторяне, мелкобѣстные панки да подпанки, ѣли, пили, спали, играли въ преферансъ по маленькой, спорили о томъ, какой нюхательный табакъ лучше—шпанскій, виолетный, бергамотный, рульный или полурульный, и дѣйствительно ли умеръ Бонапартъ, или только прикинулся мертвымъ, чтобы снова напасть на Россію; ходили въ церковь, гоняли водку на вишневыхъ косточкахъ, да борова сажали въ сажъ къ розговѣнамъ. Барышни читали новые романы Жанлисъ и Радклиффъ, но старинный «Мальчикъ у ручья» господина Коцебу имъ больше нравился.

— Я люблю читать страшное и чувствительное, — признавалась одна изъ нихъ Голицыну.

У полкового командира Густава Ивановича Гебеля устраивались вечеринки съ танцами; дамы сидѣли за бостономъ, а дѣвицы съ офицерами плясали подь клавикорды. Бестужевъ на этихъ балахъ былъ веселымъ кавалеромъ и дамскимъ любезникомъ. Когда, падая на стулъ и обмахиваясь вѣеромъ, одна, плотнаго сложенія, дама воскликнула:

— Уфъ, какъ устала! Больше танцовать не могу.

— Не вѣрю, сильфиды не устаютъ!—возразилъ Бестужевъ.

Въ такія минуты трудно было узнать въ немъ заговорщика.

Время текло однообразно—въ ученьяхъ, караулахъ и разводахъ. Господа офицеры скучали, пили нѣжинскій шато-марго; за удивительную крѣпость получившій прозвище *шатай-моргай*; стрѣляли въ жидовъ солью, таскали ихъ за пейсики; или, сидя подь окномъ, съ гитарою въ рукахъ, напѣвали:

Кто могъ любить такъ страстно,
Какъ я любилъ тебя?

А ночью въ еврейской корчмѣ метали банкъ, стараясь обыграть заѣзжаго поляка-шулера, который какъ-то разъ въ полночь вылетѣлъ изъ окна съ воплемъ:

— Панове, протестую!

Каждое утро входила къ Голицыну неслышно, босыми ногами, свѣжая и стройная какъ тополь, Катруся, приносила студеной воды изъ криницы, такой же чистой, какъ ея улыбка, и украшала свѣжими цвѣтами образа.

Бабуся Дундучиха обкармливала его малороссійскими блюдами. Каждую ночь у него болѣлъ немного животъ. «Надо ѣсть меньше», думалъ онъ, а на слѣдующій день опять объѣдался. За одинъ мѣсяцъ такъ пополнилъ, что дорожный англійскій каррикъ, въ Петербургѣ слишкомъ широкій, теперь сдѣлался узкимъ. Такъ облѣнился, что цѣлыми часами могъ сидѣть у окна, глядя, какъ старый дѣдъ-пасѣчникъ ходитъ по баштану, прикрываетъ лопухомъ арбузы отъ зноя; рыжій попovichъ тащитъ козу, а коза упирается; бабуся Дундучиха, съ прялкой за поясомъ, гонитъ

съ горы телку и, медленно идучи за нею, прядеть шерсть. Тишина невозмутимая; только рядомъ, въ хозяйской свѣтлицѣ, ткацкій станъ шумить, веретено жужжитъ и прыгаетъ, да вѣтеръ за окномъ шелеститъ въ вершинѣ тополя.

Или, стоя на базарной площади, наблюдалъ онъ, какъ два жиды спорять о чемъ-то, дѣлая другъ у друга подъ носомъ такія быстрыя движенія пальцами, какъ будто сейчасъ подерутся, а на ослѣпительно-бѣлой стѣнѣ ихъ черныя тѣни еще быстрѣй движутся, какъ будто уже подрались. Тутъ же, на площади, передъ единственнымъ каменнымъ домомъ присутственныхъ мѣстъ,—приваль чумаковъ; круторогій волъ, лежа на соломѣ, жуеть жвачку, и съ глянцевиито-черной морды слюна стекаетъ свѣтлою струйкою. А пьяный чумакъ, сидя на мазницѣ у воза, подперевъ щеку рукою и тихонько раскачиваясь, поетъ жалобно:

Ой, запивъ чумакъ, запивъ,
Сидя на рыночку;
Той пропивъ чумакъ, пропивъ
Усю худобочку.

И надо всѣмъ городкомъ—зной, лѣнь, сонъ, тишина невозмутимая. Собаки не лаютъ—спятъ; куры не бродятъ—въ мягкую пыль зарылись и тоже спятъ. Шестерня воловъ—подъ плугомъ остановилась на улицѣ; хозяинъ уснулъ, волы спятъ, и все недвижно. Прохожій солдатикъ раскачалъ хохла; тотъ зѣвнулъ, почесался, выругался:

— Ну тебя къ нечистой матери!

Махнулъ прутомъ: «цобъ-цобел!»—и волы двинулись, но, кажется, опять стануть—уснуть.

Только иногда въ тишинѣ бездыханнаго полдня надринется туча, послышится гулъ. Ужъ не громъ ли? Нѣтъ, телѣга стучитъ. А туча уходитъ,—и зной, и сонъ, и лѣнь, и тишина еще невозмутимѣе.

— Дѣйствія скоро начнутся: нами принято непоколебимое рѣшеніе начать революцію въ 1826 году, — говорилъ Бестужевъ.

Голицынъ слушалъ и не зналъ, что это — громъ или стукъ телѣги?

Но Муравьевъ однажды сказалъ:

— Бездѣйственность всѣхъ прочихъ членовъ, особенно Сѣверныхъ, столь многими угрожаетъ намъ опасностями, что я, можетъ-быть, воспользуюсь первымъ сборомъ войскъ, чтобы начать...

И Голицынъ сразу повѣрилъ что такъ и будетъ, какъ онъ говорить. «Да, здѣсь начнутъ», подумалъ то, чего никогда въ Петербургѣ не думалъ. Чѣмъ тишина бездыханнѣе, тѣмъ грознѣе туча надвигается, и онъ уже зналъ, что дальній гулъ—не стукъ телѣги, а громъ.

Бестужевъ рассказывалъ ему о Славянахъ.

— Помните, у Радищева: «я взглянулъ окрестъ меня, и душа моя страданьями челоуѣчества уязвлена стала». Ну, вотъ съ этого все и началось у нихъ. Братья Борисовы жили съ отцомъ на хуторѣ и видѣли, какъ паны бѣдныхъ людей до крови мучаютъ. А потомъ на военной службѣ—палки, плети, шпицрутены; когда забили при нихъ одного солдата до смерти, они поклялись умереть, чтобы этого больше не было... Ну, и книги тоже. Жизнеописаніе великихъ мужей Плутарха, греки да римляне поселили въ нихъ съ дѣтства любовь къ вольности и народодержавію. Будучи въ корпусѣ, вздумали составить таинственную секту, коей цѣль была спокойная и уединенная жизнь, изученіе природы и усовершеніе себя въ добродѣтеляхъ, подобно древнимъ пифагорейцамъ. Девизомъ сдѣлали двѣ руки, соединенныя надъ пылающимъ жертвенникомъ съ надписью: gloire, amour, amitié, и назвали ту секту Обществомъ Перваго Согласія. Сочиняли іероглифы, обряды, священнослуженія. Разъ, на вакаціяхъ, лѣтомъ, съ селѣ Рѣшетилковѣ, Полтавской губерніи, устроили пифагорейское шествіе въ бѣлыхъ одеждахъ, съ пѣніемъ и музыкой, въ честь восходящаго солнца. А послѣ производства въ офицеры основали въ Одессѣ масонскую ложу Друзья Природы, присоединивъ къ прежней цѣли—очищеніе религіи отъ предразсудковъ и основаніе извѣстной республики Платона. Вотъ изъ этихъ-то двухъ обществъ и вышли Славяне...

— Какая же ихъ цѣль?—спросилъ Голицынъ.

— Соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ въ единую республику.

— Только-то!

— Не смѣйтесь, Голицынь! Если бы вы знали, что это за люди! Настоящіе греки и римляне. Кажется, мы нашли въ нихъ то, чего искалъ Пестель, *обреченный отрядъ*, людей, готовыхъ на всякую жертву для блага отечества...

Когда Голицынь узналъ, что эти бѣдные армейскіе поручики и прапорщики постановили жертвовать десятую часть жалованья на выкупъ крѣпостныхъ людей и на учрежденіе сельскихъ школъ, и что сами Борисовы съ хлѣба на квасъ перебиваются, а вносятъ положенныя деньги въ кассу Общества, то пересталъ смѣяться.

Ему хотѣлось поговорить съ Борисовымъ, но каждый разъ, какъ заговаривалъ съ нимъ, тотъ улыбался застѣнчиво, краснѣлъ, отвѣчалъ невнятно и косноязычно, со своимъ всегдашнимъ присловіемъ: «десятое дѣло, пожалуйста», и, видимо, такъ тяготился бесѣдою, что у Голицына не хватало духа продолжать ее.

— Чудаки! Что, онъ со всѣми такой?—спрашивалъ онъ Бестужева.

— Да такой скрытный, что никакого толку не добьешься. А братъ его, Андрей Ивановичъ, тотъ еще хуже: страдаетъ меланхоліей, что ли? Сидитъ, запершись, у себя въ комнатѣ и нпкуда ни ногой; только въ полѣ цвѣты собираетъ да бабочекъ ловитъ...

Горбачевскій, отложивъ переговоры съ Южнымъ Обществомъ до осеннихъ лагерей, собирался въ Новградъ-Волынскъ, гдѣ стояла 8-я артиллерійская бригада, въ которой онъ служилъ вмѣстѣ съ Борисовымъ. Борисовъ долженъ былъ ѣхать съ нимъ, но все не могъ собраться. Бестужевъ подозрѣвалъ, что ему не на что выѣхать.

Однажды Голицынь увидѣлъ на перекресткѣ двухъ дорогъ стараго слѣпца-лирника; онъ игралъ на бандурѣ и пѣлъ о Богданѣ Хмельницкомъ, о Запорожской Сѣчи, о древней казачьей вольности.

Голицынъ почти не понималъ словъ, но благоговѣйное вниманіе слушателей, все простыхъ казаковъ и казачекъ, вдохновенное лицо старика съ высоко поднятыми бровями надъ слѣпыми, впалыми глазницами и дрожащій голосъ его, и тихое рокотаніе бандурныхъ струнъ, и заунывные, хватающіе за душу звуки пѣсни говорили больше словъ.

«Теперь бурьяномъ заросла Сѣчь, и вольныя степи прокляты Богомъ: травы сохнутъ, воды входятъ въ землю, и не стало древней вольности.

Было, да поплыло, —
Его не вертати!»

— заключилъ пѣвецъ

Кто-то всхлипнулъ; кто-то вытеръ слезы рукавомъ свитки; старый, сѣдоусый казакъ, опиравшійся обѣими руками о палку, низко опустилъ голову и такъ тяжело вздохнулъ, какъ будто услышалъ вѣсть о смерти любимаго.

А голосъ пѣвца зазвучалъ торжественно:

Полягла казацка голова,
Якъ отъ витра на степу трава;
Слава не вмре, не поляже, —
Рыцарство казацке всякому розкаже.

И пѣсня оборвалась. Послѣднія слова Голицынъ понялъ, и опять родное, милое, какъ дѣтскій сонъ, нахлынуло въ душу его. Древняя вольность, за которую умирали эти простые люди, не та же ли, что и новая, за которую умрутъ они, заговорщики?

Подошелъ къ пѣвцу и вмѣстѣ съ мѣдными грошами положилъ въ руку его нѣсколько серебряныхъ монетъ. Тотъ, нащупавъ ихъ, обернулся къ нему:

— Панночку, лебедочку! Нехай тебя такъ Господь прирзритъ, какъ ты меня прирзрѣлъ!

— Давно ты слѣпъ, старикъ? — спросилъ Голицынъ.

— Давно, родимый! Ужъ и не помню, сколько годовъ по Божьему свѣту брожу, а свѣта не вижу...

И, уставившись прямо на солнце слѣпыми глазами, прибавилъ тѣмъ же заунывнымъ голосомъ, которымъ только что пѣлъ, — казалось, что эти слова продолженіе пѣсни:

— Охъ, свѣтъ, мой свѣтъ! Хоть и не видишь тебя, а помирать не хочется

— Ну, что, князь, какъ вамъ понравилось? — выходя изъ толпы, вдругъ услышалъ Голицынъ голосъ Петра Ивановича Борисова.

— Удивительно!

— А я думалъ, вамъ не понравится.

— Почему же?

— Да вы въ Петербургѣ-то, чай, итальянскихъ оперъ наслушались, такъ нашимъ пѣвцамъ гдѣ ужъ до нихъ, десятое дѣло, пожалуйста...

— Ну, что вы, развѣ можно сравнивать? Я не промѣняю это ни на какую оперу.

— Будто? А вы бы нашего Явтуха Шаповаленко послушали, — вотъ такъ поеть! — началъ Борисовъ и не кончилъ, какъ будто испугался чего-то, съежился, пробормоталъ поспѣшно:

— Ну, мое почтенье, князь! Намъ не по дорогѣ...

И подаль ему руку, какъ-то странно, бочкомъ, точно надѣялся, что тотъ ея не увидитъ и не возьметъ.

— А васъ проводить нельзя, Петръ Ивановичъ?

— Да ужъ, не знаю, право, десятое дѣло, пожалуйста. Я вѣдь къ жидамъ; нехорошо у нихъ, вамъ тошно будетъ...

— Чудакъ вы, Борисовъ! Барышня я, что ли?

— Нѣтъ, я не къ тому, десятое дѣло, пожалуйста, — окончательно сконфузился Борисовъ. — Ну, да все равно, если угодно, пойдемте.

Всю дорогу былъ молчаливъ, какъ будто раскаивался въ своей давешней болтливости. Но Голицынъ рѣшилъ не отставать отъ него. Борисовъ повелъ его въ жидовское подворье.

Такъ же, какъ во всѣхъ украинскихъ мѣстечкахъ, евреи жили по всему городку, но ютились преимущественно въ своемъ особомъ кварталѣ. Тутъ были ветхія деревянныя клѣтушки, едва обмазанныя глиною, съ острыми черепичными кровлями. Улицы — узкія, еще болѣе стѣсненныя выставными деревянными лавочками и выступающими домами

на гнилыхъ, покосившихся столбикахъ. Всюду висящее изъ оконъ тряпье, копошащіеся на кучахъ отбросовъ, вмѣстѣ съ собаками, полунагіе жиденята, и грязь, и вонь.

Борисовъ съ Голицынымъ вошли въ домикъ, гдѣ беременная жидовка съ чахоточнымъ румянцемъ на впалыхъ щекахъ, съ полосатымъ тюрбаномъ на бритой головѣ, хлопотала, намазывая глиной деревянную заслонку къ жерлу раскаленной печи, куда задвинула шабашевыя блюда (была пятница, день шабаша), такъ какъ въ день субботній прикосновеніе къ огню считается смертнымъ грѣхомъ.

— Ну, что, какъ Барухъ?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Ай-вай, панночку ясененькій, плохо, совсѣмъ плохо...

— Ничего, Рива, дастъ Богъ, вылѣчимъ, — сказала Борисовъ и сунуль ей что-то въ руку.

— Спасибо, спасибо, панночку добренькій! Нехай васъ Богъ милуетъ! — утерла она концомъ тюрбана глаза и наклонилась, должно-быть, хотѣла поцѣловать руку его, но онъ отдернулъ ее и поскорѣе ушелъ.

По скользкимъ ступенямъ спустились въ темный подвалъ. На полу валялись кучи тряпья, стояли лохани и кадushки съ помоями; отъ нихъ шелъ такой смрадъ, что дыханіе спиралось. Въ красномъ углу, на востокъ, — завѣшанный полинялою парчою кивотъ, съ пергаментными свитками Торы; на крюкѣ — мѣшокъ изъ телячьей кожи съ молитвенными принадлежностями; на гвоздикѣ—плетеная свѣча зеленого воску для зажиганія послѣ шабаша. На сундукѣ съ тряпьемъ, замѣнявшимъ постель, лежалъ старикъ съ длинной бѣлой бородой, какъ Іовъ на гноищѣ.

Барухъ Эпельбаумъ, великій ревнитель закона, былъ богатымъ купцомъ, но когда любимая дочка его сбѣжала съ русскимъ приказчикомъ, онъ заскучалъ, забросилъ дѣла, разорился и, не имѣя, гдѣ преклонить голову, больной, почти умирающій, пріѣхалъ въ Васильковъ къ дальнимъ родственникамъ. Барухъ какъ-то выручилъ Борисова изъ большой бѣды, давъ ему денегъ взаймы, и теперь, когда всѣ старика покинули, тотъ утѣшалъ его и ухаживалъ за нимъ, какъ самая нѣжная сидѣлка.

— Десница Божья отяготѣла на мнѣ! Нѣтъ цѣлаго мѣста въ плоти моей, нѣтъ мира въ костяхъ моихъ! Смердятъ, поются раны мои отъ безумья моего! — восклицалъ Барухъ по-еврейски, заунывно и торжественно, съ такимъ видомъ, что нельзя было понять, молится онъ или богохульствуетъ.

— Ну-ка, братецъ, снимай свитку, мазаться будемъ, — казалъ Борисовъ, подходя къ старику.

— Охъ-охъ-охъ, паниочку миленькій!—простоналъ Барухъ жалобно. — Оставь ты меня, какъ всѣ меня оставили! Не треба мнѣ мази твоей. Нехай помру, якъ песь... Проклятъ день рожденія моего и ночь, когда сказали: зачался человекъ! — прибавилъ онъ опять по-еврейски, заунывно и торжественно.

— Ну, братъ, полно кобениться! Вотъ намажу, легче будетъ.

Борисовъ помогъ ему снять грязную, въ лохмотьяхъ, свитку. Голицынъ увидѣлъ мертвенно-блѣдное тѣло съ красными пятнами отвратительной сыпи и отвернулся невольно. Барышня я, что ли?» вспомнилось ему.

А Борисовъ дѣлалъ свое дѣло, какъ хорошій лѣкарь: досталъ баночку съ мазью, засучилъ рукава и принялся тереть. Кидъ стоналъ, корчился отъ боли, потому что мазь была ѣдкая.

Когда Борисовъ кончилъ, больной долго лежалъ, не шевелясь и закрывъ глаза, какъ мертвый; потомъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на Борисова и сказалъ, какъ будто прощая разговоръ, только что прерванный:

— Вотъ вы говорили намедни, ваше благородьице: Иешу Ганоцри добро людямъ сдѣлалъ, а я говорю: зло. Ай-вай, какого зла никто людямъ не дѣлалъ, какъ Иешу Ганоцри...

— Пустое ты мелешь, Барухъ! Какое же зло?

— А вотъ слушайте, ваше благородійце, я вамъ скажу. Я — песь поганый, жидъ пархатый, а я лучше вашего знаю се, — усмѣхнулся онъ тонкой усмѣшкой завятаго спорника; мѣшалъ русскій языкъ съ украинскимъ, польскимъ и еврейскимъ, но такая сила убѣжденія была въ лицѣ его, въ виженіяхъ и въ голосѣ, что Голицынъ почти все понималъ. — Вотъ гляжу я въ окошечко: вотъ идетъ Лейба изъ Берди-

чева, вотъ идетъ Шмулька изъ Нѣжина, а вотъ идетъ Іеш Ганоцри. Лейба — жидокъ, Шмулька — жидокъ, всѣ жидкѣ одинокіе, а Іешу кто?

— Іешу Ганоцри — Іисусъ Назарей, — шепнулъ Борисовъ на ухо Голицыну.

— Слушайте, слушайте, я вамъ все скажу,—продолжал старикъ, обращаясь уже къ обоимъ вмѣстѣ, видимо, польщенный вниманіемъ Голицына. — Вы, христіане, не знаете, мы, жидки, знаемъ, кто такой Іешу Ганоцри. Мы всю его фамилію знаемъ, и матку, и батьку, и сестричекъ, и братиковъ! — лукаво прищурился онъ и залился вдругъ тоненькимъ смѣхомъ. — Въ Варшавѣ паночекъ одинъ, такой же вотъ, какъ ваша милости, добренькій да умненькій, далъ мнѣ Евангеліумъ. «Читай,—говорить,—Барухъ, можетъ, твоей душенькѣ польза будетъ». Сталъ я читать, да нѣтъ, не могу. «Ну, и что ж такое? — говоритъ, — отчего не можешь читать?» . . .

Вдругъ смѣхъ исчезъ. Онъ сжалъ кулаки и потрясъ имъ въ воздухѣ. Лицо исказилось, какъ у бѣсноватаго.

— Въ Законѣ сказано: «слушай, Израиль: Я есмь Господь Богъ твой». А Онъ, Человѣкъ, Себя Богомъ сдѣлалъ. Нѣтъ хуже того зла на свѣтѣ . . .

— возопилъ онъ съ тѣмъ же святымъ неистовствомъ, съ какимъ первосвященникъ Каіаффа разодралъ нѣкогда одежды свои передъ судилищемъ . . .

— Ну, что? Вѣдь не глупъ мой жидъ, а? — сказал Борисовъ, когда они опять вышли на улицу.

— Настоящій философъ, въ тезку своего, Баруха Спинозу! — отвѣтилъ Голицынъ. — Только всѣ они чего-то и понимаютъ главнаго.

— А что главное?

— Ну, этого я вамъ не скажу: «тутъ молчокъ, и всякъ сверчокъ знай свой шестокъ»,—усмѣхнулся Голицынъ.

— А я боялся, что скажете,—посмотрѣлъ на него Борисовъ, сначала серьезно, а потомъ вдругъ тоже съ улыбкой, и спросилъ:

— Вы куда?

— Домой,—отвѣтилъ Голицынъ, чтобы узнать, не обрадуется ли онъ, по обыкновенію, что его оставляютъ въ покоѣ.

— Заняты?

— Нѣтъ.

— Такъ пойдемте ко мнѣ. Знаете что, Голицынъ? Я вѣдь съ вами давно говорить хотѣлъ, да все боялся..

— Чего же боялись?

— Да вотъ, какъ батька мой говорить: съ важными господами вишенъ не ѣшь, какъ бы косточкой глаза не вышибли.

— Вы такъ обо мнѣ думали?

— Ну, не сердитесь. Я теперь не такъ...

— А какъ?

— Теперь, — засмѣялся Борисовъ, — какъ дѣдуся-пасѣчникъ нашъ говорить: вижу по всему, что вы человѣкъ, какъ человѣкъ, а не то, что называется панъ.

— Ну, и слава Богу!

— Не сѣрдитесь?

— Да нѣтъ же, какой вы, право, чудакъ!

Голицынъ вдругъ почувствовалъ, что Борисовъ тихонько жметъ ему руку.

— Вамъ Бестужевъ говорилъ о Славянахъ?

— Говорилъ.

— Не поняли?

— Не совсѣмъ.

— Да вѣдь просто?

— Иногда простое понять труднѣе всего.

— Вотъ именно, — подхватилъ Борисовъ, — самое простое — самое трудное. Но вы понять можете: слѣпенькаго поняли и жиды поняли; значить, и насъ поймете...

Онъ говорилъ теперь связно и внятно, какъ будто совсѣмъ другой человѣкъ; и лицо — другое, новое. «Какое милое лицо, и какъ я его раньше не видѣлъ!» удивился Голицынъ.

Борисовъ жилъ на выѣздѣ изъ города, у Богуславской заставы, въ крошечной хаткѣ съ двумя каморками, почти безъ мебели. «Съ хлѣба на квасъ перебивается», вспомнилось Голицыну.

Когда они вошли, молодой человекъ, сидѣвшій у окна и что-то рисовавшій, съ милымъ, грустнымъ и большимъ лицомъ и съ глазами, такими же тихими, какъ у Борисова, вскочилъ въ испугъ и, не здороваясь, убѣжалъ въ сосѣднюю каморку, гдѣ заперся на ключъ. Это былъ Андрей Ивановичъ, братъ Борисова.

Хозяинъ показалъ гостю коллекціи бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ, а также рисунки животныхъ, птицъ, полевыхъ цвѣтовъ и растений.

— Это все — Андрей Ивановичъ. Не правда ли, мастеръ? — сказалъ онъ съ гордостью.

Въ самомъ дѣлѣ, рисунки были прекрасные.

— Жарко здѣсь, и мухи. Пойдемте-ка въ садъ, — предложилъ Петръ Ивановичъ.

Голицынъ понялъ, что онъ не хочетъ беспокоить больного брата.

У хатки не было сада, она стояла на пустырь. Перелѣзли черезъ плетень въ чужую дьячковскую пасѣку, забрались подъ густую тѣнь черешень и усѣлись въ высокой травѣ на сваленныя колоды ульевъ. За плетнемъ, надъ бѣлой дорогой, воздухъ дрожалъ и мерцалъ отъ зноя ослѣпительно; а здѣсь, въ тѣни, было свѣжо; струйка воды журчала по мшистому желобу, и тихое жужжаніе пчель напоминало дальній колоколь.

— Ну, говорите: чего же вы не поняли?—началъ Борисовъ.

— Цѣль вашего Общества—соединеніе славянскихъ племенъ въ единую республику? — спросилъ Голицынъ.

— Да. Федеративный союзъ, подобный древнегреческому, но гораздо его совершеннѣе.

— Какія же у васъ средства къ тому?

— Средства? Да тѣ же, что и у васъ, десятое дѣло, пожалуйста. Ну, тамъ возмущеніе, сверженіе династїи... ну, и прочее. Вы же знаете...

Говорилъ, видимо, чужое, заученное и для него самого не важное; помолчалъ и прибавилъ уже иначе, съ усмѣшкой печальной и ласковой:

— Мы вѣдь сначала о средствахъ почти и не думали; мечтали сдѣлать переворотъ съ такою же легкостью, какъ парижане мѣняютъ старыя моды на новыя. Ни о чемъ не заботились, какъ въ раю жили, ждали чудесъ, вѣрили, скажемъ горѣ: «сдвинься!» — и сдвинется. Только впоследствии увидѣли, какъ трудно все... Да, многое придется оставить, ежели соединимся съ Южными. А жаль. Хорошо было; такъ уже больше не будетъ.

Было, да поплыло,
Его не вертати...

Онъ подаль ему тоненькую, въ синей обложкѣ, какъ будто ученическую, тетрадку: захватилъ ее съ собою давеча изъ дому.

— Вотъ наши правила. Читайте сами. Можетъ-быть, лучше поймете.

Голицынъ прочелъ:

«Ты еси Славянинъ, и на землѣ твоей при берегахъ морей, ее окружающихъ, построишь четыре гавани, а въ серединѣ городъ и въ немъ богиню Просвѣщенія на тронѣ посадишь, и оттуда будешь получать себѣ правосудіе, и ему повиноваться обязанъ, ибо оно съ путей, тобою начертанныхъ, совращаться не будетъ.

«Желаешь имѣть сіе, — съ братьями твоими соединишь, отъ коихъ невѣжество предковъ отдалило тебя».

Между строкъ нарисованъ былъ восьмиугольный знакъ съ поясненіемъ:

«8 сторонъ означаютъ 8 славянскихъ народовъ: россіяне, поляки, чехи, сербы, кроаты, далматы, трансильванцы, моравцы; 4 якоря—гавани: Балтійскую, Черную, Бѣлую, Средиземную; единица въ серединѣ—единство сихъ народовъ».

А въ примѣчаніи сказано:

«Можно сей знакъ употреблять на печатяхъ».

Потомъ отдѣльныя изреченія:

«Духъ рабства показывается напыщеннымъ, а духъ вольности простымъ».

«Будешь челоѣкомъ, когда познаешь въ другомъ челоѣка, и гордость тирановъ падеть передъ тобою на колѣна».

«Ни на кого не надѣйся, кромѣ твоихъ друзей и твоего оружія; друзья тебѣ помогутъ, оружіе тебя защититъ».

«Свобода покупается не слезами, не золотомъ, а кровью»

«Обнаживши мечъ противъ тирана, должно отбросити ножны какъ можно далѣе».

И, наконецъ, клятва:

«Съ мечомъ въ рукахъ достигну цѣли, нами назначенной. Пройдя тысячи смертей, тысячи препятствій, посвящу послѣдній вздохъ свободѣ. Клянусь до послѣдней капли крови вспомоществовать вамъ, друзья мои, отъ этой святой для меня минуты. Если же нарушу клятву, то острее меча сего, надъ коимъ клянусь, да обратится въ сердце мое»

Голицынъ испытывалъ странное чувство: что такіе люди какъ Борисовъ, за каждое слово, каждую букву этой бѣдной тетрадки пойдутъ на смерть,—не сомнѣвался и, вмѣстѣ съ тѣмъ, понималъ, что эта славянская республика—такое же ребячество, какъ пифагорейское шествіе въ селѣ Рѣшетилковкѣ

«А можетъ-быть, такъ и надо? Если не обратитесь и не станете какъ дѣти», подумалъ Голицынъ опять, какъ тогда въ Петербургѣ, на сходкѣ у Рылѣева.

Борисовъ молчалъ, потупившись, и, взявъ у него тетрадку, тщательно разглаживалъ согнувшіеся уголки листовъ. Голицынъ тоже молчалъ, и молчаніе становилось тягостнымъ.

— А знаете, Борисовъ, вѣдь это совсѣмъ не политика,—проговорилъ онъ наконецъ.

— А что же?—спросилъ тотъ и, быстро взглянувъ на него, опять потупился.

— Можетъ-быть, религія,—возразилъ Голицынъ.

— Какая же религія безъ Бога?

— А вы въ Бога не вѣрите?

— Нѣтъ, я... не знаю, я не могу. Я же говорилъ у Муравьева, помните? Я, какъ жиды, не могу назвать Его по

имени, не могу сказать. Скажешь, — и все пропадетъ. Вотъ и теперь; сказалъ вамъ о нашемъ—и все пропало...

Лицо его поблѣднѣло, губы искривились болѣзненно, пальцы, все еще расправлявшіе уголки листовъ, задрожали.

И Голицыну вдругъ стало жалко его нестерпимою жастью, и больно, и страшно, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, все пропало.

— Нѣтъ, не пропало,—началь онъ, думая, что обманываетъ его отъ жалости; но въ то же мгновеніе, какъ человѣкъ онушій, прикоснувшись ко дну, чувствуетъ, что какая-то сила поднимаетъ его, такъ онъ почувствовалъ, что не жалѣеть, не обманывается. — Да, ничего не пропало,—повторилъ онъ, себе есть...

— Что же есть?—спросилъ Борисовъ.

— Есть главное, вотъ то, что у васъ въ клятвѣ оказано: послѣдній вздохъ отдать свободѣ. А если вы назвать Его, сказать о Немъ не можете, то сдѣлайте,—другіе скажутъ.

Борисовъ поднялъ на него глаза со своей стыдливой улыбкой, но ничего не сказалъ, и Голицынъ тоже; какъ будто заразился отъ него, — почувствовалъ, что говорить не надо: «скажешь—и все пропадетъ».

Была тишина полдневная, ни вѣтерка, ни шелеста,—такая же въ ней тайна, близость ужаса, какъ въ самую темную ночь.

Вдругъ почудилось Голицыну, что за нимъ стоитъ Кто-то и сейчасъ подойдетъ, позоветъ ихъ, скажетъ имя Своему, кто не знаетъ имени. Дуновеніе ужаса пронеслось надъ нимъ.

Онъ всталъ и оглянулся,—никого, только въ темной ащѣ пасѣки бѣлѣла, освѣщенная солнцемъ, колода улья, тихое жужжаніе пчель напоминало дальній колоколь.

И вспомнился Голицыну дальній колоколь на пустынной петербургской улицѣ, когда Рылѣевъ сказалъ ему:

— А все-таки надо начать!

Тогда еще сомнѣвался онъ, а теперь уже зналъ, что начать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Второй батальонъ Черниговскаго пѣхотнаго полка которымъ командовалъ Муравьевъ, считался образцовымъ во всемъ 3-мъ корпусѣ. Генераль Ротъ два раза представлялъ Муравьева въ полковые командиры, но государь не утверждалъ, потому что имя его находилось въ спискѣ заговорщиковъ.

«Предавшись попеченію о своемъ батальонѣ, я жилъ съ солдатами, какъ со своими дѣтьми», рассказывалъ въ слѣдствіи самъ Муравьевъ о своемъ васильковскомъ житіи. Тѣлесныя наказанія — палки, розги, шпицрутены — были уничтожены, а дисциплина не нарушалась, и страхъ замѣнялся любовью. «Командиръ — нашъ отецъ: онъ насъ *прощаетъ*», говорили солдаты.

Въ Черниговскомъ полку служило много бывшихъ семеновцевъ, разжалованныхъ и сосланныхъ по армейскимъ полкамъ, послѣ бунта 1819 года. Случайный бунтъ, вызванный жестокостью полкового командира, Меттернихъ представилъ государю, какъ послѣдствіе всемірнаго заговора карбонаровъ — начало русской революціи.

Государь не прощалъ бунта семеновцамъ, не забывалъ и того, что они были главными участниками въ царевубійствѣ 11 марта. Офицеровъ и солдатъ жестоко наказывалъ за малѣйшій проступокъ.

— Лучше умереть, нежели вести такую жизнь, — роптали солдаты.

На нихъ-то и надѣялись больше всего заговорщики. До перевода въ армію Муравьевъ служилъ въ Семеновскомъ полку.

— Что, ребята, помните ли свой старый полкъ, помните ли меня?—спрашивалъ онъ солдатъ.

— Точно такъ, ваше высокородіе, — отвѣчали тѣ: — рады стараться съ вашимъ высокородіемъ до послѣдней капли крови, рады умереть!

Наблюдая за ними, Голицынъ убѣждался воочию, что возстаніе не только возможно, но и неизбежно.

— Вотъ какой семеновцы имѣютъ духъ, что рядовой Апойченко поклялся привести весь Саратовскій полкъ безъ офицеровъ и, при первомъ смотрѣ, застрѣлить изъ ружья государя. Да и въ прочихъ полкахъ солдаты къ солдатамъ пристанутъ, и достаточно одной роты, чтобы увлечь весь полкъ, — увѣрялъ Бестужевъ.

— Русскій солдатъ есть животное въ самой тяжелой долѣ, — объяснялъ онъ Голицыну:—мы положили дѣйствовать надъ нимъ, умножить его неудовольствіе къ службѣ и вышнему начальству, а главное, извлечь солдата изъ унынія и удалить отъ нихъ безнадежность, что жребій ихъ переимѣниться не можетъ.

И на примѣрѣ показывалъ, какъ это надо дѣлать. Когда говорилъ имъ о сокращеніи службы съ 25 лѣтъ на 15 или о томъ, что наказаніе палками «противно естеству человѣческому», солдаты хорошо понимали его; хуже понимали, но слушали, когда онъ толковалъ имъ:

— Вотъ, ребята, скоро будетъ походъ въ Москву, гдѣ оберется вся армія, чтобы требовать отъ государя новаго положенія и облегченія для войскъ, ибо служба теперь размѣрно тяжела: васъ тиранятъ, бьютъ палками, занимаютъ безпрестанными ученьями и пригонкой амуниціи, все это выдумывается вышнимъ начальствомъ, которое большею частью изъ нѣмцевъ. Но о васъ, такъ же какъ вообще о нижнемъ сословіи людей, заботятся многія знательныя особы и стараются о томъ, дабы облегчить вамъ жребій. Есть люди, кои сами готовы принести жизнь вою въ жертву для освобожденія себя, а болѣе васъ, отъ рабства. Если у васъ духу станетъ, то участь ваша скоро переимѣнится. Вамъ не должно унывать, но быть

твердыми и, въ случаѣ нужды, рѣшиться умереть за свои права...

Когда же онъ доказывалъ имъ, что «не всякая власть отъ Бога», они совсѣмъ ничего не понимали.

— Точно такъ, ваше благородіе, — соглашались неожиданно:—одинъ Богъ на небѣ, одинъ царь на землѣ. Противъ царя да Бога не пойдешь!

И тутъ уже всѣ слова какъ объ стѣну горохъ. А когда опять спрашивалъ ихъ:

— Пойдете, ребята, за мной, куда ни захочу?

— Куда угодно, ваше благородье! — отвѣчали въ одинъ голосъ, воображая, будто командиры задумали походъ за рубежъ, въ Австрію, чтобы тамъ собраться всѣмъ бывшимъ семеновцамъ, просить у царя милости, и царь непременно ихъ помилуетъ, возвратитъ въ гвардію.

Доказывая, что «природа создала всѣхъ одинаковыми», Бестужевъ нюхалъ табакъ съ фейерверкеромъ Зюнинымъ, цѣловался съ вахмистромъ Швачкою, а тотъ конфузился и утирался рукавомъ стыдливо, какъ бы христосуясь.

Рядового Цыбуленко училъ грамотѣ и долго бился съ нимъ, пока не началъ онъ корявыми пальцами выводить въ прописи большими кривыми буквами: «Брутъ. Кассій. Мирабо. Лафайетъ. Конституція».

Иногда Голицынъ присутствовалъ на этихъ урокахъ.

— Что такое свобода?—спрашивалъ Бестужевъ.

— Свобода есть даръ Божій, — отвѣчалъ Цыбуленко.

— Всѣ ли люди свободны?

— Точно такъ, ваше благородіе!

— Нѣтъ, малое число людей поработило большее. Свободна ли Россія?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

— Отчего же!

.
Цыбуленко молчалъ, краснѣлъ, потѣлъ и выпучивалъ глаза.

— Болванъ! Экій ты, братецъ, болванъ! — выходилъ изъ себя Бестужевъ.—Ну, что мнѣ съ тобою дѣлать?

— Виноватъ, ваше благородье! — вытягивался Цыбу-

ленно во фронтъ и моргалъ глазами такъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «отпустите душу на покаяніе!»

— Ну, ступай. Видно, отъ тебя сегодня толку не добьешься. Приходи завтра.

И, чтобы утѣшить его, давалъ ему гривну мѣди на баню.

— И ребятамъ скажи, чтобъ всегда приходили ко мнѣ, если имѣютъ какую нужду.

— Что за комедія! — смѣялся Горбачевскій. — Знаете, Бестужевъ, послѣ французскаго похода одинъ гвардейскій генералъ, подѣзжая къ полку, бывало, здоровался: «bonjour, люди!» Такъ вотъ и вы; только не поймутъ они вашего бонжура.

— Нѣтъ, поймутъ, все поймутъ! — не унывалъ Бестужевъ.

О томъ, чтобы поняли, старался полковой командиръ Гебель, выученикъ знаменитаго «палочника», генерала Рота.

Густавъ Ивановичъ Гебель былъ родомъ полякъ и ненавидѣлъ русскихъ, какъ будто мстилъ имъ за то, что самъ пзмѣнилъ родинѣ.

На Васильковской площади, гдѣ пролежала почтовая дорога изъ Бердичева въ Кіевъ, проѣзжіе польскіе паны могли видѣть, какъ соотечественникъ ихъ бьетъ русскихъ солдатъ. Билъ самъ командиръ; били урядники и фельдфебели, и эфрейторы; били такъ, что концы палокъ отъ побоевъ измочаливались.

Гебель ложился на землю, наблюдая, хорошо ли носки вытянуты; щупалъ у солдатъ подъ носомъ, «регулярно ли усы, за немѣніемъ натуральныхъ, углемъ нарисованы», стягивалъ ремнями талии для выправки, а когда людямъ дѣлалось дурно, билъ ихъ; билъ ихъ и за то, что «примѣтно дышать или кашляютъ». Приказывалъ имъ плевать другъ другу въ лицо. Старыхъ ветерановъ, чьи ноги исходили десятки тысячъ верстъ, и тѣло покрыто было ранами, училъ наравнѣ съ мальчишками-рекрутами.

Мы — отечеству защита,
А спина всегда избита.
Кто солдата больше бьетъ,
И чины тотъ достаетъ —

пѣли они жалобно и сказывали сказку о томъ, какъ солдатъ душу чорту продалъ, чтобы тотъ за него срокъ отслужилъ; началъ было чортъ служить, но скоро такъ замучился, что отъ души отказался.

Въ послѣдніе дни Муравьевъ былъ самъ не свой. Замѣтивъ это, Голицынъ спросилъ Бестужева, что съ нимъ, и тотъ рассказалъ.

Фланговой перваго батальона, старый солдатъ, испытанной храбрости, бывший во многихъ походахъ и сраженіяхъ, Михаилъ Антифѣевъ, началъ совершать побѣгъ за побѣгомъ; а когда ротный командиръ, послѣ вынесеннаго имъ, Антифѣевымъ, за новый побѣгъ жестокаго истязанія, убѣждалъ старика, вспоминая прежнюю службу его, не подвергать себя мученіямъ,—тотъ отвѣтилъ, что, пока не накажутъ его кнутомъ и не сошлютъ въ Сибирь, онъ не прекратитъ побѣговъ. Случалось, что солдаты убивали перваго встрѣчнаго, даже дѣтей, чтобы избавиться отъ службы. Антифѣевъ добился своего: за то что отлучился отъ полка, напился пьянъ и отнял у мужика два рубля серебромъ,—приговоренъ былъ къ кнуту и каторгѣ.

Муравьевъ хлопоталъ за него черезъ генераль-маіора, князя Сергѣя Волконскаго, члена Тайнаго Общества, имѣвшаго большія связи, и просилъ полкового командира отложить наказаніе. Но командиръ написалъ доносъ въ корпусной штабъ и получилъ распоряженіе исполнить приговоръ немедленно, а Муравьеву сдѣлать строжайшій выговоръ.

Казнь должна была происходить на военномъ полѣ, у Богуславской заставы, передъ выстроеннымъ полкомъ. Наканунѣ Бестужевъ послалъ тайно, черезъ одного унтеръ-офицера, 25 рублей палачу, чтобы «легче билъ».

Поутру, въ день казни, Голицынъ занимался въ кабинетѣ Муравьева, какъ часто дѣлывалъ по приглашенію хозяина; у Муравьева была хорошая бібліотека. Сидя у окна, Голицынъ читалъ рукопись его на французскомъ языкѣ, философское изслѣдованіе о пространствѣ и времени.

Голицынъ погруженъ былъ въ глубины метафизики, когда подъѣхала къ дому линейка съ Муравьевымъ, Бестужевымъ и еще нѣсколькими офицерами Черниговскаго полка. На Муравьевѣ лица не было. Ему помогли сойти съ линейки и ввели въ домъ подъ руки. Голицынъ сначала думалъ, что онъ упалъ съ лошади, расшибся или какъ-нибудь иначе раненъ, и только впоследствии узналъ все отъ Бестужева.

Подъ кнутомъ палача Антифѣевъ, пока былъ въ сознаниіи, молчалъ, пересиливая боль, но потомъ, въ забытіи, началъ стонать и охать. Муравьевъ, все время казавшійся спокойнымъ, вдругъ поблѣднѣлъ и упалъ безъ чувствъ. Произошло смятеніе. Несмотря на команды и угрозы Гебеля, стоявшіе вблизи офицеры и солдаты, забывъ дисциплину, бросились на помощь къ любимому начальнику. Послышался ропотъ. Казалось, еще минута — и вспыхнетъ бунтъ. Но Муравьевъ очнулся; его усадили въ линейку и увезли. Кое-какъ порядокъ былъ восстановленъ, и казнь продолжалась. Антифѣевъ получилъ все, что ему слѣдовало.

Муравьевъ былъ боленъ. У него сдѣлался сердечный припадокъ; онъ вообще страдалъ сердцемъ. Бестужевъ хотѣлъ послать за лѣкаремъ, но больной не позволилъ.

— Ничего, пустяки, все прошло,—повторялъ онъ со стыдливой, какъ будто виноватой, улыбкой.

Къ вечеру стало ему легче. Онъ позвалъ къ себѣ Голицына и Бестужева. Лежалъ на диванѣ. Должно-быть, былъ маленькій жаръ; лицо было блѣдно, глаза горѣли. Вспомнилось Голицыну то странное подобіе, которое пришло ему въ голову при первомъ свиданіи съ нимъ: въ лютой морозъ, на снѣжномъ полѣ, зеленая вѣтка съ весенними листьями.

— Что вы сегодня читали, Голицынъ? — спросилъ Муравьевъ и началъ разговоръ отвлеченнѣйшій о пространствѣ и времени по Кантовой «Критикѣ чистаго разума»; могъ говорить о такихъ метафизическихъ предметахъ цѣлыми часами, забывая все на свѣтѣ; но когда Бестужевъ вышелъ изъ комнаты,—посмотрѣлъ на Голицына пристально и сказалъ:

— Какъ глупо, Боже мой, какъ глупо! И срамъ-то какой! Хороши заговорщики: какъ барышни, въ обморокъ падаемъ!

— Со всякимъ можетъ случиться,—возразилъ Голицынь:—кажется, и я бы не вынесъ.

— Да вѣдь мы же съ вами бывали въ сраженіяхъ, а тамъ хуже.

— Нѣтъ, Муравьевъ, тамъ лучше.

— Да, пожалуй. А знаете что, Голицынь? Это вѣдь у меня сдѣлалось не отъ вида страданій, не отъ вопля истязуемаго, а отъ чего-то другого. Когда тотъ, подъ кнутомъ, началъ стонать, я взглянулъ на Гебеля... Случалось вамъ видѣть во снѣ чорта?

— Случалось.

— То-есть, не то что видишь, — продолжалъ Муравьевъ,—а вдругъ такая страшная, страшная тяжесть, и по этой тяжести знаешь, что это онъ. Ну, такъ вотъ и со мной давеча: когда тотъ началъ стонать, я взглянулъ на Гебеля и вдругъ почувствовалъ... Мы вотъ все говоримъ объ убійствѣ, а ничего не знаемъ о немъ, какъ о пространствѣ и времени, то-есть по-настоящему не знаемъ, что это такое. А вѣдь, это тоже *категорія*, какъ говоритъ Кантъ. «Не убій»—одна категорія, а «убій»—другая. И можно перейти изъ одной въ другую. Ну, вотъ я и перешелъ. Понялъ вдругъ, что можно убить. Все думалъ, что нельзя, а тутъ понялъ, что можно. И не то что когда-нибудь потомъ, а вотъ сейчасъ, брошусь и тутъ же на мѣстѣ.

Онъ привсталъ на постели, и лицо его исказилось ужасно; что-то въ немъ напомнило Голицыну жида Баруха, бѣсноватаго.

— И вотъ еще что, Голицынь,—прошепталъ онъ задыхающимся шопотомъ:—я вѣдь непременно когда-нибудь убью его, убью, какъ собаку!

— Сережа, голубчикъ, не надо, ради Бога, не надо!—бросился къ нему Бестужевъ, вбѣгая въ комнату.

Начался новый припадокъ, но скоро прошелъ. Ночью онъ уснулъ спокойно и къ утру былъ почти здоровъ; только

ю просьбѣ Бестужева дня два не выходить изъ комнаты и оглашался иногда прилечь на постель.

Солдаты посѣщали его, особенно тѣ, которыхъ «просвѣтили» Бестужевъ. Горбачевскій, по обыкновенію, смѣялся надъ ними.

— Ну, что, братъ, въ банѣ былъ?—спрашивалъ онъ Цыбуленку.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

— Куда же ты гривну дѣвалъ, что получилъ наемни-
тъ господина подпоручика? Опять шинкаркѣ снесъ?

Тотъ молчалъ, потѣлъ, краснѣлъ, выпучивалъ глаза и переминался съ ноги на ногу.

— Онъ, ваше благородье, свѣчку поставилъ Владычицѣ
и о. Данилѣ на часточку подаль за здравіе ихъ высокоблагородья, — отвѣтилъ за него Григорій Крайниковъ, бойкій молодой солдатъ, съ веселымъ и умнымъ лицомъ.

— Правда, Цыбуленко?—спросилъ Муравьевъ.

— Такъ точно, ваше высокоблагородье!

— Ну, спасибо, голубчикъ. Поди же сюда.

Цыбуленко подошелъ, и Муравьевъ подаль ему руку. Онъ еще больше застыдился, но вдругъ лицо его просвѣтлѣло, какъ будто онъ понялъ что-то; неуклюжей, заго-
блѣлой, закорузлой мужичьей рукой взялъ женственно-
онкую блѣдную руку и крѣпко пожалъ. Отвернулся, смор-
щился, утеръ глаза рукавомъ.

И всѣ поняли. Не надо было говорить,—по лицамъ видно было, что «рады стараться до послѣдней капли крови, рады умереть».

«Это пожатые двухъ рукъ — навѣки вѣковъ: не сейчасъ, а въ потомъ опять соединятся онѣ, и тогда, что надо сдѣлать, дѣлаютъ», подумалъ Голицынъ.

Только теперь, во время болѣзни Муравьева, понялъ онъ Бестужева.

— «Кто не азартуе, тотъ не профитуе»,— какъ сказала нѣ одна полька, съ которой мы играли въ *цивкъ*,—любилъ повторять Бестужевъ:—намъ, заговорщикамъ, слѣдуетъ по-
нить это правило...

И самъ онъ помнилъ его: много ли, мало ли, но все, чт имѣлъ, ставилъ на карту.

Когда старуха-мать заболѣла и, уже при смерти, звал его къ себѣ, онъ мучился, потому что любилъ ее съ нѣжн стью, но, удержанный дѣлами Общества, такъ и не поѣхал къ ней, и она умерла, не повидавшись съ нимъ.

— Для пріобрѣтенія свободы не нужно никакихъ сект никакихъ правилъ, никакого принужденія,—нуженъ один восторгъ: восторгъ пигмея дѣлаетъ гигантомъ; онъ разру шаетъ все старое и создаетъ новое! — воскликнулъ он однажды, и Голицынъ почувствовалъ, что Бестужевъ весь въ этихъ словахъ.

Маленькій, худенькій, рыженькій, огненный напоми налъ онъ гербъ Франциска I—Саламандру въ пламени с надписью: *горю и не сгораю*.

Понималъ Голицынъ и то, откуда этотъ огонь.

— Муравьевъ и Бестужевъ—близнецы неразлучные, одна душа въ двухъ тѣлахъ,—говорили товарищи.

Бестужевъ, «пустой малый», сойдясь съ Муравьевымъ вдругъ поумнѣлъ, расцвѣлъ, преобразился,—откуда чт взялось, какъ у влюбленной дѣвушки.

Въ эти дни пріѣхалъ въ Васильковъ братъ Сергѣя Му равьева, Матвѣй Ивановичъ. Матвѣй участвовалъ въ Таи номъ Обществѣ и долго былъ ревностнымъ членомъ, и потомъ потерялъ вѣру въ него и такъ мучился этимъ, чт хотѣлъ покончить съ собою.

Братья были похожи обратнымъ сходствомъ, какъ лѣ вая и правая рука, которая никогда не могутъ сойтись н одной плоскости. Бестужеву, который боялся и ненавидѣл Матвѣя Ивановича, казалось, что онъ—кариатура н брата, дьявольскій двойникъ его, отраженіе въ выпуклом зеркалѣ, нелѣпо искаженное, раздавленное, расплющен ное: чтò у того ввысь, то у этого вширь; одинъ—весь легкій тонкій, стройный, стремительный; другой—тяжелый, ши рокій, ширококостый, приземистый.

Голицынъ слышалъ отъ Катрусн сказку о Віѣ, подзем номъ чудовищѣ съ желѣзнымъ лицомъ и длинными, до земл

опущенными вѣками. «Матвѣй Ивановичъ—Вій, Серезинъ бѣсъ, бѣсъ тяжести,—вотъ чего боится Бестужевъ»,—казалось иногда Голицыну.

— Я не могу ихъ видѣть вмѣстѣ; онъ изъ него, какъ паукъ изъ мухи, кровь высасываетъ,—говорилъ Бестужевъ.

Что Матвѣй во многомъ правъ, онъ понималъ; но чѣмъ правѣе, тѣмъ ненавистнѣе.

Когда Сергѣй поникалъ, изнемогалъ подъ навалившейся Виевой тяжестью брата, а тотъ, казалось, весь оживлялся, веселился, шевелился, какъ паукъ,—Бестужевъ убилъ бы его тутъ же на мѣстѣ.

Матвѣй Ивановичъ пробылъ въ Васильковѣ съ недѣлю, и все это время Сергѣй былъ боленъ.

Наконецъ Бестужевъ не выдержалъ и однажды, при Голицынѣ, спросилъ Матвѣя Ивановича въ упоръ:

— Долго вы еще здѣсь пробудете?

— Не знаю. Какъ поживется,—отвѣтилъ тотъ и, приподнимая свои сонно-тяжелыя, Виевы вѣки, посмотрѣлъ на Бестужева пристально-злобно. Можетъ-быть, и ему казалось, что Бестужевъ — Серезинъ бѣсъ, бѣсъ легкости

— А что?—прибавилъ онъ съ вызовомъ.

— А то, что ваше присутствіе здѣсь мнѣ кажется вреднымъ.

— Кому? Не вамъ ли?

— Нѣтъ, не мнѣ, а вашему брату.

— Да вы что, нянька его, что ли?—усмѣхнулся Матвѣй Ивановичъ, пожалъ плечами и чуть-чуть поблѣднѣлъ.— По какому праву, сударь, становитесь вы между мной и братомъ?

— Не будемте ссориться, Матвѣй Ивановичъ,—возразилъ Бестужевъ.—Позвольте только дать вамъ совѣтъ: уѣзжайте поскорѣе...

— Позвольте вашъ совѣтъ не принять. Я уѣду, когда мнѣ будетъ угодно.

— Не уѣдете?

— Убирайтесь къ чорту!—закричалъ Муравьевъ и не то что затрясся, а какъ-то зашевелился весь своимъ тяже-

лымъ и подлымъ, на взглядъ Бестужева,—«паучьимъ» шевеленьемъ.

— Не горячитесь, Муравьевъ, — произнесъ Бестужевъ, тоже блѣднѣя.— Уѣзжайте, когда вамъ угодно, а только вѣдь, все равно, одинъ конецъ. Помните, въ Писаніи: «что дѣлаешь, дѣлай скорѣе»?

Матвѣй Ивановичъ помнилъ, что это сказано объ Іудѣ Предателѣ. Онъ вдругъ вскочилъ и схватилъ Бестужева за руку. Голицыну казалось, что они сейчасъ подерутся, и онъ уже всталъ, чтобы ихъ разнять. Но вошелъ Сергѣй. Лицо у него было такое больное, жалкое, что оба взглянули на него и опомнились. Закрывъ лицо руками, Бестужевъ выбѣжалъ изъ комнаты.

На слѣдующій день Матвѣй объявилъ, что завтра уѣзжаетъ. Въ ночь передъ отѣздомъ у него былъ съ братомъ послѣдній разговоръ, нечаянно подслушанный Голицынымъ.

Голицынъ сидѣлъ, такъ же, какъ намедни, одинъ въ кабинетѣ Сергѣя. Матвѣй съ братомъ ходили, разговаривая, взадъ и впередъ, все по одной и той же дорожкѣ сада, отъ крыльца къ сажалкѣ.

Ночь была тихая. Луна такъ ярко свѣтила, что бѣлыя стѣны хатъ сіяли почти ослѣпительно, больно для глазъ; и все затихло, замерло, какъ будто ожидая чего-то; только звѣзды дрожали да верхушки тополей шелестѣли чуть слышнымъ шелестомъ. И чѣмъ выше луна, тѣмъ ярче и ярче. тише и тише. И во всемъ — ожиданіе, напряженіе, томленіе почти нестерпимое.

Сидя у окна, открытаго въ садъ, Голицынъ то слышалъ, то не слышалъ разговоръ въ саду, смотря по тому, приближались или удалялись голоса.

— Да, Сережа, дѣло наше сверхъ силъ, и времени, и всякаго вѣроятія, — говорилъ Матвѣй Ивановичъ: — если бы увѣряли меня сорокъ тысячъ Пестелей, что произойдетъ именно то, чего имъ хочется, я не повѣрилъ бы, потому что знаю, что эти вещи дѣлаются въ мірѣ не какъ люди хотятъ, а какъ Богъ велитъ...

Дальше Голицынъ не слышалъ, а потомъ опять:

— Ничего мы не сдѣлаемъ, потому что и дѣлать не-
его... Да имѣемъ ли мы право, наконецъ, ничтожная часть
великаго цѣлаго, налагать свой образъ мыслей почти на-
мильно на тѣхъ, кто, можетъ-быть, довольствуется настоя-
щимъ и не ищетъ лучшаго?

Присѣли у крыльца на завалинкѣ, и теперь Голицыну
не только слышно, но и видно было все. Сергѣй слушалъ
молча, опустивъ голову на руки въ изнеможеніи, а Матвѣй
Ивановичъ весь оживлялся, шевелился, «какъ паукъ, со-
сущій кровь изъ мухи».

— И что мы можемъ обѣщать? — продолжалъ онъ.—
Метафизическія разсужденія о политикѣ двадцатилѣтнихъ
трапорщиковъ, которые ведутъ разговоры вольные не для
него иного, какъ выказки ума? И это будущіе правители,
рѣшители судебъ народныхъ! Если бы я не зналъ, что оди-
нчество способствуетъ восторженности чувствъ, я счелъ бы
засѣ всѣхъ сумасшедшими. Никакая цѣль не оправдываетъ
средствъ: кто дерзаетъ на вѣрное зло для невѣрнаго блага,
тогь злодѣй. Ничего изъ этого выйти не можетъ, кромѣ по-
гибели. И даже въ случаѣ успѣха мы предали бы Россію
бѣдствіямъ, о коихъ нельзя себѣ составить и понятія...

Сначала гдѣ-то вдали, а потомъ все ближе и ближе по-
слышалась грустная пѣсня:

Моя матинька, моя голубонька,
Якъ мени жити, якъ доживати?

Голицынъ узналъ Катрусинъ голосъ. Омелькина пасѣка
была по сосѣдству. Катруся часто заходила въ садъ къ Сер-
гѣю Ивановичу; онъ былъ съ нею ласковъ; можетъ-быть,
нравился ей, и она заигрывала съ нимъ, невинно, печально.
Вотъ и теперь зашевелились темные кусты черемухи, замель-
кала въ нихъ бѣлая плахта, и на перелазѣ черезъ плетень
появилась высокая, стройная, какъ тополь, дѣвушка въ
вѣнкѣ изъ маковъ и барвинка. Въ лунномъ свѣтѣ виденъ
былъ узоръ шитья на плахтѣ и каждый лепестокъ въ вѣнкѣ.
Плетень скрипнулъ. Сергѣй Ивановичъ оглянулся, увидалъ

Катрусю, кивнуль ей головой, съ улыбкой, и она тоже улыбаясь ему, крикнула, загадала загадку русалочью:

— Полынь или петрушка?

— Петрушка! Петрушка! — отвѣтилъ онъ радостно.

— Ты моя душка! — засмѣялась она, соскочила съ плетня и нырнула изъ свѣта въ тѣнь, какъ въ черную воду русалка

— Сережа, ты меня не слушаешь? — произнесъ голосъ Матвѣя Ивановича.

— Нѣтъ, слушаю, мой другъ! Все, что ты говоришь правда, почти правда. Я иногда и самъ такъ думаю...

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но братъ не далъ ему опять заговорить уныло, упорно, мучительно, повторяя все одно и то же: «погибнемъ, погибнемъ! Ничего не будетъ Ничего не сдѣлаемъ!»

— Мы жестоко ошиблись, — заключилъ онъ: — сунулись въ воду, не спросясь броду: думали, что народъ съ нами но не съ нами народъ, — я знаю, Сережа, не спорь, я знаю что это такъ! Вотъ, говорятъ, во время послѣдняго проѣзда государева, народъ отовсюду сбѣгался къ нему, становился на колѣни, бросался подъ колеса коляски его, такъ что приходилось останавливаться, чтобъ не раздавить людей, — это республиканцевъ-то нашихъ будущихъ! Да посмѣй мы только тронуть царя, — народъ насъ всѣхъ растерзаетъ какъ изверговъ, потому что любить его, вѣрить въ него какъ въ Помазанника Божьяго, какъ въ Самого Бога!

Онъ замолчалъ, потомъ одной рукой обнялъ брата за шею, наклонился къ нему, заглянулъ въ лицо его и заговорилъ уже другимъ, дѣтски-ласковымъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— Помнишь, Сережа, какъ въ ту ночь, на Бородинскомъ полѣ, лежали мы подъ одною шинелью, и молились, и плакали, и клялись умереть за отечество? Помнишь, потомъ когда мы полюбили вмѣстѣ Аннетъ, ты сказалъ мнѣ однажды «я люблю ее, но тебя еще больше: ты другъ души моей отъ колыбели». Развѣ я уже не другъ тебѣ? Развѣ все, что было, — не было? Сережа, голубчикъ, ради Христа, ради покойной маменьки, послушай меня: не губи себя, не губи другихъ

Годь меня пожалѣй... не могу я больше... Гнусно, тошно, грашно, — не человѣческаго, Божьяго суда страшно. Уйдемъ отъ нихъ, уйдемъ, пока еще не поздно...

Сергѣй долго молчалъ, опустивъ попрежнему голову на уки, въ изнеможеніи.

— Что тебѣ сказать?—заговорилъ, наконецъ, и голосъ его звучалъ сперва глухо, какъ изъ-подъ страшной тяжести, а потомъ все громче и громче, все тверже и тверже.—Пусть жкъ, какъ ты говоришь. Но если бы надо было все начинать ызнава,— я началъ бы. Вотъ ты говоришь: народъ любитъ аря, вѣрять въ него, какъ въ Бога.
Ю вѣдь это погибель.
.

е то, что народъ темень, бѣденъ, голоденъ, рабъ, а то, го онъ сдѣлалъ человѣка Богомъ,—погибель Россіи, погибель вѣчная!

— Чѣмъ же царь виноватъ? Ты самъ говоришь: народъ...— началъ было Матвѣй Ивановичъ, но теперь уже Сергѣй не аль ему говорить.

— Нѣтъ! Народъ не зналъ, что дѣлаетъ, а онъ зналъ. Царство Божіе на землѣ, какъ на небѣ»,—это онъ сказалъ, дѣлалъ что? Благословенный, Спаситель Россіи, Освободитель Европы,—что онъ сдѣлалъ съ Россіей, что онъ сдѣлалъ съ Европой? Не имъ ли раздуть въ сердцахъ нашихъ вѣточъ свободы и не имъ ли потомъ она такъ жестоко удалена?

амое великое стало смѣшнымъ, самое святое кощунственнымъ

.
того нельзя простить. Пусть прощаетъ, кто можетъ, — я е могу
.

да, да, молчи, знаю самъ: «не убій». А вотъ убилъ бы, билъ бы тутъ же на мѣстѣ

Голицынъ не видѣлъ лица его, но по голосу угадывалъ, то оно ужасно, такъ же, какъ наемни, когда онъ говорилъ

съ нимъ о Гебелѣ; и всего ужаснѣе то, что, милое, доброе дѣтское, оно могло быть такимъ.

— Сережа, Сережа, что ты? Во Христа вѣруешь, а можешь такъ!—воскликнулъ Матвѣй Ивановичъ.

Сергѣй, закрывъ лицо руками, опустился на лавку въ изнеможеніи, какъ будто опять раздавленный тою же, какъ давеча, страшною тяжестью.

Оба замолчали потомъ заговорили шопотомъ. Матвѣй Ивановичъ плакалъ, а Сергѣй обнималъ его, утѣшалъ, успокаивалъ съ такою нѣжностью, что трудно было повѣрить, что это тотъ самый человѣкъ, который за минуту говорилъ объ убійствѣ.

Была полночь; луна—въ зенитѣ; свѣтъ еще ярче, тишина еще тише, и ожиданіе, напряженіе, томленіе еще нестерпимѣе.

И вдали опять, какъ давеча, слышалось:

Моя матинька, моя голубонька,
Якъ мени жити, якъ доживати?

Но печальная пѣснь оборвалась, и вдругъ зазвенѣла—веселая, буйная, звонкая, какъ русалочій смѣхъ:

Та внадився журавель
До бабиныхъ конопель...

И все на землѣ и на небѣ, какъ будто этого только ждало,—вдругъ тоже запѣло, зазвенѣло, отвѣтило смѣхомъ на смѣхъ,—весь яркій свѣтъ былъ звонкій смѣхъ.

— Ничего не будетъ! Ничего не сдѣлаемъ! — плакалъ плачущій. «Будетъ! Будетъ! Сдѣлаемъ!» смѣялось все надъ плачущимъ.

И съ такою радостью, какъ еще никогда, повторилъ Голицынъ:

— Будетъ! Будетъ! Сдѣлаемъ!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Предстоящее свиданье съ государемъ не давало покоя Голицыну. Получивъ, наконецъ, такъ долго жданный отпускъ и уѣзжая изъ Петербурга, онъ былъ почти увѣренъ, что свиданія не будетъ. Но тотчасъ же по пріѣздѣ Голицына въ Кіевъ генераль Виттъ, начальникъ южныхъ поселеній, вызвалъ его въ корпусную квартиру, въ Елисаветградъ, и объявилъ высочайшее повелѣніе не отлучаться изъ Кіевской губерніи, не испросивъ на то разрѣшенія губернатора, такъ какъ государь во всякую минуту можетъ потребовать его къ себѣ. «По всей вѣроятности,—прибавилъ Виттъ уже отъ себя,—свиданіе назначено будетъ во время осенней поѣздки императора на югъ».

Если бы кто-нибудь сказалъ ему: «для покушенія на жизнь государя ваше свиданіе съ нимъ случай единственный»,—то онъ не зналъ бы, что отвѣтить: «пусть не я, а другой», это не только сказать, но и подумать было стыдно, а между тѣмъ, онъ чувствовалъ, что на государя рука у него не подыметься: никогда не забудеть онъ того взора, которымъ обмѣнялись они надъ гробомъ Софьи; чувствовалъ, что тутъ неладно что-то, не рѣшено окончательно, и какъ въ послѣднюю минуту рѣшится, еще неизвѣстно.

Вскорѣ послѣ ночной бесѣды Сергѣя Муравьева съ братомъ, получена была въ Васильковѣ вѣсть о доносѣ Шервуда и объ открытіи заговора. Муравьевъ и Бестужевъ просили Голицына съѣздить въ Тульчинъ, мѣстечко Подольской губерніи, гдѣ находилась главная квартира 2-й арміи, чтобы предупредить двухъ директоровъ тамошней управы, Юшневскаго и Пестеля.

Голицынъ поѣхалъ въ Тульчинъ. Пестеля тамъ не засталъ, а Юшневскій, узнавъ о доносѣ, сказалъ:

— Это все отъ генерала Витта идетъ. Вы его знаете?

— Знаю.

— Ну, что онъ, какъ?

— Претонкая бестія!

— Вотъ именно. Вы вѣдь съ нимъ тоже пріятели: все лѣзетъ къ намъ въ Общество; въ удостовѣреніе своей искренности назвалъ уже нѣсколькихъ шпіоновъ: въ томъ числѣ капитана Майбороду, который служитъ у Пестеля.

— Ради Бога, Юшневскій, скажите ему, чтобы не сблизался съ Виттомъ: вѣдь это гибель!

— Да ужъ сколько разъ говорилъ. Поѣзжайте сами къ нему, Голицынъ, расскажите все; можетъ-быть, вамъ больше повѣритъ...

Голицынъ хотѣлъ ѣхать тотчасъ въ мѣстечко Линцы, гдѣ стоялъ Пестель, но Юшневскій сообщилъ ему, что тотъ уѣхалъ въ Бердичевъ, — обѣщавъ написать, чтобы скорѣй возвращался, и просилъ Голицына подождать въ Тульчинѣ.

Юшневскій понравился Голицыну: въ тонкомъ, съ тонкими чертами, лицѣ — невозмутимое спокойствіе, тихая ровность, тихая ласковость. Добродѣтельнымъ республиканцемъ, древнимъ стойкомъ называли его товарищи. «Вотъ на кого положиться можно: за нимъ, какъ за каменною стѣною», думалось Голицыну. Почти всѣ остальные члены Общества казались ему дѣтьми; Юшневскій — взрослымъ; и никогда еще не чувствовалъ онъ такъ зрѣлости, взрослости самого дѣла.

Юшневскій былъ любимъ всѣми. Въ 30 лѣтъ—генералъ-интендантъ 2-й арміи; начальникъ штаба, генераль Киселевъ, былъ ему пріятелемъ; главнокомандующій, графъ Витгенштейнъ, отличалъ его за дѣловитость и честность. Ему предстояла блестящая карьера.

Голицынъ остановился въ домѣ Юшневскаго. Домъ окруженъ былъ садомъ; передъ окнами—свѣжіе тополи, какъ занавѣски зеленыя; въ самые знойные дни свѣжо, уютно,

успокоительно, и, кажется, вся эта свѣжестъ — отъ свѣжей, какъ ландышъ, хозяйки, Маріи Казимировны.

Все, что нужно для счастья, было у Юшневскаго, — любовь, дружба, довольство, почести, — и онъ покидалъ все это вольно и радостно.

— А знаете, Голицынъ, — сказалъ однажды послѣ игры на скрипкѣ (былъ хорошій музыкантъ) съ еще не сошедшимъ съ лица очарованіемъ музыки, — я этому доносу радъ: теперь уже, навѣрное, начнемъ, нельзя откладывать. Вѣдь все равно умирать, — такъ лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ изнывать въ желѣзахъ...

— А вы въ успѣхъ вѣрите? — спросилъ Голицынъ.

— По разуму, успѣха быть не можетъ, — возразилъ Юшневскій: — но не все въ жизни по разуму дѣлается. Говорятъ, на свѣтѣ чудесъ не бываетъ, а 12-й годъ раввѣ не чудо? Тò была не война, а возстаніе народное. Мы продолжаемъ то, что тогда началось; не нами началось, не нами кончится, а продолжать все-таки надо...

«А все-таки надо начать», вспомнились опять Голицыну слова Рылѣва, и опять подумалъ онъ: «Да, здѣсь начать».

Въ первый же день по пріѣздѣ его Юшневскій сообщилъ ему, что одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Общества, Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ, желаетъ повидаться съ нимъ по какому-то важному дѣлу.

Лѣтъ восемь назадъ, когда Голицынъ служилъ въ Преображенскомъ полку, встрѣчался онъ съ блестящимъ кавалергардскимъ ротмистромъ Лунинымъ. Много ходило слуховъ о безумной отвагѣ его, кутежахъ, поединкахъ и молодецкихъ шалостяхъ: то ночью съ пьяной компаніей перемѣнялъ на Невскомъ вывѣски надъ лавками; то бился объ закладъ, что проскачетъ верхомъ, голый, по петербургскимъ улицамъ и, увѣряли, будто бы, выигралъ; то прыгалъ съ балкона третьяго этажа, по приказанію какой-то прекрасной дамы. Но больше всего надѣлалъ шуму поединокъ его съ Алексѣемъ Орловымъ. Однажды за столомъ замѣтилъ кто-то шутя, что Орловъ ни съ кѣмъ еще не дрался,

Лунинь предложилъ ему испытать это новое ощущеніе. Отъ вызова, хотя бы шуточного, нельзя было отказаться по правиламъ чести. Когда противники сошлись, Лунинь, стоя у барьера и сохраняя свою обычную веселость, училъ Орлова, какъ лучше стрѣлять. Тотъ бѣсился и далъ промахъ. Лунинь, выстрѣливъ на воздухъ, предложилъ ему попытаться еще разъ и хладнокровно совѣтовалъ цѣлиться то выше, то ниже. Вторая пуля прострѣлила Луини́у шляпу; онъ опять выстрѣлилъ на воздухъ и, продолжая смѣяться, ручался за успѣхъ третьяго выстрѣла. Но тутъ секунданты вступились и розняли ихъ.

Въ удалствѣ Лунина было много ребяческаго, но близко знавшіе его увѣряли, что онъ безстрашіемъ не хвастаетъ. Въ походѣ 12-го года слѣзаль съ лошади, бралъ солдатское ружье и становился въ цѣпь застрѣльщиковъ нарочно подъ самый огонь, для того, чтобы испытать наслажденіе опасностью. А въ мирное время, когда долго не было случая къ тому, скучалъ, пилъ, злился, буянилъ и наконецъ, уѣзжалъ въ деревню, гдѣ ходилъ на волковъ съ кинжаломъ или на медвѣдя съ рогатиной. Ходилъ и на звѣря болѣе страшнаго.

Однажды великій князь Константинъ Павловичъ отозвался такъ обидно объ офицерахъ кавалергардскаго полка, въ которомъ служилъ тогда Лунинь, что всѣ они подали въ отставку. Государь былъ недоволенъ, и великій князь, въ присутствіи всего полка, извинился и выразилъ сожалѣніе, что слова его показались обидными, прибавивъ, что если этого недостаточно, то онъ готовъ «дать сатисфакцію». Лунинь, пришпоривъ лошадь, подскочилъ къ нему, ударилъ по эфесу палаша и воскликнулъ:

— *Trop d'honneur, votre altesse, pour refuser!* (Слишкомъ много чести, чтобъ отказаться, ваше высочество!).

Въ 12-мъ году служилъ онъ въ ординарцахъ у государя и сначала пользовался благоволеніемъ его, но потомъ впалъ въ немилость за вольнодумныя сужденія о Бурбонской монархіи. По возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, будучи старшимъ ротмистромъ, ожидалъ производства въ

полковники; но производства въ полку не было вовсе. Узнавъ, что это изъ-за него, сѣлъ на корабль въ Кронштадтѣ и уѣхалъ во Францію.

Поселился въ Парижѣ и провелъ здѣсь нѣсколько лѣтъ въ нуждѣ. Отецъ его былъ очень богатъ, но скупъ и не въ ладахъ съ сыномъ. По смерти отца онъ получилъ наслѣдство, съ доходомъ въ 200.000 рублей. Въ Парижѣ сошелся съ карбонарами и съ іезуитами, которые не могли простить русскому правительству своего изгнанія изъ Россіи.

— Такіе люди, какъ вы, намъ нужны, — говорили они Лунину: — вы должны быть мстителемъ за Римъ.

Вернулся въ Россію такъ же внезапно и безъ спроса, какъ уѣхалъ. Государь перевелъ его тѣмъ же чиномъ изъ гвардіи въ армію и отправилъ въ Варшаву къ цесаревичу.

Здѣсь Лунинъ отлично служилъ и пріобрѣлъ такое расположеніе великаго князя, что сдѣлался самымъ близкимъ ему человекомъ.

— Я бы не рѣшился спать съ нимъ въ одной комнатѣ: зарѣжетъ, но на слово его можно положиться; человекъ благородный: я такихъ люблю, — говорилъ Константинъ Павловичъ.

А наединѣ происходили между ними бесѣды удивительныя.

— Вы вполне принадлежите къ вашей фамиліи. *Vous êtes bien de votre famille: tous les Romanoff sont révolutionnaires et niveleurs*, — говорилъ ему Лунинъ.

— Спасибо, мой милый, такъ ты меня въ якобинцы жалуешь? *Voilà une réputation qui me manquait!*

Вскорѣ по возвращеніи въ Россію Лунинъ поступилъ въ члены Тайнаго Общества и предложилъ выслать на царскосельскую дорогу «обреченный отрядъ» (*cohorte perdue*), — нѣсколько человекъ въ маскахъ, чтобы убить государя. Пестель одобрялъ этотъ планъ, и онъ казался возможнымъ всѣмъ, кто зналъ отвагу Лунина.

— Какое же у него дѣло ко мнѣ? — спросилъ Голлицынъ Юшневскаго.

— Не знаю, не говоритъ. Объ одномъ прошу васъ, Голицынъ: не обращайтесь вниманія на странности его. Знаете, что онъ отвѣтилъ государю, когда тотъ сказалъ ему: «говорятъ, вы не совсѣмъ въ своемъ умѣ, Лунинъ?» — «Ваше величество, о Колумбѣ говорили то же самое». Это шутка, но, кромѣ шутокъ, Лунинъ — человекъ ума огромнаго и силы духа безпредѣльной: что захочетъ, то и сможетъ. Такіе люди намъ нужны, — повторилъ Юшневскій нечаянно слова святыхъ отцовъ, іезуитовъ. — Въ послѣднее время охладѣлъ онъ къ Обществу; другимъ былъ занятъ: говорить, влюбленъ въ какую-то польскую графиню, замужнюю женщину; духовники уговорили ее уйти въ монастырь, а его — вернуться въ Общество. И знаете, Голицынъ, вы сдѣлали бы доброе дѣло, если бы помогли ему въ этомъ.

Юшневскій предложилъ пойти тотчасъ же къ Лунину, и Голицынъ согласился.

Лунинъ жилъ въ тульчинскомъ предмѣстьѣ, Нестерваркѣ. Тульчинъ — маленькое мѣстечко, принадлежавшее графамъ Потоцкимъ, — расположенъ былъ въ котловинѣ, у большого пруда-озера, образуемаго медленными водами рѣчки Сильницы, между степными холмами, послѣдними отрогами Карпатъ, тянущимися отъ Днѣстра къ Бугу. Кромѣ военныхъ да чиновниковъ, въ городкѣ почти не было русскихъ: все поляки, евреи, молдаване, армяне, греки и множество монаховъ католическихъ. Видъ военнаго лагеря въ чужой странѣ: бѣленькія хатки, въ зелени тополей, превращены въ казармы; всюду артиллерійскіе обозы, палатки, ружья въ козлахъ, коновязи и марширующія роты солдатъ; блескъ штыковъ и тихій свѣтъ лампы передъ Мадонною въ каменной нишѣ; бой барабана и звонъ колоколовъ на старинныхъ костелахъ и кляшторахъ.

Улицы немощеныя; весною и осенью такая грязь, что люди и лошади тонутъ; а теперь, послѣ долгой засухи, тучи пыли, взметаемаыя вѣтромъ, носились надъ городомъ, и солнце висѣло въ нихъ, какъ мѣдный шаръ, безъ лучей, тускло-красное. Люди, истомленные зноемъ, ходили, какъ

гошныя мухи; собаки бѣгали съ высунутыми языками, и прохожіе поглядывали на нихъ съ опаскою: бѣшенныя собаки были казнью города.

Мимо базара, синагоги, костела, дома главнокомандующаго и великолѣпнаго, съ мраморной колоннадой, дворца графовъ Потоцкихъ вышли на плотину пруда, съ тѣнистой аллеей вѣковыхъ осокорей; на концѣ ея шумѣла водяная мельница. За прудомъ начиналось предмѣстье Нестерваркъ. Тутъ проходилъ почтовый шляхъ изъ Брацлава и Немирова. У самой дороги стоялъ деревянный домикъ, жидовская корчма Сруля Мошки, подъ вывѣской: «Трактиръ Зеленый». На грязномъ дворѣ, съ чумацкими возами, еврейскими балагулами и польскими бричками, молодцеватый гусарь-денщикъ Гродненскаго полка чистилъ новый щегольской англійскій дормезъ.

— Полковникъ дома? — спросилъ его Юшневскій.

— Точно такъ, ваше превосходительство! Доложить прикажете?

— Нѣтъ, не надо.

Поднимаясь по темной и вонючей лѣстницѣ, встрѣтились они съ католическимъ патеромъ.

— Ксендзъ Тибурцій Павловскій, духовникъ Лунина, — шепнулъ Юшневскій Голицыну.

Такой же темной и вонючей галлерейкой подошли къ неплотно запертой двери и постучались въ нее. Отвѣта не было. Пріотворили дверь и заглянули въ большую, почти пустую, въ родѣ сарая, комнату. Остановились въ недоумѣніи: въ сосѣдней маленькой комнаткѣ, въ родѣ чулана, стоялъ на колѣняхъ передъ аналоемъ съ католическимъ распятіемъ высокій человекъ, въ длинномъ черномъ шлафрокѣ, напоминавшемъ сутану, и громко читалъ молитвы по римскому требнику:

— Ave Maria, ave Maria, graciae plena, oga pro nobis...

Половица скрипнула, молящійся обернулся и крикнулъ:

— Входите же!

— Не помѣшаемъ? — проговорилъ Юшневскій.

— Съ чего вы это взяли? Я такъ надоѣлъ Господу Богу своими молитвами, что онъ будетъ радъ отдохнуть минутку— отвѣтилъ тотъ, усмѣхаясь.

— Князь Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ, Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ, — представилъ Юшневскій.

— Наконецъ-то, князь! Мы васъ ждемъ не дождемся,— проговорилъ Лунинъ, пожимая ему руку обѣими руками, ласково, и съ усмѣшкою (усмѣшка не сходила съ лица его) указывая на стулъ, продекламировалъ забавно-торжественнымъ голосомъ, въ подражаніе знаменитой трагической актрисѣ Рокуръ:

— *Assayez vous, Néron, et prenez votre place...* Нѣтъ, нѣтъ, на другой: у этого ножка сломана.

— Охота вамъ, Лунинъ, жить въ этой дырѣ, — сказалъ Юшневскій, оглядываясь.

— Не дыра, мой милый, а Трактиръ Зеленый. Да и чѣмъ плоха комната? Она напоминаетъ мнѣ мою молодость— мансарду въ Парижѣ, на улицѣ Дю-Бакъ, у *m-me Eugénie*, гдѣ жили мы, шесть бѣдняковъ, голодныхъ и счастливыхъ, напѣвая пѣсенку:

И хижинка убога
Съ тобой мнѣ будетъ рай.

Я, впрочемъ, имѣю здѣсь все, что нужно: уединеніе, спокойствіе, черный хлѣбъ, рѣдкую и тюрю жидовскую, — рекомендую кстати, блюдо превкусное...

— Плоть умерщвляетъ?

— Вотъ именно. Пощусь. Только постомъ достигается свобода духа, въ этомъ господа отшельники правы.

— А гдѣ же вы спите? Тутъ и постели нѣтъ.

— Постель — предразсудокъ, мой милый. Сначала на диванѣ спалъ, но тамъ клопы заѣли, а теперь лежу вотъ на этомъ столѣ, какъ покойникъ: напоминаетъ о смерти и для души полезно. Да, все хорошо, только вотъ пауковъ множество: *agaîgnée du matin — chagrin*.

— Вы суевѣрны?

— Очень. Я давно убѣдился, что въ невѣрїи меньше логики и больше нелѣпости, чѣмъ въ самой нелѣпой вѣрѣ...

Что-то промелькнуло сквозь шутку не шуточное, но тотчасъ же скрылось.

— Господа, не угодно ли трубочки? Табакъ превосходный, прямо изъ Константинополя.

Благоуханное облако наполнило комнату.

— Жидовская тюря, а табакъ драгоцѣнный — такъ-то вы плоть умерщвляете! — разсмѣялся Юшневскій.

— Грѣшенъ: не могу безъ трубочки! — разсмѣялся и Лунинъ простымъ, добрымъ смѣхомъ, удивившимъ Голицына: ему почему-то казалось, что Лунинъ не можетъ смѣяться просто; онъ вообще не нравился ему, а между тѣмъ, Голицынъ вглядывался въ него съ такимъ чувствомъ, что, разъ увидѣвъ, уже никогда не забудеть.

Лѣтъ за сорокъ, но на видъ почти юноша. Высокъ, тонкъ, строенъ, худъ тою худобою жилистой, которая свойственна очень сильнымъ и ловкимъ людямъ, некомнатнымъ. Голось рѣзкій, пронзительный, тоже некомнатный. Небольшіе каріе глаза, немного исподлобья глядящіе, зоркіе, какъ у хорошихъ стрѣлковъ и охотниковъ. Отъ всегдашней усмѣшки — двѣ морщинки около губъ, какъ будто веселыя; а между бровями, чуть-чуть неровными, — лѣвая выше правой, — двѣ другія морщинки, на тѣ, около губъ, непохожія, суровыя, печальныя. И странная въ лицѣ измѣнчивость: то оживленіе внезапное, то неподвижность, какъ бы мертвеность, такая же внезапная; а въ слишкомъ упорномъ взорѣ — что-то тяжелое и вмѣстѣ съ тѣмъ ласковое, притягивающее. Голицынъ все время чувствовалъ на себѣ этотъ взоръ и не могъ отъ него отдѣлаться: ему казалось, что если бы Лунинъ глядѣлъ на него даже сзади, онъ тотчасъ обернулся бы.

Прохаживаясь по комнатѣ и покуривая трубочку, Лунинъ шутилъ, смѣялся, болталъ безъ-умолку, или напѣвалъ хриплымъ голосомъ:

Plaisir d'amour ne dure qu'un moment.

По поводу книжки французскихъ стиховъ: *Часы досуговъ Тульчинскихъ*, только что изданной въ Москвѣ и поднесенной Лунину авторомъ, штабъ-ротмистромъ княземъ Барятинскимъ, зашла рѣчь о стихахъ.

— Не люблю я стиховъ, — говорилъ Лунинъ: — плѣняются и лгутъ, мошенники. Мысли движутся въ нихъ, какъ солдаты на парадѣ, а къ войнѣ не годятся: воюетъ и побѣждаетъ только проза; Наполеонъ писалъ и побѣждалъ ею. А у насъ, русскихъ, какъ у всѣхъ народовъ младенческихъ, слишкомъ много поэзіи и мало прозы; мы всѣ — поэты, и самовластіе наше — дурного вкуса поэзія.

— А сами вы, Лунинъ, никогда стиховъ не писали? — спросилъ Юшневскій.

— Нѣтъ, Богъ миловаль, а прозой когда-то грѣшилъ: въ Парижѣ началъ повѣсть о самозванцѣ Лжедмитріи.

— По-русски?

— Ну, что вы? Мы и сны-то видимъ по-французски.

Говорилъ умно, тонко, чуть-чуть старомодно-изысканно: такія бесѣды людямъ прошлаго вѣка нравились.

— Вотъ старичковъ моихъ, Корнеля да Мольера, люблю: стихи у нихъ дѣльные, трезвые, почти та же проза. А романтиковъ нынѣшнихъ, воля ваша, не понимаю. Можетъ-быть, изъ ума выжилъ отъ старости, что ли?

— Ну, какой же вы старикъ, полноте кокетничать!

— Да я и въ двадцать лѣтъ стариномъ себя чувствовалъ. Помните словцо Наполеона о русскихъ: «не созрѣли и уже сгнили». Въ насъ, во всѣхъ эта гниль «восемнадцатаго вѣка», какъ говоритъ Карамзинъ...

«Ломается, юродствуетъ. Знаемъ мы этихъ свѣтскихъ чудаковъ подъ лорда Байрона», думалъ Голицынъ съ досадою.

Послышался вечерній звонъ на башнѣ сосѣдняго монастыря. Лунинъ отошелъ къ окну и забормоталъ молитвы. Гости встали; хозяинъ ихъ удерживалъ.

— Нѣтъ, пора. Князь, должно-быть, съ дороги усталъ, — возразилъ Юшневскій. — А вотъ что, Лунинъ, приходите-ка завтра ужинать, отдохните отъ вашего поста жидовскаго.

— Охъ, не соблазняйте! У меня и то отъ Мошкиной рѣдъки да кваса въ животѣ революція. Ну, ладно, приду. На вашей душѣ грѣхъ, искушитель!

И уже серьезно, пожимая на прощанье Голицыну руку опять обѣими руками ласково, проговорилъ съ тою, какъ-будто сердечною, любезностью, по которой узнаются люди высшаго свѣта:

— А у меня къ вамъ дѣло, князь. Я столько слышалъ о васъ и такъ васъ ждалъ, не изъ пустого любопытства, повѣрьте. Если бы вы могли мнѣ удѣлить часокъ-другой...

— Когда прикажете?

— Ну, хоть завтра, въ семь часовъ вечера.

«Что ему отъ меня нужно?» вернувшись домой, и ночью ложась, и утромъ вставая, и потомъ весь день думалъ Голицынъ, какъ будто продолжая чувствовать на себѣ его упорный, тяжелый и ласковый взглядъ.

Къ ужину собрались гости: штабъ-ротмистръ князь Бярятинскій, авторъ Тульчинскихъ Досуговъ, майоръ Лореръ, поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ, поручикъ Басаргинъ и другіе члены Тульчинской Управы.

Пришелъ и Лунинъ. Опять, какъ вчера, смѣялся, шутилъ, болталъ безъ-умолку, и опять не понравился Голицыну: его утомлялъ и раздражалъ этотъ вѣчный смѣхъ, трескучій огонь мелкихъ искръ, похожихъ на тѣ, что отъ сухихъ волосъ подъ гребнемъ сыплются. Когда говорилъ даже серьезно, казалось, что смѣется надъ собесѣдникомъ, надъ самимъ собою и надъ тѣмъ, что говорить.

— Вы ничего не пьете, Бярятинскій,—замѣтилъ хозяинъ.

— А еще сочинитель, — подхватилъ Лунинъ: — развѣ не знаете, что атаманъ Платовъ сказалъ, когда ему Карамзина представили? «Очень радъ, — говоритъ, — познакомиться съ, я всегда любилъ сочинителей: они всѣ пьяницы».

— Доктора пить не велятъ, — извинился Бярятинскій:— вотъ развѣ воды съ виномъ.

— «Кому воды, а мнѣ водки!» какъ на пожарѣ пѣкто кричалъ, должно-быть, тоже сочинитель, — подхватилъ опять Лунинъ.

Заговорили о политикѣ.

— Общее благосостояніе Россіи... — началъ кто-то по французски на одномъ концѣ стола.

— А знаете, господа, — крикнулъ Лунинъ съ другою конца, — какъ умный одинъ человекъ переводилъ: *le bien être général en Russie?*

— Ну, какъ?

— «Хорошо быть генераломъ въ Россіи».

Шутиль, а между шутками, съ видомъ серьезнѣйшимъ доказывалъ Бярятинскому, отъявленному безбожнику, истину католической вѣры; тотъ сердился, а Лунинъ донималъ его съ невозмутимою кротостью:

— Но, мой милый, вы слишкомъ упрямы. Четверти часа достаточно, чтобы убѣдиться во всемъ...

И тутъ же—анекдотъ о вольтерьянцѣ-помѣщикѣ, думавшемъ, что Троица есть Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Матери Божія; о ямщикѣ, который, вольтерьянцевъ наслушавшись, на лошадей покрикивалъ: «ой вы, вольтеры мои!»— о графѣ Безбородкѣ, глядѣвшемъ въ лорнетъ на купальщицъ и влюбившемся въ одну изъ нихъ, хотя лица ея не видалъ (она стояла къ нему спиною), но коса была чудесная; и что жъ оказалось? о. протодіаконъ Воздвиженскій.

Послѣ трехъ бутылокъ лафита и двухъ клико Лунинъ признался, что, хотя и пилъ «съ воздержаніемъ», такъ, чтобы на ногахъ держаться, какъ поэтъ Ермилъ Костровъ совѣтуетъ, но, должно-быть, на Мошкиномъ квасѣ отвыкъ отъ вина; и, принимаясь за третью бутылку шампанскаго, затянулъ было пьянымъ голосомъ:

Мы недавно отъ печали,
Лиза, я да Купидонъ,
По бокалу осушали
И просили мудрость вонъ.

Вдругъ остановился, такъ же какъ вчера, прислушался къ звону вечернихъ колоколовъ, всталъ изъ-за стола, пошатываясь, вышелъ въ сосѣдную комнату, вынулъ изъ кармана требникъ и зашепталъ молитвы.

— Обращаете насъ въ католичество, а сами вотъ что дѣлаете, — подразнилъ его Юшневскій.

— А что?

— Нашли когда и гдѣ молиться!

Голицынъ тоже подошелъ и прислушался.

— Э, мой милый, тутъ-то я и смирюсь передъ Богомъ, пьяненькій, слабенькій! — разсмѣялся Лунинъ опять, какъ намедни, простымъ добрымъ смѣхомъ; и, помолчавъ, прибавилъ уже серьезно:

— Повѣрьте мнѣ, люди только тогда и сносны, когда они въ безсиліи: человѣкъ все можетъ вынести, кромѣ силы. Богъ творить изъ ничего: пока мы хотимъ и думаемъ быть чѣмъ-нибудь. Онъ въ насъ не начиналъ Своего дѣла. Гордыню разума сломить безуміемъ вѣры, вотъ главное...

— Какъ же при такомъ смиреніи вы бунтуете?

— Бунтъ есть долгъ человѣка священнѣйшій; смиреніе передъ Богомъ — бунтъ противъ людей, — возразилъ Лунинъ все такъ же серьезно, вернулся къ столу, и тутъ опять начались смѣшки да шуточки.

«Что значить этотъ вѣчный смѣхъ?—думалъ Голицынъ.— Лунинъ глубоко таитъ въ себѣ горечь своей смѣшной жизни», сказалъ о немъ какъ-то Юшневскій. Это значить: смѣется, чтобы не быть смѣшнымъ. А можетъ-быть, и отъ страха — чтобы успокоить, ободрить себя, какъ маленькія дѣти смѣются въ темной комнатѣ. Чего жъ ему страшно? Отвѣта не было. Была загадка и въ загадкѣ—очарованіе.

На слѣдующій день, утромъ, Лунинъ заходилъ опять къ Юшневскому. На этотъ разъ не болталъ, не шутилъ, не смѣялся; сказалъ два-три вѣжливыхъ слова хозяйкѣ, сѣлъ за рояль и началъ играть сонату Бетховена; игралъ такъ, что всѣ заслушались; лицо его было тихо и торжественно. Кончивъ играть, молча всталъ, попрощался и вышелъ.

Вечеромъ Голицынъ отправился въ Трактиръ Зеленый. Лунинъ сидѣлъ на дворѣ, окруженный кучей жиденятъ, ребятишекъ хозяйскихъ; показывалъ имъ книжку съ картинками и угощалъ пряникомъ. Ребятишки приставали къ нему, называли тятенькой, теребили за серебряныя тесьмы гусар-

скаго долмана, лѣзли на колѣни, вѣшались на шею, особенно, одна маленькая замарашка, кудластая, рыжая, съ хорошенькимъ личикомъ, должно-быть, его любимица.

Увидѣвъ гостя, Лунинъ всталъ, страхнулъ съ себя жиденять и пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Извините, князь, что не могу васъ принять, какъ слѣдуетъ: у моего почтеннаго Сруля Мошки, по случай какого-то праздника, шука огромная, цѣлый Левиаѳанъ жарится, и такого чада напустили мнѣ въ комнату, что войти нельзя. Можетъ-быть, прогуляемся?

Вышли на дорогу, спустились къ пруду, миновали плотину, дворецъ Потоцкихъ и вошли въ садъ.

Садъ былъ огромный, похожій на лѣсъ. Въ городѣ — пыль и зной, а здѣсь, въ тѣни столѣтнихъ грабовъ, буковъ и ясеней, — прохлада вѣчная; аллеи, какъ просѣки; тихія лужайки, дремучія заводи съ болотными травами и пугливыми взлетами утиныхъ выводковъ.

Лунинъ спрашивалъ спутника о дѣлахъ Тайнаго Общества, о Васильковской Управѣ, о Сергѣѣ Муравьевѣ и о его *Катехизистѣ*, но о своемъ собственномъ дѣлѣ не заговаривалъ; казалось, хотѣлъ сказать что-то и не рѣшался. Больше всѣхъ прочихъ неожиданностей удивила Голицына эта застѣнчивость.

— Вотъ, видите, какъ я отсталъ отъ Общества, почти вышелъ изъ него, — заговорилъ онъ, наконецъ, не глядя на Голицына. — А хотѣлось бы вернуться. Помогите мнѣ..

— Буду радъ, Лунинъ! Но чѣмъ я могу?

— А вотъ чѣмъ. Только пусть это между нами останется. Помолчалъ, какъ будто собираясь съ духомъ, и началъ, все такъ же не глядя на Голицына:

— Какъ вы полагаете, будетъ ли принято Обществомъ содѣйствіе...

Посмотрѣлъ на него въ упоръ и кончилъ рѣшительно.

— Содѣйствіе святыхъ отцовъ Иисусова ордена?

— Иезуитовъ?

— Да, иезуитовъ. А что? Удивляетесь, что умный человекъ говоритъ глупости? Погодите, не рѣшайте сразу

Вашъ отвѣтъ важнѣе для меня, — важнѣе, чѣмъ вы, можете-быть, думаете. Скажите-ка сначала вотъ что: почему мы всѣ говоримъ и не дѣлаемъ?

— Не дѣлаемъ чего?

— Главнаго, чѣмъ только и можетъ начаться возстаніе.

— Вамъ лучше знать, Лунинъ! Вы одинъ могли бы...

— Почему одинъ? Почему не всѣ? Не хотятъ? Или хотятъ и не могутъ? Не знаете? Ну, такъ я вамъ скажу. На человѣка можно руку поднять, а на Бога нельзя. Вольнодумцы, безбожники, а какъ до дѣла дойдетъ, — вѣрятъ всѣ, какъ отцы ихъ вѣрили, — всѣ православные. А православіе — *схизма*, отъ Христа отпаденіе, отъ церкви вселенской, католической. Отъ Христа отпала Россія, отъ Царя Небеснаго, и земному царю поклонилась, земному богу — кесарю...

— Россія отпала, а Римъ вѣренъ, что ли? — спросилъ Голицынъ.

— Вѣренъ, ежели слово Господа вѣрно: «ты еси Петръ — камень». Римъ — свобода міра, на всѣхъ земныхъ царей возстаніе вѣчное. Тамъ, гдѣ кесарь Брутомъ убитъ, тиранинство во имя Господне оправдано, знаете кѣмъ? Великимъ учителемъ Рима, Ѳомою Аквинскимъ. И въ *Dieta-lus papae* Григорія VII сказано: «первосвященникъ римскій низлагаетъ тирановъ и освобождаетъ отъ присяги подданныхъ». Вотъ камень въ пращѣ Давидовой, который сразитъ Голиаѳа; имя же камня — Петръ...

— Неужели вы думаете, Лунинъ?..

— Погодите, погодите, не соглашайтесь успѣете, дайте сказать до конца. Ну, такъ вотъ: за судьбы міра борются сейчасъ двѣ силы великія: грядущее возстаніе народное еще небывалое, — всемірное войско рабочихъ, *le socialisme*... не знаю, какъ сказать по-русски. О Сенъ-Симонѣ слышали?

— Кое-что слышалъ.

— Мы съ нимъ въ Парижѣ видѣлись, — продолжалъ Лунинъ, — говорили о Россіи, о Тайномъ Обществѣ, онъ гоже готовъ намъ помочь и ждетъ нашей помощи. Это — сила человѣческая, а другая — божеская: непостижимая мысль

соединившая царство и священство въ одномъ человѣкѣ: «да будетъ единъ Царь на небеси и на земли — Иисусъ Христосъ», какъ въ вашемъ же *Катехизисѣ* сказано. А вѣдь это и наша мысль Голицынъ, — мысль Рима...

— Нѣтъ, Луинъ, мысль Рима не наша: нашъ царь Христосъ, а не папа.

— Не все ли равно? Папа — церковь, а церковь — Христосъ... Ну, потомъ, потомъ... Слушайте же: обѣ эти силы къ намъ идутъ, хотять соединиться въ насъ. И неужели не захотимъ? Неужели откажемся?..

Говорилъ еще долго, объясняя свой планъ: соединеніе церкви, и папа—вождь возстанія русскаго, возстанія всемірнаго, глава освобожденнаго человѣчества на пути къ Царствію Божьему.

Голицынъ былъ такъ удивленъ, что уже не пытался возражать, слушалъ молча и только иногда заглядывалъ въ лицо его: ужъ не смѣется ли? Нѣтъ, лицо серьезно, торжественно, какъ давеча, когда игралъ сонату Бетховена; глаза горятъ какъ будто ледяная кора спадаетъ съ нихъ, и ядро обнажается огненное.

Вышли изъ сада и стали подыматься на одинъ изъ холмовъ, обступавшихъ городъ съ запада. Дорога шла по дну размытой дождями балки. Красная глина оползней, въ лучахъ заката, напоминала кровь; и раскиданныя по небу красныя тучки казались тоже кровавыми, какъ будто на небѣ совершилась какая-то казнь; а высокій черный латинскій крестъ *кальварія*, посреди дороги, напоминалъ о томъ, что совершилась и на землѣ та же казнь.

За плетнемъ овчарки лаяли, загоня на ночь овецъ въ степныя кошары. Пахло овечьимъ пометомъ, дымомъ кизяка и мятно-полынною свѣжестью травъ.

Старый чабанъ-пастухъ окликнулъ путниковъ, нагнулся черезъ плетень и забормоталъ что-то невнятно, смѣшивая слова русскія, польскія, молдавскія и турецкія: всѣ эти племена проходили когда-то по его роднымъ холмамъ и оставили слѣды своихъ нарѣчій въ здѣшнемъ говорѣ. Кривымъ пастушьимъ посохомъ онъ указывалъ то на злую овчарку,

заливавшуюся яростнымъ лаемъ, то на дорогу, въ ту сторону, куда они шли, какъ будто предостерегалъ ихъ о какой-то опасности.

— Что онъ говоритъ? Не понимаете, Голицынъ?

— Не понимаю.

— Я тоже. Какимъ-то звѣремъ пугаетъ насъ, что ли? Ну его къ чорту! Просто, подлець, на водку хочетъ.

Бросили ему нѣсколько монетъ и пошли дальше. Но старикъ продолжалъ кричать имъ вслѣдъ, и въ лицѣ его, и въ голосѣ была такая убѣдительность, что Голицыну вдругъ стало страшно: въ этомъ глухомъ оврагѣ, въ пустынной дорогѣ, и въ красной глинѣ, и въ красномъ небѣ, и въ черномъ крестѣ почудилось ему недоброе. «Не вернуться ли?» подумалъ, но устыдился страха своего передъ безстрашнымъ Лунинымъ.

— Извините, Голицынъ, я такъ заговорился, что забыть всякую вѣжливость. Вы не устали?

— Нѣтъ, нисколько.

— Ну, такъ пройдемте еще немного. Я покажу вамъ мѣсто, откуда видъ чудесный.

Поднялись на вершину холма, гдѣ возвышалась развалина сторожевой турецкой башни: турки, когда-то владѣли Подоліей. По крутымъ ступенямъ полуразрушенной лѣстницы взошли на башню. Съ высоты открылась даль безконечная; покатые, волнообразные степные холмы, уходящія до самаго края неба, а тамъ, на западѣ, въ огненныхъ тучахъ, видѣніе исполнскаго города, какъ бы Сіона Грядущаго.

Лунинъ молча глядѣлъ на закатъ.

— Не знаю, какъ вы, Голицынъ, а я люблю конецъ дня больше начала. Западъ больше Востока, — заговорилъ онъ опять.—«Свѣте тихій, святая славы... Придя на Западъ солнца, увидя свѣтъ вечерній»...—какъ это поется на все-нощной? Когда-то съ Востока былъ свѣтъ: нынѣ же послѣдній свѣтъ вечерній—только съ Запада. Кажется, моя Европа...

— Какъ вы это сказали, Лунинъ: моя Европа...

— А что?

— Развѣ не Россія — ваша?

— Да, и Россія... Ну, такъ вотъ: у меня предчувствіе, что Европа — наканунѣ благовѣстья новаго, коимъ завершатся судьбы человѣчества, и что Россія, *моя* Россія, первая изъ всѣхъ народовъ, приметъ это благовѣстье, первая скажетъ: да придетъ царствіе Твое...

«Adveniat regnum tuum», вспомнилась Голицыну молитва Чаадаева. «Чаадаевъ и Лунинъ, какіе разные, какіе схожіе!—думалось ему.—Оба измѣнили Россіи, но и въ этой измѣнѣ что-то навѣки родное, единственно русское».

— Я вѣрю,—говорилъ Лунинъ, и въ лицѣ его свѣтилась, какъ отблескъ угасающаго запада, не то безконечная грусть, не то надежда безконечная,—не знаю, откуда во мнѣ эта вѣра, но вѣрю, что Богъ спасетъ Россію, а если и погибнетъ она, то гибель ея будетъ спасеньемъ Европы, и зарево пожара, который испепелитъ Россію,—зарей освобожденья всемірнаго...

Закатъ потухъ, померкла степь и разлилась по ней уже иная алость тусклая, какъ въ темной комнатѣ свѣтъ сквозь красный занавѣсъ: то всходила въ знойной дымкѣ луна.

— Ну, что же, Голицынъ, поняли?

— Понялъ.

— И не согласны?

— Нѣтъ. Вы на царя возстали, Лунинъ, а вѣдь вашъ папа—тотъ же царь; изъ царства въ папство—изъ огня да въ полымя. Когда Наполеонъ съ Піемъ VII изъ-за власти надъ церковью спорили, знаете, что сказалъ царь: «я и самъ папа!» Такъ не все ли равно, папа—царь или царь—папа?

— Это какъ у Скаррона, что ли:

Don Pascal Zapata,
Ou Zapata Pascal: il n'importe guère,
Que Pascal soit devant ou qu'il soit derrière?—

вдругъ засмѣялся Лунинъ своимъ пронзительнымъ хохотомъ.

— Вотъ именно,—согласился Голицынъ:—царь и папа—обратно-подобны, какъ двѣ руки...

Лунинъ пересталъ смѣяться такъ же внезапно, какъ началъ.

— Чьи же это руки?

— Не того ли, — отвѣтилъ Голицынъ, — о комъ апостолу Петру сказано: *другой* препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь?

— Такъ ужъ не руки, а лапы?

— Да, можетъ-быть, и лапы, лапы Звѣря...

— Лапа, папа, — въ рнему выходить! — опять засмѣялся Лунинъ тѣмъ же страннымъ смѣхомъ и, помолчавъ, прибавилъ: — а если нѣтъ церкви ни у васъ, ни у насъ, то гдѣ же она? Или совсѣмъ нѣтъ?

— Можетъ-быть, еще нѣтъ, — отвѣтилъ Голицынъ.

— Еще нѣтъ, а будетъ? — спросилъ опять Лунинъ.

Голицынъ молчалъ: говорить не хотѣлось; чувствовалъ, что онъ все равно не пойметъ.

— Ну, а сейчасъ, сейчасъ-то какъ? — продолжалъ допытываться Лунинъ; — въ пустотѣ, безъ точки опоры, на чемъ же строить, на землетрясеньѣ, что ли? И вамъ не страшно, Голицынъ?

«Человѣкъ безпредѣльной силы духа», вспомнились Голицыну слова Юшневскаго и слова самого Лунина: «человѣкъ все можетъ вынести, кромѣ силы». Такъ вотъ, чего ему страшно; вотъ, почему отъ страха смѣется: чтобы успокоить, ободрить себя, какъ маленькія дѣти въ темной комнатѣ.

Возвращались по той же дорогѣ. Спустились до половины холма, гдѣ возвышался кальварій, и дорога шла по дну оврага. Луна, уже не красная, а желтая, освѣщала степь.

Вдругъ за плетнемъ послышался лай, крикъ, топотъ бѣгущихъ людей; сверкнулъ огонь, и грянулъ выстрѣлъ. Съ высоты холма по дорогѣ несло прямо на нихъ что-то маленькое, черное, круглое, быстрое-быстрое, какъ ядро, изъ пушки летящее и постепенно растущее. Раздался еще одинъ выстрѣлъ. Стрѣляли, должно-быть, въ то черное, но не попадали.

— Что это? — спросилъ Голицынъ, вглядываясь въ лунный сумракъ.

— А пастухъ-то правду сказалъ, — проговорилъ Лу-
нинъ.—На васъ оружія нѣтъ, Голицынъ?

— Нѣтъ

— На миѣ тоже. Вотъ что значить не по формѣ ходить...
А ну-ка, лазать умѣете? Давайте руку.

Схватилъ его за руку и потащилъ на обрывъ къ плетню.
Голицынъ полѣзъ было, но рыхлая глина осыпалась; онъ
оборвался и свалился назадъ на дорогу; очки его упали и
разбились.

Лунинъ стоялъ уже наверху, у плетня, и могъ бы пе-
рескочить, но, увидѣвъ Голицына одного на дорогѣ, прыг-
нулъ къ нему, оттолкнулъ его ко кресту кальварія и сталъ
передъ нимъ; обмоталъ лѣвую руку плащомъ, выставилъ
ее впередъ, а правою поднялъ длинный, острый коль,—
изъ плетня его выдернулъ. Всѣ его движенія были точны,
быстры, мгновенны и спокойны; только что-то играло въ
немъ пьяное, какъ намедни, послѣ третьей бутылки шам-
панскаго, или какъ, должно-быть, тогда, когда онъ принялъ
вызовъ цесаревича: «слишкомъ много чести, чтобы отказаться-
ся, ваше высочество!»

Теперь уже безъ очковъ видѣлъ Голицынъ то, что неслоь
на нихъ; стоявшую дыбомъ шерсть, поджатый хвостъ, высу-
нутый языкъ и тупую паучью морду съ клубящейся пѣною.

Зажмурилъ глаза, чтобы не видѣть, и прижался спиной
ко кресту; что произошло потомъ,—не помнилъ; только слы-
шалъ вой, визгъ, ревъ и, казалось, чувствовалъ на лицѣ
своемъ смрадное дыханіе звѣря.

Когда открылъ глаза, люди толпились вокругъ огром-
ной издохшей собаки, съ торчащимъ въ горлѣ коломъ. Па-
стухи восхищались отвагою Лунина.

— А славно вы, молодцы, стрѣляете!—усмѣхнулся тотъ.

— Стрѣляемъ, пане добродію, не хуже другихъ, да
всѣмъ крещенымъ людямъ извѣстно, что бѣшенаго звѣря
надо бить пулею заговоренною; а кто настоящей заговоръ
знаетъ,—и палкою убьетъ, какъ ваша милость.

Лунинъ попросилъ воды умыться. Пастухи повели ихъ
къ перелазу черезъ плетень и къ степному загону-кашарѣ,

гдѣ испуганныя овцы толпились кучею, при свѣтѣ костра, и вода журчала, стекая въ водопойную колоду по желобу.

Лунинъ снялъ съ руки плащъ прокушенный насквозь клыками звѣря; снялъ также мундиръ, засучилъ рукавъ и осмотрѣлъ тщательно руку. У Голицына волосы на головѣ зашевелились отъ ужаса, а лицо Лунина было спокойно попрежнему. На рукѣ укусовъ не было. Бросилъ плащъ въ огонь, умылся, одѣлся, далъ пастухамъ на водку, взялъ Голицына подъ руку и вышелъ съ нимъ на дорогу.

— Испугались, князь?

— Испугался.

— Ну, еще бы. Кажется, и я не менше вашего.

— Этого не видно.

— Мало ли что не видно! Не вѣрьте, мой милый, когда вамъ говорятъ, что есть на свѣтѣ люди безстрашные: страшно всѣмъ, только одни умѣютъ побѣждать страхъ, а другіе не умѣютъ. Побѣда надъ страхомъ и есть наслажденіе опасностью, и, кажется, нѣтъ ему равнаго: тутъ человѣкъ становится подобнымъ Богу; подобіе ложное,—но ничего не подѣлаешь: человѣкъ созданъ такъ, что всегда и во всемъ хочетъ быть Богомъ.

Голицынъ посмотрѣлъ на него внимательно: не хватаетъ ли? Нѣтъ, простъ и спокоенъ; убивая и другого, болѣе страшнаго Звѣря, кажется, былъ бы такъ же простъ и спокоенъ.

— На ловца и звѣрь бѣжитъ,—усмѣхнулся Луинъ, какъ будто угадывая мысли его:—мы только что о Звѣрѣ, и онъ и тутъ какъ тутъ. Ну, какъ же не быть суевѣрнымъ? И замѣтьте, мы побѣдили Звѣря подъ знаменіемъ креста латинскаго. На Звѣря — Крестъ, не это ли нашъ разговоръ?

Когда вернулись въ корчму, Голицынъ хотѣлъ проститься, но Луинъ попросилъ его зайти къ нему. При тускломъ свѣтѣ сальной свѣчи огромная комната казалась еще болѣе рачною. На столѣ была постлана постель, и Голицынъ представилъ себѣ, какъ Луинъ лежитъ на ней покойникомъ. Емоданы уложены: онъ уѣзжалъ на разсвѣтѣ.

Усадивъ гостя, хозяинъ закурилъ трубку и началъ такъ же какъ намеренъ, ходить по комнатѣ, назадъ и впередъ напѣвая хриплымъ голосомъ:

Plaisir d'amour ne dure qu'un moment.

— А знаете, Голицынъ, мнѣ все не вѣрится, что сговориться нельзя. Мы вѣдь все-таки въ главномъ согласны

— Согласны, но...

— Но двѣ параллельныя линіи никогда не сойдутся такъ, что ли?

— Или сойдутся въ вѣчности,—возразилъ Голицынъ

— Э, мой милый, далеко до вѣчности; лучше сини въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ!—засмѣялся Лунинъ

Помолчалъ, остановился передъ нимъ и заглянулъ ему въ глаза пристально:

— Послушайте, Голицынъ, это моя послѣдняя попытка вернуться въ Общество. Я знаю, что могу быть полезенъ у меня—то, чего у васъ нѣтъ,—точка опоры для рычага Архимедова, которымъ можно міръ перевернуть. Ежели есть малѣйшая надежда сговориться,—я вашъ, и что сказалъ, то сдѣлаю: на Звѣря—Крестъ. Рѣшайте же. Только сейчасъ, сейчасъ, а не въ вѣчности! Да или нѣтъ?

Почти мольба была въ голосъ его; та слабость сильныхъ людей, которая иногда сильнѣе силы ихъ.

— Нѣтъ, Лунинъ. Если бы я и пошелъ съ вами, никто не пойдетъ...

— Ну, что жъ, на нѣтъ и суда нѣтъ. Не можемъ спастись вмѣстѣ,—будемъ погибать розно... Прощайте, Голицынъ! Я ѣду далеко.

— Въ Варшаву?

— Можетъ-быть, и дальше. Поищу на землѣ себѣ мѣста а не найду, то и подъ землей люди живутъ.

— Какъ подъ землею?

— Ну, да, монахи Трапистскаго ордена, l'ordre de l'Ermitage, знаете?

— Вы къ нимъ?

— Къ нимъ, если дѣваться будетъ некуда.

— Не успѣте, Лунинъ!

— Почему?

— У насъ раньше начнется. А вѣдь, если начнется, вы къ намъ пристанете?

— Пристану. Въ Россіи жить нельзя, но умирать можно... Значить, не прощайте, а до свиданія... Погодите, вотъ еще послѣдній вопросъ, только ужъ очень, пожалуй, нескромный. Ну, все равно, не захотите—не отвѣтите. Или лучше такъ: я первый отвѣчу, а вы потомъ. Для меня главное въ жизни—любовь, любовь къ *Ней*...

Обмѣнялись быстрымъ взглядомъ, какъ сообщники, и Голицынъ понялъ, о комъ онъ говоритъ.

— А для васъ, Голицынъ, что?

— И для меня то же.

— И къ вольности любовь—черезъ *Нее*?—спросилъ Лунинъ.

— Да, черезъ *Нее*.

Лунинъ молча стоялъ передъ нимъ, какъ будто ждалъ чего-то.

И нелѣпая мысль промелькнула у Голицына: что, если опять, какъ давеча, онъ разсмѣется вдругъ своимъ страннымъ, жуткимъ смѣхомъ? Гусарскій подполковникъ и рыцарь Прекрасной Дамы, заговорщикъ и адъютантъ цесаревича, другъ вольности и другъ іезуитовъ,—да, тутъ поневолѣ будешь смѣяться, чтобы не быть смѣшнымъ.

— Какъ же вы не понимаете, Голицынъ, почему я ушелъ къ нимъ?—заговорилъ опять Лунинъ все такъ же серьезно и торжественно.—*Ave Maria, graciae plena*—эта молитва къ *Ней* только у нихъ. Чужбина стала мнѣ родиной, потому что гдѣ любовь, тамъ и родина. Я оставилъ вѣру отцовъ моихъ, я полюбилъ чужую больше родной, невѣсту—больше матери, какъ сказано: оставить челоуѣкъ отца своего и мать свою... Не понимаете? А если понимаете, если мы оба служимъ Одной, любимъ Одну, то почему же мы разно?..

Онъ смотрѣлъ на него своимъ тяжелымъ, ласковымъ взоромъ, и никогда еще Голицынъ не чувствовалъ такъ очарованіе этого взора...

— Почему же не хотите вмѣстѣ? Не Она ли сейчасъ зоветъ васъ, говоритъ вамъ черезъ меня? А вы не хотите?..

— Не могу,—отвѣтилъ Голицынъ, съ безконечнымъ усиленіемъ побѣждая очарованіе.—И не надо объ этомъ, Лунинъ, не надо: вѣдь этого не скажешь, а скажешь,—и все пропадетъ,—вспомнились ему слова Борисова.

Наступило опять молчаніе. И стало страшно. Такъ же, какъ тогда, въ первое свиданіе съ Муравьевымъ, чувствовалъ Голицынъ, что она, Софья,—съ нимъ; но почему же тогда было легко и радостно, а теперь тяжело и страшно?

Оба молчали.

— Можетъ-быть, вы и правы,—проговорилъ, наконецъ, Лунинъ.—Ну, до свиданія, до свиданія въ вѣчности, мой другъ. Другъ вѣдь, такъ?

— Такъ, Лунинъ.

Голицынъ подалъ ему руку. Тотъ крѣпко пожалъ ее и долго не отпускалъ, долго смотрѣлъ на него, какъ будто все еще надѣясь.

Подъ этимъ взглядомъ и вышелъ отъ него Голицынъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Извини, дорогой Юшневскій, что не написалъ тебѣ изъ Бердичева. Знаешь, какъ я писать лѣнивъ, и оказіи не было, а по почтѣ ненадежно. Скажи Голицыну, что я радъ видѣть сго, но о дѣлахъ говорить не радъ, потому что заранѣе знаю, что въ разговорахъ толку мало.

«Ты спрашиваешь, что я подѣлываю. Войсковые рапорты отписываю да занимаюсь шагистикой. Оступѣлъ отъ безлюдья, ибо кромѣ фрунтовиковъ да писцовъ никого и ничего не знаю. Устроилъ себѣ комнату, изъ которой почти не выхожу. Жизнь моя не забавна, она имѣетъ сухость тяжкую. И здоровье не очень изрядно. Попроси доктора Вольфа хины прислать.

«Спасибо Бярятинскому за *Досуги Тульчинскіе*. Я наизусть затвердилъ посвященіе:

Sans doute il te souvient des tranquilles soirées,
Où, par l'épanchement, nos âmes resserées,
Trouvaient dans l'amitié tant de charmes nouveaux.

«А насчетъ моихъ «великихъ мыслей», кажется, лестъ дружеская. Великія мысли рождаютъ и дѣла великія. А наши гдѣ?

«Будь счастливъ, поцѣлуй отъ меня ручки нашей милой разлучницѣ, Маріи Казиміровнѣ, и не забудь твоего
Пестеля.

Линцы, 5 сентября 1824 года.

«P. S. Разсуди хорошенько, стоитъ ли пріѣзжать Голицыну. Дѣла не дѣлать, а о дѣлѣ говорить—воду въ ступѣ толочь. Впрочемъ, какъ знаешь».

Послѣ этого письма Голицынъ колебался, ѣхать ли. Но Юцневскій настоялъ, и онъ въ тотъ же день отправился.

Мѣстечко Линцы, стоянка Вятскаго полка, которымъ командовалъ Пестель, находилось верстахъ въ шестидесяти отъ Тульчина, въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, почти на границѣ Подольской. Почтовая дорога шла на Брацлавъ, по долину Буга—на нижнюю Крапивну и на Жорнице, а отсюда—глухая проселочная—по дремучему, на десятки верстъ тянущемуся, дубовому и сосновому лѣсу, недавнему пріюту гайдамакъ и разбойниковъ. Лѣсъ доходилъ до самыхъ Линцовъ, а дальше была голая степь съ ковылемъ да курганами.

Линцы—не то маленькій городокъ, не то большое селеніе; на берегу многоводной, свѣтлой и свѣжей Соби—хутора въ уютной зелени, низенькія хатки подъ высокими очередными крышами, ветхая церковка, синагога, костель, гостиный дворъ съ жидовскими лавчонками, штабъ Вятскаго полка, полосатая гауптвахта, шлагбаумъ, а за нимъ голая степь: казалось, тутъ и свѣту конецъ. Съ полудня степь, съ полуночи лѣсъ какъ будто нарочно заступили всѣ дороги въ это захоlustье, людьми и Богомъ забытое.

Былъ ненастный вечеръ. Должно-быть, прошла гдѣ-то далеко гроза, и какъ будто сразу кончилось лѣто, посвѣжѣло въ воздухѣ, запахло осенью. Дождя не было, но порывистый, влажный вѣтеръ гналъ по небу темныя, быстрыя тучи, такія низкія, что, казалось, клочья ихъ за верхушки лѣса цѣпляются.

Наступали сумерки, когда ямщикъ подвезъ Голицына къ одноэтажному старому каменному дому—дворцу князей Сангушко, владѣльцевъ мѣстечка. Домъ стоялъ необитаемый, окна заколочены, дворъ поросъ лопухомъ и крапивой. За домомъ—садъ съ большими деревьями. Ихъ вершины угрюмо шумѣли, и черная воронья стая носилась надъ ними въ ненастномъ небѣ со зловѣщимъ карканьемъ.

Пестель жилъ въ одномъ изъ флигелей дома, уступленномъ ему княжескимъ управителемъ.

— Пожалуйте, пожалуйста, ваше сіятельство, — встрѣгилъ Голицына, какъ стараго знакомаго, денщикъ Пестеля, Савенко, хохоль съ добродушно-плутоватымъ лицомъ, и пошелъ докладывать.

Кабинетъ—большая, мрачная комната, съ двумя высокими окнами въ садъ; во всю стѣну, отъ потолка до полу—полки съ книгами; письменный столъ, заваленный бумагами; огромный каминъ-очагъ съ кирпичнымъ навѣсомъ, какіе бывають въ старо-польскихъ усадьбахъ. Князя Сангушко, тѣды и прадѣды, съ почернѣлыхъ полотень слѣдили злозѣще и пристально, какъ будто зрачки свои тихонько позорачивали за тѣмъ, кто смотрѣлъ на нихъ. Пахло мышами и сыростью. Въ долгіе вечера осенніе, когда вѣтеръ воетъ въ трубѣ, дождь стучитъ въ окна и старыя деревья сада думять,—какая здѣсь, должно-быть, тоска, какое одиночество. «Жизнь моя не забавна, она имѣетъ сухость тяжкую». вспомнилось Голицыну.

— Какъ доѣхали, князь? Не угодно ли умыться, пошиться? Вотъ ваша комната.

Хозяинъ провелъ гостя въ маленькую, за кабинетомъ, комнатку, спальню свою.

— Вы вѣдь у меня ночуете?

— Не знаю, право, Павелъ Ивановичъ. Тороплюсь, хотѣлъ бы къ ночи выѣхать.

— Ну, что вы, помилуйте! Не отпущу ни за что. Хотите ужинать?

— Благодарю, я на послѣдней станціи ужинать.

— Ну, такъ чай. Самоваръ, Савенко!

Старался быть любезнымъ, но Голицынъ чувствовалъ, что пріѣхалъ некстати.

Когда онъ вернулся въ кабинетъ, почти стемнѣло. Пестель сидѣлъ, забившись въ уголь дивана, кутаясь въ старую шинель, вмѣсто шлафрока, скрестивъ руки, опустивъ голову и закрывъ глаза, съ такимъ неподвижнымъ лицомъ, какъ будто спалъ. «А вѣдь на Наполеона похожъ: Наполеонъ подь Ватерлоо, какъ говоритъ Бестужевъ», подумалось Голицыну. Но если и было сходство, то не въ

чертахъ, а въ этой каменной тяжести, сонности, неподвижности лица.

Денщикъ принесъ лампу. Пестель взглянулъ на Голицына, какъ будто очнувшись. Только теперь, при свѣтѣ, увидѣлъ тотъ, какъ онъ измѣнился, похудѣлъ и осунулся.

— Вамъ нездоровится, Пестель?

— Да, все что-то знобитъ. Лихорадка, должно-быть.

— А я вамъ хины привезъ, докторъ Вольфъ прислалъ.

— Ну вотъ, спасибо. Давайте-ка, приму.

Налилъ воды въ стаканъ, насыпалъ порошокъ и, прежде чѣмъ выпить, улыбнулся дѣтски-безпомощно.

— Сразу?

— Да, сразу.

Выпилъ и поморщился.

— Экая гадость! Ну, а теперь другую гадость, тоже сразу. Что новенькаго, князь?

Голицынъ рассказалъ ему о доносѣ Шервуда, о вѣроятномъ открытіи заговора, о подозрѣніяхъ на капитана Майбороду и генерала Витта.

Пестель слушалъ молча, уставившись на него исподлобья пристальнымъ взглядомъ, съ тою же окаменѣлою неподвижностью въ лицѣ. И казалось Голицыну, какъ нѣкогда Рылѣеву, что собесѣдникъ не видитъ его, смотреть на лицо его, какъ на пустое мѣсто.

— Ну, что жъ, все въ порядкѣ вещей,—проговорилъ Пестель, когда Голицынъ кончилъ:—ждали, ждали и дождались. Вступая въ заговоръ, думать что не будетъ доносчиковъ,—ребячество. «Во всякомъ заговорѣ на двѣнадцать человѣкъ двѣнадцатый измѣнникъ», говорилъ мнѣ старикъ Палень, убійца императора Павла, а онъ въ этихъ дѣлахъ мастеръ.

— Что же вы намѣрены дѣлать, Павелъ Ивановичъ? Пестель пожалъ плечами.

— Что дѣлать? Кому быть повѣшеннымъ, тотъ не утонетъ. Вотъ уже полгода я всякую минуту жду, что меня придутъ хватать—и ничего, привыкъ. Можно ко всему привыкнуть. А вамъ не скучно, Голицынъ?

— Что скучно?

— Да вот обо всемъ этомъ думать — о доносахъ, арестахъ, шпионахъ—«шпигонахъ», какъ говоритъ мой Савенко.

— Скучно, но какъ же быть? Отъ этого зависитъ все наше дѣло...

— А вы въ наше дѣло вѣрите?

— Что вы хотите сказать, Пестель?

— Ничего, пошутилъ, извините... Ну, будемте говорить серьезно. Насчетъ Майбороды вы, господа, ошибаетесь. Неужели вы думаете, что я его принялъ бы въ Общество, если бы не былъ увѣренъ...

— А вы его приняли?

— Почти принялъ.

— Ради Бога, Павелъ Ивановичъ, будьте осторожны...

— Не беспокойтесь, я людей знаю.

— Людей знаете и не видите, что это—негодяй отъявленный?

— Да, негодяй,—что жъ изъ того? Негодяи-то намъ, можетъ-быть, нужнѣе честныхъ людей. Вѣдь это только на Страшномъ судѣ — овцы одесную, а козлища ошую; въ сей же юдоли земной всѣ въ кучѣ,—не разберешь; тотъ же человѣкъ сегодня негодяй, а завтра честный, или наоборотъ. Негодяи-то ужъ тѣмъ хороши, что знаешь, чего отъ нихъ ждать, а отъ честныхъ, подите-на, узнайте. «Кто изъ честныхъ людей не достоинъ пощечины?»—у Шекспира это, что ли? Я плохой христіанинъ, но помню, что болѣе радости на небесахъ объ одномъ кающемся грѣшникѣ, нежели о девяти праведникахъ. Вотъ и генералъ Виттъ тоже грѣшникъ и тоже кается; мы ему не вѣримъ... ну, а если ошибаемся? 40.000 войска подъ командою, шутка сказать!

— Что вы говорите, Павелъ Ивановичъ?

— А что? Не благородно? Ну, еще бы! Только о благородствѣ и думаемъ. Отъ благородства погибаетъ. Какая ужъ тутъ политика! Въ политикѣ нѣтъ благороднаго и подлаго, а есть умное и глупое. И мы выбрали глупое: царя убить, революцію сдѣлать въ бѣлыхъ перчаткахъ.

Убить надо, но никто не хочет самъ: перчатки мѣшаютъ,— и всѣ другъ за друга хоронятся, ждуть. А пока государь можетъ быть спокоенъ,—дастъ Богъ, насъ всѣхъ переживетъ. Такъ-то, Голицынъ: слово и дѣло не одно и то же; отъ сужденій до совершеній весьма далече. Люди говорятъ легко, а дѣйствуютъ, по мѣрѣ опасности, если не для жизни, то для чести, для совѣсти. Мы—люди храбрые, жизнью готовы жертвовать; да жизнью-то легко, а вотъ честью, совѣстью какъ? Кто хочетъ спасти душу свою, тотъ погубить ее,—не о такихъ ли, какъ мы, это сказано?..

Онъ потупился, а когда опять поднялъ глаза, они засверкали злобнымъ огнемъ.

— Вы вотъ все предателей ищете, а главный-то предатель, знаете, кто? Я по ночамъ не сплю, думаю, думаю и вотъ до чего додумался: намъ другого нѣтъ спасенья, какъ принести государю повинную. Онъ благородный, почти благородный человекъ, мы тоже почти благородные—отчего бы и не сговориться? Открыть ему все и убѣдить, что лучшій способъ уничтожить революцію—дать Россіи то, чего мы добиваемся. Вотъ поѣду въ Петербургъ и донесу... Ну, что скажете, Голицынъ? Подлость, а?

— Не подлость, а сумасшествіе,—возразилъ Голицынъ.

— А у васъ никогда этого сумасшествія не было?—спросилъ Пестель.

— Если и было, то прошло.

— Совсѣмъ прошло?

— Совсѣмъ.

— Жаль. А я думалъ—вмѣстѣ. Вмѣстѣ бы легче. На міру и смерть красна...

— Думали, что я считаю это подлостью и буду вмѣстѣ съ вами?

— Да, вотъ и поймали. Заврался, запутался,—усмѣхнулся Пестель и посмотрѣлъ на него съ нескрываемымъ вызовомъ.

— Такъ о чемъ же вы-то съ нимъ говорить будете?

— Съ кѣмъ?

— Съ государемъ. Вѣдь у васъ свиданье?

— Кто вамъ сказалъ?

— Слухомъ земля полнится. А вамъ не хотѣлось, чтобы я зналъ?

«Подозрѣваетъ меня, испытываетъ, что ли?» подумалъ Голицынъ съ негодованіемъ.

— Можетъ-быть, я и вправду съ ума схожу,—продолжалъ Пестель, и усмѣшка его дѣлалась все болѣе язвительной:—но у сумасшедшихъ есть вѣдь тоже логика. Ну, такъ вотъ, по моей сумасшедшей логикѣ, одно изъ двухъ: или уничтожить заговоръ, или уничтожить царя. Не хотите одного, значитъ, хотите другого? О другомъ-то мы съ вами, кажется, были согласны, помните у Рылѣева.

— Помню.

— И теперь согласны?

Голицынъ молчалъ; сквозь негодование онъ чувствовалъ, что Пестель правъ.

— Такъ какъ же, Голицынъ? Ваше свиданіе съ государемъ въ такую минуту, когда дѣло почти проиграно, вы сами понимаете?.. Или не хотите отвѣтить?

— Не хочу. Это дѣло моей совѣсти, Павелъ Ивановичъ! Позвольте же мнѣ одному быть въ немъ судьей,—началъ Голицынъ, блѣднѣя, и не кончилъ.

Пестель смотрѣлъ на него молча, въ упоръ. «Кто изъ честныхъ людей не достоинъ пощечины?» вспомнилось Голицыну, и вся кровь прилила къ лицу его, какъ отъ пощечины. Пестель опять былъ правъ, и въ этой правотѣ—то неразрѣшимое, темное, страшное, о чемъ Голицынъ старался не думать всѣ эти мѣсяцы: «убить надо, но пусть не я, а другой».

У крыльца послышался колокольчикъ тройки. Голицынъ предчувствовалъ, что не придется ему ночевать у Пестеля, и заказалъ лошадей на станціи.

— Лошади поданы, ваше сіятельство.—доложилъ Савенко.

Голицынъ всталъ и покраснѣлъ: чувствовалъ, что отъѣздъ его похожъ на бѣгство.

— До свиданья, Пестель!

— Куда вы?

— Ъду.

Пестель тоже всталъ.

— Прошу васъ, Голицынъ, останьтесь,—проговорилъ онъ вдругъ измѣнившимся голосомъ, съ тихой, странной улыбкой.

— Нѣтъ, Пестель, нашъ разговоръ бесполезенъ и тягостенъ. Вы были правы, что мнѣ прїѣзжать не слѣдовало...

Прошу васъ, Голицынъ, останьтесь,—повторилъ Пестель все тѣмъ же голосомъ, съ тою же улыбкою. Голицынъ взглянулъ въ нее и вдругъ понялъ: что-то было въ ней такое жалкое, что у него сердце упало.

— Если я обидѣлъ васъ, простите, Голицынъ, ради Бога, не сердитесь на меня. Развѣ вы не видите, что я въ такомъ положеніи, что на меня сердиться нельзя?..

Что-то задрожало, задвигалось въ недвижномъ лицѣ, какъ маска, готовая упасть.

— Лежачаго не бьютъ,—прибавилъ онъ съ усиліемъ, опустилсѣ на диванъ и закрылъ лицо руками.

Голицынъ съ минуту подумалъ, вышелъ въ переднюю, позвалъ денщика, велѣлъ сказать, чтобъ лошадей откладывали, вернулся къ Пестелю, сѣлъ рядомъ и положилъ ему руку на плечо.

— Я отвѣчу на вашъ вопросъ, Павелъ Ивановичъ: я знаю, что надо дѣлать, но не могу, и что это подлость—тоже знаю. Какъ видите, мое положеніе не лучше вашего...

Пестель посмотрѣлъ на него, какъ будто только теперь увидѣлъ лицо его.

— Прошу васъ, Пестель,—продолжалъ Голицынъ,—отвѣтите и вы на мой вопросъ. Зачѣмъ вы сказали мнѣ давеча о вашемъ предательствѣ? Вы знали, что я не повѣрю. Зачѣмъ же? Или подозрѣвали меня, испытывали?

— Нѣтъ, не васъ, а себя испытывалъ...

— Ну, и что же?

— Вы правы: я этого не сдѣлаю. А какъ я дошелъ до этого, хотите знать?

— Лучше не надо, Пестель! Потомъ когда-нибудь, а сейчасъ вамъ трудно.

— Думаете, стыдно? Нѣтъ, ничего. Послѣ того, что вы обо мнѣ знаете,—мнѣ ужъ стыдиться нечего...

Помолчалъ, подумалъ и началъ:

— Помните, Гамлетъ говорить: «совѣсть всѣхъ васъ дѣлаетъ трусами». Я имѣю золотую шпагу за храбрость, но я трусъ, не передъ смертью, а передъ мыслью, передъ совѣстью трусъ. Чтобы что-нибудь сдѣлать, не надо слишкомъ много думать. «Блѣднѣетъ румянецъ воли, когда мы начинаемъ размышлять», это тоже Гамлетъ сказалъ,—я теперь все Гамлета читаю. А я не могу не размышлять; люблю мысль безъ корысти, безъ пользы, безъ цѣли, мысль для мысли, чистую мысль. Я только въ мысли и живу, а въ жизни мертвъ. Я не злодѣй и не герой, а обыкновенный человекъ, добрый, честный нѣмецъ. Вотъ книжки читать люблю. Почитываю, пописываю; 12 лѣтъ писалъ Русскую Правду и могъ бы писать еще 12 лѣтъ. Какъ Архимедъ, дѣлаю математическія выкладки въ осажденномъ городѣ; пропадай все, только бы сошлись мои выкладки. Говорю, не думая: надо царя убить. И какъ будто чувствую, что это такъ; какъ будто ненавижу его; а подумаю: за что ненави- дѣть? за что убивать? Обыкновенный человекъ, такой же, какъ всѣ мы; средній человекъ въ крайности. И ненави- ди нѣтъ, и воли нѣтъ. И такъ всегда со всѣми чувствами. Никакихъ чувствъ, одинъ умъ; умъ полонъ, а сердце— какъ пустой орѣхъ...

— Вы на себя клеветеете, Пестель: одно великое чув- ство есть у васъ.

— Какое? Любовь къ отечеству? Я и самъ думалъ, что люблю. Но нѣтъ, не люблю. Да и что такое любовь? Полю- бить—выйти изъ себя, войти въ другого? Сдѣлать такъ, чтобы я былъ не я? Фокусъ, что ли? Или вѣра? Чудо? По логикѣ, нельзя вѣрить, нельзя любить: логика—дважды два четыре, а любовь—чудо, дважды два пять. Въ Еван- гелии: «любите, любите»... Ну, а что же дѣлать, если нѣтъ любви? Это какъ совѣтъ утопающему вытащить себя за волосы. Злая шутка. Хоть убей, не люблю. И чѣмъ больше стараюсь, тѣмъ меньше люблю... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,

Голицынъ, что же дѣлать, что дѣлать, если нѣтъ любви? Молиться что ли? Вы въ Бога вѣруете?

— Вѣрую.

— Въ какого? Что такое Богъ? Говорятъ, Богъ есть любовь. А у насъ тутъ, въ Линцахъ, намедни свинья двухлѣтной дѣвочкѣ голову отъѣла. Дѣвочка невинна и свинья тоже, а все-таки Богъ есть любовь? Мой другъ Барятинскій — плохой поэтъ, но онъ хорошо сказалъ лучше Вольтера:

En voyant tant de mal couvrir le monde entier,
Si Dieu même existait il taudrait le nier.

Помните, я вамъ въ Петербургѣ говорилъ, что умомъ знаю о Богѣ, а сердцемъ Его не хочу? И безъ Бога довольно мученій. Я видѣлъ подъ Лейпцигомъ предсмертныя мученія раненыхъ: морозъ и сейчасъ подираетъ по кожѣ, какъ вспомню. И вѣдь каждый-то изъ нихъ зналъ, что волосъ съ головы его не упадетъ безъ воли Отца Небеснаго... А по взятіи Лейпцига нашель я въ одной аптекѣ ядъ, купилъ его и съ тѣхъ поръ всегда ношу при себѣ.

Отперъ ящикъ въ столѣ, вынулъ пузырекъ и показалъ Голицыну.

— Вотъ свобода, кажется, бѣольшая, чѣмъ во всѣхъ республикахъ,—отъ всего, отъ всего, а главное—отъ себя свобода... Я говорилъ давеча: одно изъ двухъ,—уничтожить заговоръ или уничтожить царя; но, можетъ-быть, есть и третье: уничтожить себя. Цицеронъ полагалъ въ самоубійствѣ величіе духа. И въ Меропѣ у Вольтера, помните

Quand on a tout perdu, quand il n'y a plus d'espoir,
La vie est une honte et la mort un devoir.

Да, умереть съ достоинствомъ—послѣдній долгъ... А въ и въ безсмертье души, Голицынъ, вѣрите?

— Вѣрю.

— Я понимаю, что можно вѣрить, но какъ желать безсмертія, не понимаю,—продолжалъ Пестель:—такъ устаешь отъ жизни, что, кажется, мало вѣчности, чтобы отдох-

нуть. Это, какъ ночлегъ, о которомъ думаешь, когда тря-
сешься, на почтовой телѣгѣ въ знойный день: на простыни
свѣжія лечь, протянуться, вздохнуть и уснуть...

Полузакрывъ глаза, облокотился на столъ, опустилъ
голову и сжалъ ее обѣими руками.

— Что я хотѣлъ? Погодите-на, что-то важное, да вотъ
забылъ, все забываю. Должно-быть, отъ жара мысли мѣ-
шаются... Я двадцать лѣтъ молчалъ и вдругъ заговорилъ.
Я съ вами говорю, Голицынъ, потому, что вы слушать умѣ-
ете. Слушать трудно, труднѣе, чѣмъ говорить, а вы умѣете.
Когда вы такъ въ очки смотрите, то похожи на доктора или
на добраго лютеранскаго пастора. Я вѣдь лютеранинъ.
У меня былъ одинъ учитель въ Дрезденѣ, господинъ фонъ-
Зейдель, добрый старый нѣмецъ, гернгутеръ, большой ми-
стикъ. Тоже въ очкахъ, немного на васъ похожъ. Читалъ
Апокалипсисъ и говорилъ, что понимаетъ все до точности.
И Лютеровъ псаломъ пѣлъ: *Eine feste Burg ist unser Gott.*
Такъ хорошо пѣлъ, что нельзя было слушать безъ слезъ...
А знаете, Голицынъ, когда жаръ, и сидишь долго одинъ,
уоставившись глазами въ темный уголь, то все кажется,
что тамъ кто-то. Видишь, что нѣтъ никого, а кажется...
Вотъ и теперь. Думаете, брежу? Нѣтъ... только не надо
въ уголь смотрѣть... А вонъ тамъ у меня, на столѣ, пор-
третъ: это Софѣ, сестра моя. Красавица, не правда ли?..
Я вамъ говорилъ, что никого не люблю. А ее люблю. Но вѣдь
это не та любовь. Христось говорить: «кто матеръ Моя,
кто братья Мои?» А кстати, Голицынъ, или некстати, ну,
да все равно, вы вѣдь въ Тульчинѣ съ Лунинымъ видѣлись?..

— Видѣлся.

— Рассказывалъ онъ вамъ, какъ умирающей отецъ
его явился къ нему въ самую минуту смерти? Какой-то
магнетизмъ, что ли? А можетъ-быть и шарлатанство. Луининъ
вѣрить насильно, сломалъ себя, чтобы вѣрить, а все-таки
не очень вѣритъ... Больные въ жару видятъ то, чего нѣтъ.
А по Канту, и здоровые: весь мѣръ—то, чего нѣтъ, приви-
дѣніе... А хотѣлъ бы я увидѣть хоть маленькое привидѣн-
ице. Если очень, очень желать, то, можетъ-быть, и уви-

дишь... Э, чортъ, все не о томъ... А не знаете ли, Голицынъ, что раньше написано: *Политика* или *Метафизика* Аристотеля? Кажется, надо бы раньше *Метафизику*. Eine feste Burg ist unser Gott. У св. Августина политика—Градъ Божій. А у меня—Градъ безъ Бога. По *Русской Правдѣ*, попы—тѣ же чиновники. А вѣдь этого, пожалуй мало?.. Я хоть и нѣмецъ и лютеранинъ, а люблю православную службу и ладанъ и пѣніе. Когда по Кіевской лаврѣ хожу, все монахамъ завидую. О, beata solitudo, o, sola beatitudo! Послѣ революціи въ лавру уйду и сдѣлаюсь схимникомъ. Кромѣ шутокъ, этимъ кончу... Только все не о томъ, все не о томъ...

Остановился, потеръ лобъ рукою, улыбнулся, поморщился дѣтски-безпомощно, такъ же какъ давеча, когда глоталъ хину.

— Вамъ бы лечь, Пестель, вы больны,—сказалъ Голицынъ.

— Ничего, маленькій жаръ. Отъ этого мысли яснѣе, хотя и мѣшаются. Хотите чаю?.. Ахъ, да, наконецъ-то, вспомнилъ! Вы *Катехизисъ* Муравьева знаете?

— Знаю.

— Странно. Муравьевъ думаетъ, что мы противъ царя со Христомъ, а царь думаетъ, что онъ противъ насъ со Христомъ. Съ кѣмъ же Христосъ? Или ни съ кѣмъ? «Царство Мое не отъ міра сего». А какъ же Градъ Божій? Тутъ что-то неладно. Ужъ не лучше ли просто по-моему: попы—чиновники, политика—Градъ человѣческой,—и дѣло съ концомъ? Муравьевъ, кажется, хочетъ свой *Катехизисъ* въ народъ пускать, все о народѣ хлопочетъ, о малыхъ сихъ. А народъ ничего не пойметъ. Да и что такое народъ? Я полагаю, что онъ всегда будетъ тѣмъ, что хотятъ личности. Вы скажете: плохая демокрація? Да, объ этомъ говорить вслухъ не надо... А что вы думаете, Голицынъ, Муравьевъ можетъ убить?

— Думаю, можетъ.

— Удивительно! Любить всѣхъ, любить враговъ своихъ; кажется, мухи не обидить, а вотъ можетъ убить. Убить, любя. Наполеонъ говорилъ: такому человѣку, какъ

я, плевать на жизнь милліона людей». Это понятно и просто, слишкомъ просто, почти глупо. Говорятъ, что я въ Наполеоны лѣзу. Но я бы такъ не сказала, а если бъ и сказала, не гордился бы этимъ. Но это понятно. А убивать, любя? Погубить душу свою, чтобы спасти ее,—такъ что ли?.. Вы по-нѣмецки читаете?

— Читаю. Но, Пестель, зачѣмъ вы?..

— Нѣтъ, нѣтъ, слушайте.

Онъ открылъ лежавшую на столѣ большую, въ кожаномъ переплетѣ съ мѣдными застежками, ветхую Лютерову Библию.

— Я теперь все Библию читаю—Шекспира да Библию. Говорятъ, кто Библию прочтетъ, съ ума сойдетъ. Можетъ-быть, я отъ того и схожу съ ума. Слушайте: «можешь ли удою вытащить Левіаѳана? Вдѣнешь ли кольцо въ ноздри его? Проколешь ли иглою челюсти его? Крѣпкіе щиты его—вѣликолѣпіе; на шеѣ его обитаетъ сила, и передъ нимъ бѣжитъ ужасъ. Желѣзо онъ считаетъ за солому, мѣдъ за гнилое дерево. Нѣтъ на землѣ подобнаго ему. Онъ царь надъ всѣми сынами гордости».—Левіаѳанъ былъ въ Наполеонѣ, когда онъ говорилъ: «мнѣ плевать на жизнь милліона людей». И въ свиньѣ, которая отѣла дѣвчкѣ голову. И это верхъ путей Божьихъ? Да, можно съ ума сойти! Англійскій философъ Гоббсъ назвалъ государство свое Левіаѳаномъ, а св. Августинъ — Градомъ Божіимъ. А мой учитель, господинъ фонъ-Зейдель, полагалъ, что Левіаѳанъ есть Звѣрь Апокалипсиса. Не разберешь, гдѣ Богъ, гдѣ Звѣрь. Все спутано, все смѣшано... Это и значитъ—убивать съ Богомъ, убивать, любя... Такъ, что ли?..

— Нѣтъ, Пестель, не такъ. Зачѣмъ вы смѣтаетесь? Ну, зачѣмъ, зачѣмъ вы мучаете себя?

— Я не смѣюсь, Голицынъ, я только мучаюсь, или кто-то мучаетъ меня, убиваетъ, любя... Должно-быть, я не понимаю, тутъ чего-то главнаго... Муравьевъ однажды сказалъ обо мнѣ: «есть вещи, которыя можно понять лишь сердцемъ, но кои остаются вѣчною загадкою для самаго пронцательнаго ума».

Я ничего не понимаю сердцемъ, я сердцемъ глупъ. А вотъ у Марваева сердце умное. Я могъ бы его полюбить. Скажите ему это, когда увидите его. А вѣдь онъ не любитъ меня?..

— Не любитъ, потому что не знаетъ,—возразилъ Голицынъ.

— А вы знаете?

— Знаю. Теперь знаю.

Голицынъ улыбнулся. Пестель—тоже, и отъ этой улыбки лицо его вдругъ помолодѣло, похорошѣло, какъ будто мертвая маска упала съ живого лица, и онъ сдѣлался похожъ на портретъ шестнадцатилѣтней дѣвочки, который стоялъ на столѣ.

— Вы сами себя не знаете, Пестель,—продолжалъ Голицынъ:—вы съ Муравьевымъ очень не похожи и очень похожи.

— И я могъ бы убить, любя?

— Нѣтъ, не могли бы. Вы не другого, а себя убиваете. Но это все равно. Вы тоже губите, уже почти погубили душу свою, чтобы спасти ее... Слушайте.

Голицынъ взялъ Библию, открылъ Евангеліе отъ Іоанна и прочелъ:

— «Женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родить младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человекъ въ міръ. Такъ и вы теперь имѣете печаль. Но возрадуется сердце ваше»...

Пестель молчалъ и улыбался, но лицо его поблѣднѣло такъ, что Голицынъ боялся, что ему сдѣлается дурно.

— Ну, а теперь давайте спать, Павелъ Ивановичъ! Мнѣ завтра ѣхать рано.

Голицынъ позвалъ денщика и велѣлъ подавать лошадей на разсвѣтъ.

— Куда вы ѣдете?—спросилъ Пестель.

— Въ Лещинскій лагерь подъ Житомиромъ. Тамъ сборъ Васильковской Управы и Общества Соединенныхъ Славянъ.

— Зачѣмъ сборъ?

— Рѣшать, когда начинать.

— И вы думаете, начнутъ?

— Думаю.

— Какъ дважды два пять?—усмѣхнулся Пестель.

— Не знаю,—возразилъ Голицынъ:—вы же сами говорите, что не надо слишкомъ много думать, чтобы сдѣлать.

— А если начнутъ, хотите быть вмѣстѣ?—спросилъ Пестель.

— Хочу,—отвѣтилъ Голицынъ.

— Скажите же имъ: пусть только начнутъ, а мы отъ нихъ не отстанемъ,—сказалъ Пестель.—А изъ Лещинскаго лагеря пріѣзжайте ко мнѣ; мнѣ хотѣлось бы еще увидѣться съ вами.

— Постараюсь.

— Нѣтъ, общайте.

— Хорошо, Пестель, даю вамъ слово.

— Ну, спасибо, за все спасибо! Доброй ночи, Голицынъ!

Хозяинъ легъ на диванъ въ кабинетѣ, а гостю уступилъ свою постель. Какъ ни спорилъ тотъ, ни доказывалъ, что Пестелю, больному, нужнѣе покой, онъ настоялъ на своемъ.

Въ спальнѣ на стѣнѣ висѣла золотая шпага, полученная имъ за храбрость подъ Бородинымъ. Тутъ же стоялъ кованый сундукъ съ большимъ замкомъ. Голицыну казалось, что въ этомъ сундукѣ—*Русская Правда*. Надъ изголовьемъ постели—распятіе и другой маленькій портретъ Софи; здѣсь она была моложе, лѣтъ 12-ти; дѣтское личико съ пухлыми, какъ будто надутыми, губками, съ большими черными, немного на выкатѣ, какъ у Пестеля, глазами и съ недѣтски тяжелымъ взоромъ. Подъ портретомъ подпись по-французски, ученическимъ почеркомъ: «Моему дорогому Павлу.— Село Васильевское, 13 іюля 1819 года». На ночномъ столикѣ—славянское Евангеліе, тоже съ надписью, подарокъ отца. Между страницами—сухіе цвѣты, а на пожелтѣвшемъ отъ времени предзаглавномъ листѣ написано рукою Пестеля: «Сегодня, въ день моего рожденія, 2 мая 1824 года, Софій подарила мнѣ крестикъ, а матушка—кольцо на память. Я съ этими вещами никогда не разстанусь, и онѣ будутъ

со мною до послѣдняго дыханья моего, какъ самое драгоцѣнное, что я имѣю».

Изъ спальни была одна только дверь въ кабинетъ. Въ пять часовъ утра денщикъ Савенко вошелъ къ Голицыну босыми ногами, на цыпочкахъ, принесъ ему стаканъ чаю, разбудилъ, тихонько тронувъ за плечо, доложилъ шопотомъ, что лошади поданы, и пока Голицынъ одѣвался, сообщилъ, что «ихъ благородіе, г. подполковникъ, разбудить себя велѣли, чтобы проститься съ княземъ, да жаль: первую почъ изволятъ почивать хорошо»; сообщилъ также свои опасенія о шпионахъ—«шпигонахъ» и о капитанѣ Майбородѣ. Видно было, что онъ любитъ, жалѣетъ барина.

Денщикъ вышелъ, чтобы уложить вещи въ коляску. Голицынъ вошелъ въ кабинетъ, стараясь двигаться такъ же беззвучно, какъ Савенко. Пестель спалъ на диванѣ. Проходя мимо, Голицынъ остановился и взглянулъ на лицо его. Въ темномъ свѣтѣ утра оно казалось блѣднымъ мертвенной блѣдностью; тонкія брови иногда сжимались, точно хмурились, какъ будто и во снѣ думалъ онъ упорно, мучительно.

Голицынъ наклонился и поцѣловалъ его тихонько въ лобъ. Вѣки спящаго дрогнули. Голицынъ боялся, что онъ проснется; но нѣтъ, только улыбнулся, не открывая глазъ, и отъ этой улыбки во снѣ—такъ же какъ наяву—лицо его помолодѣло, похорошѣло удивительно. Можетъ-быть, снилось ему, что Софья съ нимъ.

: И Голицынъ чувствовалъ, что его Софья тоже съ нимъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Лещинскій лагерь находился въ 15 верстахъ отъ большой почтовой дороги изъ Житомира въ Бердичевъ, а 8-я артиллерійская бригада стояла въ деревнѣ Млннищахъ, въ 3 верстахъ отъ Лещина. Квартыры были тѣсныя: всѣ крестьянскія хаты биткомъ набиты, такъ что большинство офицеровъ ютилось въ палаткахъ и балаганахъ, легкихъ лагерныхъ строенійхъ, замѣнявшихъ палатки.

Въ одномъ изъ такихъ балагановъ лежали на койкахъ два молоденькихъ артиллерійскихъ подпоручика 8-й бригады, Саша Фроловъ, мальчикъ лѣтъ 19, и Миша Черноглазовъ, немного постарше. Лежа на спинѣ, высоко закинувъ ногу на ногу и покуривая трубку-султанку, Миша напѣвалъ неестественно-хриплымъ голосомъ:

Я люблю кровавый бой,
Я рожденъ для службы царской.

Балаганъ построенный на живую нитку изъ прутника, обмазаннаго глиною, имѣлъ видъ чердака; на земляномъ полу тѣснились койки; оконъ не было, свѣтъ проникалъ сквозь дверцу. Теперь она была закрыта, и въ балаганѣ—темно; одинъ только солнечный лучъ падалъ сквозь щель въ крышѣ, надъ Сашиной койкой, и рисовалъ на стѣнѣ маленькую живую картинку, опрокинутую, какъ въ камерѣ-обскурѣ: внизу—голубое небо съ круглыми бѣлыми облаками, а вверху—желтое жнивье, зеленыя деревья, вѣтряныя мельницы, бѣлыя палатки и марширующіе вверхъ ногами солдатики; иногда картинка мутнѣла, расплывалась,

а потомъ опять становилась яркою, и въ темнотѣ распро-
странялся отъ нея полусвѣтъ радужный. Саша любовался
ею. «Хорошо бы,—думалъ онъ,—если бы и вправду все было
такъ, вверхъ ногами. Страшно и весело»...

— Пойдемъ-ка къ Славянамъ, Саша, — сказала Чер-
ноглазовъ.

Если бъ онъ сказалъ: «пойдемъ къ цыганамъ», или, «къ
мадамкамъ», — Саша понялъ бы; но что такое *Славяне*,
не зналъ, а показать не хотѣлъ: стыдился не знать того,
что знаютъ всѣ и что нужно знать, чтобъ быть молодцомъ.

— Нѣтъ, Миша, сегодня у капитана Пыхачева банкъ;
отыгаться надо: намедни, послѣ второй талии, поставилъ
я мирандоломъ, сыгралъ на руте и все продулъ, — отвѣ-
тилъ онъ съ напускною небрежностью и началъ напѣвать,
закинувъ ногу на ногу, точно такъ же какъ Черноглазовъ, —
подражалъ ему во всемъ:

Напьюсь свинья свиньею,
Пропью погоню съ кошелькомъ.

— Пыхачева дома не будетъ: онъ у Славянъ.

— Ну, такъ въ Житомиръ, въ театръ, тамъ одна въ хорѣ
есть недурненькая...

Сашѣ вспомнились афишки, которыя разбрасывали по
городу разрумяненные цирковыя наѣздицы: «въ семь ча-
совъ вечера будутъ пантомимы, игры гимнастическія и
балансеры». Театръ или циркъ — длинный дощатый сарай,
освѣщаемый вонючими плашками, съ деревянными скамь-
ями вмѣсто креселъ, и четырьмя жидами, игравшими на
скрипкахъ и цимбалахъ, вмѣсто оркестра. Но господа
офицеры охотно посѣщали театръ, потому что тамъ можно
было встрѣтить смазливыхъ уѣздныхъ панночекъ.

— Ну его къ чорту! Пойдемъ лучше къ Славянамъ,—
возразилъ Черноглазовъ.

— Какіе Славяне?—спросилъ, наконецъ, Саша, не вы-
державъ.

— Развѣ не знаешь? Объ этомъ знаютъ всѣ. Только это
большой секретъ...

— Какъ же такъ? Секретъ, а знаютъ всѣ?..

— Ну, да, отъ начальства секретъ, а товарищи знаютъ. Славяне—это заговорщики...

Саша приподнялся на одномъ локтѣ, и отъ любопытства глаза его сдѣлались круглыми.

— Заговорщики? Фармазоны, что ли?

— Не фармазоны, а Тайное Общество благонамѣренныхъ людей, поклявшихся улучшить жребій своего отечества,—произнесъ Миша, какъ по-писаному, и умолкъ таинственно.

— Да ну? Врешь?

— Зачѣмъ врать? Пойдемъ, увидишь самъ.

— Развѣ можно такъ? Меня никто не знаетъ.

— Ничего, представлю. Всѣ наши тамъ. Ужъ давно бы нужно и тебѣ по товариществу. Или боишься? Да, братъ, за это можетъ влетѣть. Мамахенъ-папахенъ что скажутъ?.. Ну, если боишься, не надо, Богъ съ тобою.

Саша покраснѣлъ, и слезы обиды заблестѣли на глазахъ его.

— Что ты, Миша, какъ тебѣ не стыдно? Развѣ я когда-нибудь отказывался отъ товарищества? Пойдемъ, разумѣется, пойдемъ!

Собраніе Славянъ и Южнаго Общества назначено было въ 7 часовъ вечера на квартирѣ артиллерійскаго подпоручика Андреевича 2-го. Мѣсто уединенное: хата на самомъ краю села, на высокомъ обрывѣ, надъ рѣчкою Гуйвою, въ сосновомъ лѣсу. Тутъ было заброшенное упіатское кладбище съ ветхою капицею. Хозяинъ, дьячокъ, отдавъ хату въ наемъ, самъ перешелъ жить въ баню на огородѣ, такъ что никого посторонняго не было въ хатѣ; даже денщика своего Андреевичъ услалъ въ Житомиръ. Приѣзжавшіе верхомъ изъ Лещинскаго лагеря заговорщики оставляли лошадей на селѣ и шли по лѣсу пѣшкомъ, въ одиночку, чтобы не внушить подозрѣній.

Все приняло новый заговорщицкій видъ, когда Саша съ Мишей подходили къ хатѣ Андреевича. Въ темнотѣ душнаго вечера, въ предгрозномъ молчаніи неба и земли, проноси-

лось иногда дуновеніе, слабое, какъ вздохъ, и верхушки сосенъ шушукали таинственно, а потомъ все вдругъ опять затихало, еще таинственнѣй.

Когда они вошли въ хату, знакомыя лица товарищей показались Сашѣ незнакомыми. «Такъ вотъ какіе бываютъ заговорщики», подумалъ онъ. И тусклыя сальныя свѣчи на длинномъ столѣ мерцали зловѣщимъ свѣтомъ, и бѣлыя стѣны какъ будто говорили: «будьте осторожны, и у стѣнъ есть уши»; и въ темныхъ окнахъ зарницы мигали, подмигивали, какъ будто заговорщики небесные дѣлали знаки земнымъ.

Засѣданіе еще не началось. Черноглазовъ представилъ Сашу Петру Ивановичу Борисову, Горбачевскому и майору Пензенскаго пѣхотнаго полка, Спиридову, только что избранному посреднику Славянъ и Южныхъ.

— Милости просимъ,—сказалъ Горбачевскій.—Въ какое же Общество угодно вамъ поступить, къ намъ или въ Южное?

Саша не зналъ, что отвѣтить.

— Въ Южное,—рѣшилъ за него Черноглазовъ.

— Вотъ прочтите, ознакомьтесь съ цѣлями Общества,—подалъ ему Горбачевскій тоненькую тетрадку въ синей обложкѣ, мелко исписанную четкимъ писарскимъ почеркомъ: *Государственный Заветъ*, краткое извлеченіе изъ Пестелевой *Русской Правды* для вновь поступающихъ въ Общество.

Саша сѣлъ за столъ и сталъ читать, но плохо понималъ, и было скучно. Никогда не думалъ о политикѣ; не зналъ хорошенько, что значить конституція, революція, республика. Но понялъ, когда прочелъ: «цѣль Общества—введеніе въ Россіи республиканскаго образа правленія посредствомъ военной революціи съ истребленіемъ особъ царствующаго дома».—«Да, за это можетъ влетѣть», подумалъ, и стало вдругъ весело — страшно и весело.

Притворяясь, что читаетъ,—прислушивался, приглядывался. Много начальства: ротные, бригадные, батальонные, полковые командиры. Отъ одного взгляда ихъ во фронтѣ зависѣла Сашина участь; каждый изъ нихъ могъ на него

кричать, оборвать, распечь, отдать подъ судъ: могъ тамъ, а здѣсь не могъ: здѣсь всѣ равны, какъ будто уже наступила республика; здѣсь все по-другому: старшіе сдѣлались младшими, младшіе—старшими; все по-другому, по-новому,—обратномъ видѣ, какъ въ той маленькой живой картинкѣ, которую солнечный лучъ рисоваль на стѣнѣ балагана: земля вверху, небо внизу. Голова кружится, но какъ хорошо, какъ страшно и весело! Не жаль, что отказался отъ картъ и тантомимъ съ балансерами.

— Ну, пойдѣмъ водку пить,—позвалъ его Черноглазовъ.

Подошли къ столику съ закусками.

— Всѣ благородно мыслящіе люди рѣшили свергнуть себя иго самовластія. Довольно уже страдали, стыдно долѣе униженіе,—говорилъ начальнически-жирнымъ басомъ полковникъ Ахтырскаго гусарскаго полка, Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ, апоплектического вида толстякъ, держа рюмку водки селедкой. Называлъ всѣхъ главныхъ виновниковъ, прибавляя черезъ каждыя два-три имени:

— Протоканалы!

И жирный басъ хрипѣлъ, жирный кадыкъ трясся, толстая шея наливалась кровью, точно такъ же какъ передъ фронтомъ, когда онъ, бывало, на гусаръ своихъ покрикивалъ: «Седьмой взводъ, протоканалы! Спячка на васъ напала? Ну, смотри, какъ бы я васъ не разбудилъ!»

Бранилъ всѣхъ, а пуще всѣхъ государя. Вдругъ скажетъ о немъ такое, что у Саша духъ захватило, и вспомнится ему, какъ тотъ же Артамонъ Захаровичъ на медни, на танцу у пана Поляновскаго, хвастая любовью русскихъ къ родинѣ и отечеству, повторилъ слова свои, сказанныя, будто передъ Бородинскимъ боемъ: «когда меня убьютъ, вы не смѣете вскрыть мою грудь и увидите на сердцѣ отпечатокъ главога орла съ шифромъ: А. П.» (Александръ Павловичъ). А теперь вотъ что! Это, впрочемъ, Сашу не удивило, какъ не удивляло то, что въ обратномъ ландшафтѣ люди глядятъ вверху ногами.

— Веденяпочка, моя лапочка, налей-ка мнѣ перцовочка—попросилъ Артамонъ Захаровичъ подпоручика Веле-

няпина, съ которымъ только что познакомился и уже бы на «ты».

Выпилъ, крякнулъ, закусилъ соленымъ рыжиномъ перешелъ нечувствительно отъ политики къ женщинамъ

— Намедни панна Ядвига Сигизмундовна сказывалъ въ Парижѣ, говорить, изобрѣли какія-то прозрачныя с рочки: какъ надѣнешь на себя да осмотришься, такъ в насквозь и виднехонько...

И, рассказавъ непристойный анекдотъ по этому поводъ засмѣялся такъ, что, казалось, тяжелая телѣга загрохота по булыжнику.

Черноглазовъ представилъ Сашу Артамону Захаровичу, и тотъ черезъ пять минутъ былъ съ нимъ тоже на «ты» похлопывалъ по плечу и угощалъ водкою.

— Какой ты молоденькій, а жизни своей не жалѣе за благо отечества! Эхъ, молодежь, молодежь, люблю, правъ Выпьемъ, Сашенька...

И полѣзъ цѣловаться. Отъ него пахло водкою, селедкой и оделавандомъ, которымъ онъ обильно душился; на рукахъ грязные ногти и перстни съ камнями, какъ будто фальшвыми; и во всей его наружности что-то фальшивое. Но Саша казалось, что такимъ и слѣдуетъ быть заговорщику.

— Ужасно мнѣ эта жирная скотина не нравится, произнесъ чей-то голосъ такъ громко, что Саша обернулся а Артамонъ Захаровичъ не слышалъ или сдѣлалъ видъ, ч не слышитъ.

Поручикъ Черниговскаго полка, членъ Южнаго Общества, Кузьминъ, Анастасій Дмитриевичъ, или, по-солдатски, Настасѣй Митричъ, или еще проще «Настасьюшка» весь былъ жесткій, шершавый, щетинистый, взъерошенны жесткіе черные волосы копною, усы торчкомъ, баки раструпаны, какъ будто сильный вѣтеръ поддуваетъ сзади; черны глаза раскосые, какъ будто свирѣпые,—настоящій «разбѣничекъ муромскій», какъ тоже называли его товарищи, улыбка добрая, и въ этой улыбкѣ — «Настасьюшка».

Рядомъ съ Кузьминымъ стоялъ молодой человекъ, странный, тонкій, съ блѣднымъ красивымъ лицомъ, напоминае

имъ лорда Байрона, подпоручикъ того же полка, Мазалева.

Когда Артамонъ Захаровичъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, и опять заговорилъ о политикѣ, Кузьминъ покосился а него свирѣпо и произнесъ еще громче:

— Фанфаронишка!

— Ну, полно, Настасѣй Митричъ,—унималъ его Мазалева и гладилъ по головѣ, какъ сердитаго пса.—Экій ы у меня дикобразъ какой! Ну, чего ты на людей кидаешься, азбойничекъ муромскій?

— Отстань, Мазилка! Терпѣть не могу фанфаронишекъ...

— А знаете, господа, Настасьюшка-то наша человѣка два не убила,—началъ Мазалева разсказывать, видимо, а рочно, чтобы отвлечь вниманіе и предупредить ссору.

Дѣло было такъ. Вообразивъ, что не сегодня-завтра—озстаніе, Кузьминъ собралъ свою роту и открылъ ей цѣль аговора. Солдаты, преданные ему, поклялись итти за нимъ, уда угодно; тогда, явившись на собраніе Общества, онъ бъявилъ, что рота его готова и ожидаетъ только приказа ія итти. «Когда же назначено возстаніе?» спрашивалъ нь. — «Этого никто не знаетъ, ты напрасно спѣшишь», твѣчали ему.—«Жаль, а я думалъ скорѣе начать: пустые олки ни къ чему не ведутъ. Впрочемъ, мои ребята молчатъ мѣютъ, а вотъ юнкеръ Богуславскій какъ бы не выдалъ: послалъ его въ Житомиръ предупредить нашихъ о революціи».—«Что ты надѣлалъ!—закричали всѣ.—Богуславскій дуракъ и болтунъ: все пересказываетъ дядѣ своему, ачальнику артиллеріи 3-го корпуса. Мы погибли!»—«Ну то жъ, развѣ поправить нельзя? Завтра же вы найдете его ертвѣмъ въ постели!» объявилъ Кузьминъ, взялъ шляпу выбѣжалъ изъ комнаты. Всѣ—за нимъ; догнали, схватили кое-какъ уломали не лишать жизни глупца, котораго егко увѣрить, что все это шутка.

— И убью! Пикни онъ только, убью!—проворчалъ Кузьминъ, когда Мазалева кончилъ разсказъ.

— Никого ты не убьешь, Настасьюшка, вѣдь ты у меня обрая...

— Ну васъ къ чорту!—продолжалъ Кузьминъ въ ярсти:—если не рѣшатъ и сегодня, когда возстаніе, возьмъ свою роту и пойду одинъ...

— Куда ты пойдешь?

— Въ Петербургъ, въ Москву, къ чортовой маткѣ, больше я ждать не могу!

Саша слушалъ, глядѣлъ, и сердце замирало въ немъ такъ, какъ въ дѣтствѣ, когда онъ натился стремглавъ въ салазкахъ съ ледяной горы, или когда снилось ему, что можно шалить, ломать вещи, бить стекла и ничего не бояться—все безнаказанно, все позволено.

— А откуда, господа, мы денегъ возьмемъ, чтобы войска продовольствовать? — спрашивалъ полковникъ Василій Карловичъ Тизенгаузенъ, щеголеватый, бѣлобрысый нѣмецъ съ такою вѣчною брезгливостью въ лицѣ, какъ отъ дурно запаха.

— Можно взять изъ полкового казначейства,—предложилъ кто-то.

— А погреба графини Браницкой на что?—крикнулъ Артамонъ Захаровичъ.—Вотъ гдѣ поживиться: 50 милліоновъ золотомъ, шутка сказать!

— Благородный совѣтъ,—поморщился Тизенгаузенъ съ брезгливостью:—начать грабежомъ и разбоемъ, хорошо будетъ конецъ. Нѣтъ, господа, это не мое дѣло: я до чужихъ денегъ не прикоснусь...

— Да ужъ знаемъ, небось: нѣмцы—честный народъ,—проворчалъ опять Кузьминъ.

— Да, честью клянусь,—продолжалъ Василій Карловичъ,—лучше послѣднюю рубашку съ тѣла сниму, женины юбки продамъ...

— Люди жизнью жертвуютъ, а онъ жениной юбкой! Тизенгаузенъ услышалъ и обидѣлся.

— Позвольте вамъ замѣтить, господинъ поручикъ, что ваше замѣчаніе неприлично...

— Что же дѣлать, господинъ подполковникъ, мы здѣсь не во фронтѣ, и мнѣ на ваши цирлихъ-манирлихъ плевать. А если вамъ угодно сатисфакцію...

— Да ну же, полно, Митричь...

Ихъ обступили и кое-какъ розняли. Но тотчасъ началась новая ссора. Рѣчь зашла о томъ, какъ готовить нижнихъ чиновъ къ возстанію.

— Этихъ дураковъ недолго готовить,—возразилъ капитанъ Пыхачевъ, командиръ 5-й конной роты:—выкачу бочку вина, вызову иѣсенниковъ впередъ и крикну: «ребята, за мной!»

— А я прикажу дать имъ сала въ кашницу, и пойдутъ куда угодно. Я русскаго солдата знаю,—усмѣхнулся Тизенгаузенъ съ брезгливостью.

— Да я бы свой полкъ, если бы онъ за мной не пошелъ, погналъ палками!—загрохоталъ Артамонъ Захарычъ, какъ тяжелая телѣга по булыжнику.

— Освободить народъ палкой—хороша демокрація,—воскликнулъ Горбачевскій. —Срамъ, господа, срамъ!

— Барчуки, аристократишки! — прошипѣлъ, блѣднѣя отъ злобы, поручикъ Сухиновъ, съ такимъ выраженіемъ въ болѣзненно-желчномъ лицѣ, какъ будто ему на мозоль наступили.—Вотъ мы съ кѣмъ соединяемся,—теперь, господа, видите...

И опять, какъ нѣкогда въ Васильковѣ, почувствовали всѣ неодолимую черту, раздѣляющую два Общества, въ самомъ сліяніи несліянныхъ, какъ масло и вода.

— Чего же мы ждемъ?—спросилъ Сухиновъ.—Назначено въ восемь, а теперь уже десятый.

— Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ должны пріѣхать,—отвѣтилъ Спиридовъ.

— Семеро одного не ждутъ,—возразилъ Сухиновъ.

— Что же дѣлать? Нельзя безъ нихъ.

— Ну, такъ разойдемся, и конецъ!

— Какъ же разойтись, ничего не рѣшивъ? И стоитъ ли изъ-за такой малости?

— Честь, сударь, не малость! Кому угодно лакейскую роль играть, пусть играетъ, а я не желаю, слышите...

— Идутъ, идутъ! — объявилъ Горбачевскій, выглянувъ въ окно.

На крыльцѣ слышались шаги, голоса, дверь отворилась, и въ хату вошли Сергѣй Муравьевъ, Бестужевъ, князь Голицынъ и другіе члены Южнаго Общества, прѣхавшіе изъ Лещинскаго лагеря.

Муравьевъ извинился: опоздалъ, потому что вызвали въ штабъ.

Усѣлись, одни—за столъ посреди горницы, другіе—по лавкамъ у стѣнъ; многимъ не хватило мѣста и пришлось стоять. Предсѣдателемъ выбрали майора Пензенскаго полка, Спиридова. У него было пріятное, спокойное и умное лицо съ двумя выраженіями: когда онъ говорилъ, казалось, что ни въ чемъ не сомнѣвается, а когда молчалъ въ глазахъ была лѣнь, слабость и нерѣшительность.

Въ краткихъ словахъ объяснивъ цѣль собранія — окончательное рѣшеніе вопроса о сліянніи двухъ Обществъ!—онъ предоставилъ слово Бестужеву.

Бестужевъ говорилъ неясно, спутанно, сбивчиво и растянута. Но въ томъ, какъ дрожалъ и звенѣлъ голосъ его, какъ онъ руками взмахивалъ, какъ блѣднѣло лицо, блестѣли глаза и подымался рыжій хохолъ на головѣ языкомъ огненнымъ, была сила убѣжденія неодолимая. Великій народный трибунъ, соблазнитель и очарователь толпы,—маленькій, слабенькій, легонькій, онъ уносился въ вихрѣ словъ, не зная самъ, куда унесется, на какую высоту подыметя, какъ перекати-поле въ степной грозѣ. «Восторгъ пигмея дѣлаетъ гигантомъ», вспомнилось Голицыну.

Нельзя было повторить сказаннаго Бестужевымъ, какъ нельзя передать словами музыку, но смыслъ былъ таковъ:

«Силы Южнаго Общества огромны. Уже Москва и Петербургъ готовы къ возстанію, а также 2-я армія и многіе полки 3-го и 4-го корпуса. Стоитъ лишь схватить минуту—и все готово встать. Управы Общества находятся въ Тульчинѣ, Васильковѣ, Каменкѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Варшавѣ, Москвѣ, Петербургѣ и во многихъ другихъ городахъ имперіи. Многочисленное Польское Общество, коего члены разсѣяны не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ Галиціи и въ воеводствѣ Познанскомъ, готовы раздѣлить съ русскими опас-

ность переворота и содѣйствовать оному всѣми своими силами. Русское Тайное общество находится также въ сношеніяхъ съ прочими политическими обществами Европы. Еще въ 1816 году наша конституція была возима княземъ Трубецкимъ въ чужіе края, показывана тамъ первѣйшимъ ученымъ и совершенно ими одобрена. Графу Полиньяку поручено увѣдомить французскихъ либераловъ, что преобразование Россіи скоро сбудется. Князь Волконскій, генераль Раевскій, генераль Орловъ, генераль Киселевъ, Юшневскій, Пестель, Давыдовъ и многіе другіе начальники корпусовъ, дивизій и полковъ состоятъ членами Общества. Всѣ сии благородные люди поклялись умереть за отечество», заключилъ ораторъ

Голицынъ зналъ, что никто никогда не возилъ конституцію въ чужіе края, что ни генераль Киселевъ, ни генераль Раевскій не участвуютъ въ Обществѣ, а Полиньяку до него такое же дѣло, какъ до прошлогодняго снѣга, и что почти все остальное, что говорилъ Бестужевъ о силѣ заговора—ложь. «Какъ можетъ онъ лгать такъ безсовѣстно?» удивлялся Голицынъ

— Слово принадлежитъ Горбачевскому,—объявилъ предсѣдатель.

— Мы, Соединенные Славяне, давъ клятву посвятить всю свою жизнь освобожденію славянскихъ племенъ, не можемъ нарушить сей клятвы,—началъ Горбачевскій.—А подчинивъ себя Южному Обществу, будемъ ли мы въ силахъ исполнить ее? Не почтетъ ли оно нашу цѣль маловажною и, для настоящаго блага жертвуя будущимъ, не запретитъ ли намъ имѣть сношенія съ прочими племенами славянскими? И таковы ли силы Южнаго Общества, какъ вы утверждаете?..

Все, что онъ говорилъ, было умно, честно, правдиво; но правда его послѣ лжи Бестужева рѣзала ухо, какъ скрежетъ гвоздя по стеклу послѣ музыки.

— Нѣтъ, Горбачевскій, вы ошибаетесь. Преобразование Россіи всѣмъ славянскимъ народамъ откроетъ путь къ вольности: Россія, освобожденная отъ тиранства, освобо-

дять Польшу, Богемію, Моравію, Сербію, Трансильванію и прочія земли славянскія; учредить въ оныхъ республики и соединить ихъ фѣдеральнымъ союзомъ,—заговорилъ Бестужевъ, и опять зазвучала музыка.—Да, цѣль у насъ одна, и силы наши вамъ принадлежать, подь условіемъ единственнымъ — подчиняться во всемъ Державной Думѣ Южнаго Общества,—прибавилъ онъ какъ бы вскользь.

— Какая Дума? Гдѣ она? Изъ кого состоитъ?—спрашивалъ Сухиновъ.

— Этого я не могу вамъ открыть, по правиламъ Общества, — возразилъ Бестужевъ. — Но вотъ, взглянуть не угодно ли?

Взялъ карандашъ и листъ бумаги, начертилъ кругъ, внутри его написалъ: *Державная Дума*, провелъ отъ него радіусы и на концахъ поставилъ кружки.

— Большой средній кругъ или центръ есть Державная Дума; линіи, отъ онаго проведенныя, суть посредники, а малые кружки—округи, которые сносятся съ Думою не прямо отъ себя а черезъ посредниковъ...

Всѣ столпились, слушали и глядѣли на чертежъ съ благоговѣніемъ, какъ на магическое знаменіе. Саша вытянулъ шею и широко раскрылъ глаза.

— Понимаете? — спросилъ Бестужевъ.

— Ничего не понимаю,—заговорилъ Сухиновъ опять съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто ему на мозоли наступили.—Къ чорту ваши іероглифы! Извольте же, наконецъ, объясниться, сударь, какъ слѣдуетъ! Намъ нужны доказательства...

— Не нужно, не нужно! Вѣримъ и такъ!—закричали всѣ.

— Вѣримъ! Вѣримъ!—крикнулъ Саша громче всѣхъ.— Зачѣмъ такое любопытство? Должно поставить себѣ счастье въ столь общепользномъ дѣлѣ участвовать...

На него оглянулись, и онъ покраснѣлъ.

— А вотъ о военной революціи, десятое дѣло, пожалуйста,—началъ Борисовъ неожиданно; онъ все время молчалъ, сидѣлъ, потупившись, точно ничего не видѣлъ и не слышалъ, покуривалъ трубочку да иногда ловилъ ночныхъ мотыль-

ковъ, летѣвшихъ на пламя свѣчи, и осторожно, такъ, чтобы не помять имъ крылышекъ, выпускалъ ихъ въ окно.—Вы о военной революціи говорили намеренно, Бестужевъ! А что значитъ военная революція, десятое дѣло, пожалуйста?

— Военная революція—значитъ возмущеніе начать отъ войскъ,—отвѣтилъ Бестужевъ,—а когда войска готовы, то уже ничего не стоитъ свергнуть какое угодно правительство. Мы имѣемъ въ виду двѣ революціи: одну — французскую, которая произведена была чернью со всѣми ужасами безначалія, а другую—испанскую, начатую обдуманно, силою военною, но оставившую власть короля. У насъ же все это будетъ лучше, потому что начнется съ того, что государь уничтожится...

— Когда одинъ государь уничтожится, будетъ другой,—замѣтилъ Горбачевскій.

— Другого не будетъ.

— Но по закону наслѣдія...

— Никакого наслѣдія: все сіе уничтожится,—махнулъ Бестужевъ рукою по столу

— Должно избѣгать одной капли пролитія человѣческой крови,—замѣтилъ полковникъ Тизенгаузенъ.

— Кровопротитія почти не будетъ,—успокоилъ Бестужевъ.

— Ну, зачѣмъ глупости, десятое дѣло, пожалуйста? Нѣтъ, будетъ кровь, кровь будетъ!—сказалъ Борисовъ и, поймавъ бабочку, выпустилъ ее въ окно такъ бережно, что не стяхнулъ пылинки съ крылышекъ.

— По вашимъ словамъ, Бестужевъ,—началъ опять Горбачевскій,—революція имѣетъ быть военная, и народъ устраненъ вовсе отъ участія въ оной. Какія же огражденія представите вы въ томъ, что одинъ изъ членовъ вашего правленія, избранный воинствомъ и поддержанный штыками, не похититъ самовластія?

— Какъ не стыдно вамъ?—воскликнулъ Бестужевъ.—Чтобы тѣ, кто для полученія свободы рѣшился умертвить своего государя, потерпѣли власть похитителей!..

— Господа, не угодно ли вернуться къ вопросу главному? Время позднее, а мы еще не рѣшили: принято ли соединеніе Обществъ?—напомнилъ Спиридовъ.—Голосовать прикажете?

— Не надо! Не надо! Принято!—закричали всѣ, и опять Саша громче всѣхъ.

— Господинъ секретарь,—обратился Спиридовъ къ молодому человѣку, тихому и скромному, въ потертомъ зеленомъ френчѣ, провіантскому чиновнику, Ильѣ Ивановичу Иванову, секретарю Славянъ,—запишите въ протоколъ за сѣданія: Общества соединяются.

Бестужевъ попросилъ слова и началъ торжественно:

— Господа! Верховная Дума предлагаетъ, и я имѣю честь сообщить вамъ сіе предложеніе: начать возстаніе съ будущаго 1826 года и ни подъ какимъ видомъ не откладывать онаго. Въ августѣ мѣсяцѣ государь будетъ производить смотръ 3-го корпуса, и тогда судьба самовластья рѣшится: тиранъ падетъ подъ нашими ударами, мы подыдемъ знамя свободы и пойдемъ на Москву, провозглашая конституцію. Благородство должно одушевлять каждого къ исполненію великаго подвига. Мы утвердимъ навѣки вольность и счастье Россіи. Слава избавителямъ въ позднѣйшемъ потомствѣ, вѣчная благодарность отечества!..

Обводя взоромъ лица слушателей, Голицынъ остановился невольно на Сашиномъ лицѣ; оно было прекрасно, какъ лицо дѣвочки, которая въ первый разъ въ жизни, не зная, что такое любовь, слушаетъ слова любви. «Не оправдана ли ложь Бестужева этимъ лицомъ?» подумалъ Голицынъ.

— Принимается ли, господа, предложеніе Верховной Думы?—спросилъ предсѣдатель.

— Принято! Принято!

— Не принимаю!—закричалъ Кузьминъ, ударяя кулакомъ по столу.

— Чего же вы хотите?

— Начинать немедленно!

— Ну, что вы, Кузьминъ, развѣ можно?

— Не спѣши, Настасьюшка: поспѣшишь, людей насмѣшишь,—унималъ его Мазалевскій.

— Что же вы за душу тянете, чортъ бы васъ всѣхъ побралъ! Лови Петра съ утра, а какъ ободняетъ, такъ прово- няетъ! Голубчики, братцы, миленькіе, назначьте день, ради Христа, назначьте день возстанія!—кричалъ Кузь- минъ, и глаза у него сдѣлались, какъ у сумасшедшаго.

— День, часъ и минуту по хронометру!—разсмѣялся полковникъ Тизенгаузенъ.

Но остальнымъ было не до смѣху. Сумасшествіе Кузь- мины заразило всѣхъ. Какъ будто вихрь налетѣлъ на со- браніе. Повскакали, заговорили, закричали. Поднялся такой шумъ, что предсѣдатель звонилъ, звонилъ и, наконецъ, усталъ,—бросилъ. Въ общемъ крикѣ слышались только отдѣльные возгласы.

— Правду говоритъ Кузьминъ!

— Начинать, такъ начинать!

— Куй желѣзо, пока горячо!

— Въ отлагательствѣ наша гибель!

— Лишь бы добраться до батальона, а тамъ живого не возьмутъ!

— Умремъ на штыкахъ!

— Взбунтовать весь полкъ, всю дивизію!

— Арестовать генерала Толя и Рота!

— Овладѣть квартирою корпусной!

— На Житомиръ!

— На Кіевъ!

— На Петербургъ!

— 8-я рота начнетъ!

— Нѣтъ, никому не позволю! Я начну, я!

— Десять пуль въ лобъ тому, кто не пристанетъ къ общему дѣлу!—кричалъ маленькій, пухленькій, круглень- кій, съ лицомъ вербнаго херувима, прапорщикъ Бесчастный.

— Довольно бы и одной,—усмѣхнулся Мазалевскій.

— Клянусь купить свободу кровью! Клянусь купить свободу кровью!—покрывая всѣ голоса, однообразно гу- дѣлъ, какъ дьяконъ на амвонѣ, Артамонъ Захаровичъ; потомъ вдругъ остановился, взмахнулъ обѣими руками въ воздухѣ и ударилъ себя по толстому брюху.

— Да что, господа,—угодно, сейчас поклянусь на Евангелии: завтра же поѣду въ Таганрогъ и нѣнесу ударъ?

— Слушайте, слушайте, Сергѣй Муравьевъ говоритъ!

Онъ почти никогда не говорилъ на собраніяхъ, и это такъ удивило всѣхъ, что крики тотчасъ же смолкли.

— Господа, завтра мы не начнемъ, — заговорилъ Муравьевъ спокойнымъ голосомъ:—начинать завтра—значить погубить все дѣло. Говорятъ, солдаты готовы; но пусть каждый изъ насъ спроситъ себя, готовъ ли онъ самъ; ибо многіе исподволь кажутся рѣшительными, а когда настанетъ время дѣйствовать, то куда дѣнется духъ? Ежели слова мои обидны, простите меня, но, идучи на смерть, надо сохранять достоинство, а то, что мы сейчасъ дѣлаемъ, недостойно разумныхъ людей... Да, завтра мы не начнемъ; но вотъ что мы можемъ сдѣлать завтра же: дать клятву при первомъ знакѣ явиться съ оружіемъ въ рукахъ. Согласны ли вы?

Онъ умолкъ, и сдѣлалось такъ тихо, что слышно было, какъ за темными окнами верхушки сосенъ шепчутся. Все, что казалось легкимъ, когда говорили, кричали,—теперь, въ молчаніи, отяжелѣло грозною тяжестью. Какъ будто только теперь всѣ поняли, что слова *будутъ* дѣлами, и за каждое слово дастся отвѣтъ.

Предсѣдатель спросилъ, принято или отвергнуто предложеніе Муравьева.

— Принято! Принято!—отвѣтили немногіе, но по лицамъ видно было, что приняли всѣ.

Рѣшивъ, когда и гдѣ сойтись въ послѣдній разъ, чтобы дать клятву,—завтра въ томъ же мѣстѣ, въ хатѣ Андреевича,—стали расходиться.

— Какъ хорошо, Господи, какъ хорошо! А я и не зналъ... вѣдь, вотъ живешь такъ, и не знаешь,—говорилъ Саша; лица его не видно было въ темнотѣ, но слышно по голосу, что улыбается; должно-быть, самъ не понималъ, что говорить,—какъ во снѣ бредилъ.

Надъ свѣтлымъ кругомъ, падавшимъ отъ фонаря на лѣсную дорожку съ хвойными иглами, нависала чернота черная, какъ сажа въ печи; а зарницы мигали, подмигива-

ли, какъ будто небесныя заговорщики дѣлали знаки земнымъ; и въ мгновенномъ блескѣ видно было все, какъ днемъ: бѣлыя хатки Млиницъ на одномъ концѣ просѣки, а на другомъ—внизу, подъ обрывомъ, за излучистой Гуйвою, бѣлыя палатки лагеря, далекіе луга, холмы, рощи и низко ползущія по небу тяжкія, грозныя тучи. Свѣтъ потухалъ—и еще чернѣе черная тьма. И страшны, и чудны были эти мгновенныя прозрѣнья, какъ у исцѣляемаго слѣпорожденнаго.

Впереди Голицына разговаривали, идучи рядомъ съ Сашею, такіе же молоденькіе, какъ онъ, подпоручики и прапорщики 8-ой артиллерійской бригады, только что поступившіе въ Общество. Голоса то приближались, то удалялись, такъ что слышались только отдѣльныя фразы, и казалось, что всѣ они тоже не знаютъ, что говорятъ, бредятъ, какъ сонные, и въ темнотѣ улыбаются

— Цѣль Общества—доставить одинакія преимущества для всѣхъ людей вообще, тѣ самыя, что назначилъ Всевышній Творецъ для рода человѣческаго.

— Не творецъ, а натура.

— Только то правленіе благополучно, въ которомъ соблюдены всѣ права человѣчества.

— Республиканское правленіе—самое благополучное

— Когда въ Россіи будетъ республика, все процвѣтетъ—науки, искусства, торговля, промышленность.

— Переменится весь существующій порядокъ вещей.

— Все будетъ по-новому...

Спустившись съ обрыва на большую дорогу, гдѣ ждали ихъ денщики съ лошадьми, —Сергѣй Муравьевъ, Бестужевъ и Голицынъ поѣхали въ Лещинскій лагерь.

Бестужевъ молчалъ. Какъ это часто съ нимъ бывало послѣ вдохновенья, онъ вдругъ усталъ, потухъ; свѣтлякъ—днемъ: вмѣсто волшебнаго пламени, червячокъ сѣренькій. Муравьевъ тоже молчалъ. Голицынъ взглянулъ на лицо его при свѣтѣ зарницы, и опять поразило его то беззащитное обреченное, что замѣтилъ онъ въ этомъ лицѣ еще при первомъ свиданіи: въ лютой морозъ на снѣжномъ полѣ—зеленая вѣтка весенняя.

А Саша въ ту ночь долго не могъ заснуть, все думалъ о завтрашнемъ, а когда заснулъ, — увидѣлъ свой самый счастливый сонъ: золотыхъ рыбокъ въ стеклянной круглой вазѣ, наполненной свѣтлой водою; рыбки смотрѣли на него, какъ будто хотѣли сказать: «а ты и не зналъ, что все по-новому?» Проснулся, счастливый, и весь день былъ счастливъ.

Собраніе назначили въ самый глухой часъ ночи, передъ разсвѣтомъ, потому что замѣтили, что за ними слѣдятъ. Ночь опять была черная, душная, но уже не зарницы блестяли, а молніи съ тихимъ, точно подземнымъ, ворчаньемъ далекаго грома, и сосны подъ внезапно налетавшимъ вѣтромъ гудѣли протяжнымъ гуломъ, какъ волны прибоя; а потомъ наступала вдругъ тишина бездыханная, и странно, и жутко перекликались въ ней пѣтухи предразсвѣтные.

Когда Саша, войдя въ хату Андреевича, взглянулъ на лица заговорщиковъ, ему показалось, что всѣ такъ же счастливы, какъ онъ. Хата прибрана, полъ выметенъ, скамьи и стекла на окнахъ вымыты; столъ накрытъ чистою бѣлою скатертью; на столѣ не сальныя, а восковыя свѣчи, въ ярко вычищенныхъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, старинное масонское Евангеліе въ переплетѣ малиноваго бархата и обнаженная шпага: когда-то Славяне клялись на шпагѣ и Евангеліи; Андреевичъ не зналъ, какъ будетъ сегодня, и на всякій случай приготовилъ.

На майорѣ Спиридовѣ былъ парадный мундиръ съ орденами, а на секретарѣ Ивановѣ—новый круглый темно-вишневый фракъ съ бѣлымъ кисейнымъ галстукомъ. Отъ вербнаго херувима, Бесчастнаго, пахло бердичевскимъ «Парижскимъ ландышемъ». У Кузьмина волосы, по обыкновенію, торчали копною, но видно было, что онъ ихъ пытался пригладить. «Милая Настасьюшка, ежикъ причесанный!» подумалъ Саша съ нѣжностью.

Говорили вполголоса, какъ въ церкви передъ обѣднею; двигались медленно и неловко-застѣнчиво, старались не смотрѣть другъ другу въ глаза; стыдились чего-то, не знали, что надо дѣлать. И на лицахъ была тихая торжественность, какъ у дѣтей въ большіе праздники. Черта, раздѣляющая

два Общества, сгладилась, какъ будто всѣхъ соединилъ какой-то новый заговоръ, болѣе страшный и таинственный.

Всѣ были въ сборѣ. Только Артамонъ Захаровичъ да капитанъ Пыхачевъ не пришли. А полковникъ Тизенгаузенъ пришелъ, но объявилъ, что клясться не будетъ.

— Никакой клятвы не нужно: если необходимо начать, я начну и безъ клятвы: въ Евангеліи сказано: не клянитесь вовсе...

Ему не возражали, а только попросили уйти.

— Я никому, господа, мѣшать не намѣренъ. Сдѣлайте одолженіе...

Это значило: «если вамъ угодно валять дураковъ,— валяйте!»

— Уходите, уходите!—повторилъ Сухиновъ тихо, но такъ рѣшительно, что тотъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, хотѣлъ что-то сказать, но только пожалъ плечами, усмѣхнулся презрливо, всталъ и вышелъ.

Сергѣй Муравьевъ сидѣлъ, опустивъ голову на руку и закрывъ глаза. Когда Тизенгаузенъ ушелъ, онъ вдругъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на Голицына молча, какъ будто спрашивалъ: «хорошо ли все это?»—«Хорошо», отвѣтилъ Голицынъ, тоже молча, взглядомъ.

Бестужевъ что-то писалъ на листкахъ, грызъ ногти, хмурился, ерошилъ волосы: должно-быть, къ рѣчи готовился.

— Ну, что жъ, господа, начинать пора?—сказалъ кто-то.

Бестужевъ перебралъ листки свои въ послѣдній разъ, всталъ и началъ:

— Вѣкъ славы военной съ Наполеономъ кончился; теперь настало время освобожденія народовъ. И неужели, русскіе, ознаменовавшіе себя столь блистательными подвигами къ войнѣ отечественной,—русскіе, исторгшіе Европу изъ-подъ ига Наполеонова, не свергнуть собственнаго ига и не отличать себя благородной ревностью, когда дѣло пойдетъ о спасеніи отечества, счастливое преобразование коего...

«Не то, не то!» чувствовалъ онъ и, не глядя на лица слушателей, зналъ, что и они это чувствуютъ. Стыдно, страшно: неужели Тизенгаузенъ правъ?

Вдругъ забылъ, что хотѣлъ сказать,—остановился и продолжалъ читать по бумажкѣ:

— Взгляните на народъ, какъ онъ угнетенъ; торговля упала, промышленности нѣтъ, бѣдность до того доходитъ, что нечѣмъ платить не только подати, но даже недоимки; войско ропщетъ. При сихъ обстоятельствахъ, нетрудно было нашему Обществу прійти въ состояніе грозное и могущественное. Скоро восприметъ оно свои дѣйствія, освободитъ Россію и, быть-можетъ, цѣлую Европу. Порывы всѣхъ народовъ удерживаетъ русская армія; коль скоро она провозгласитъ свободу, всѣ народы подымутся...

«Не то, не то!» Робѣлъ, глупѣлъ, проваливался, какъ плохой актеръ на сценѣ или ученикъ на экзаменѣ. Бросилъ бумажку, взмахнулъ руками, какъ утопающій, и воскликнулъ:

— На будущій годъ всему конецъ! Самовластье падетъ, Россія избавится отъ рабства, и Богъ намъ поможетъ...

«Богъ намъ поможетъ»,—сказалъ нечаянно, почти бессознательно,—но когда сказалъ, почувствовалъ, что это *то самое*.

— Богъ намъ поможетъ! Поможетъ Богъ!—повторили всѣ и сразу встали, какъ будто вдругъ поняли, что надо дѣлать.

И Бестужевъ понялъ. Разстегнулъ мундиръ и началъ снимать съ шеи образъ. Руки его такъ тряслись, что онъ долго не могъ справиться. Стоявшій рядомъ секретарь Ивановъ помогъ ему.

Бестужевъ взглянулъ на темный ликъ въ золотомъ окладѣ, ликъ Всѣхъ Скорбящихъ Матери. И вспомнилось ему лицо его старушки-матери; вспомнилось, какъ она звала его къ себѣ умирая. Что-то подступило къ горлу его, и онъ долго не могъ говорить; наконецъ произнесъ:

— Клянусь... Господи, Господи... клянусь умереть за свободу...

Хотѣлъ еще что-то сказать:

— Россія Матерь... Всѣхъ Скорбящихъ Матерь!..—началъ и не кончилъ, заплакалъ, перекрестился, поцѣловалъ

образъ и передалъ его Иванову. Образъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и всѣ клялись.

Многіе приготовили клятвы, но въ послѣднюю минуту забыли ихъ; такъ же, какъ Бестужевъ, начинали и не кончали, бормотали невнятно, косноязычно.

— Клянусь любить отечество паче всего!

— Клянусь вспомоществовать вамъ, друзья мои, отъ этой святой для меня минуты!

— Клянусь быть всегда добродѣтельнымъ!—пролепеталъ Саша съ рыданіемъ.

— Клянусь, свобода или смерть!—сказалъ Кузьминъ, и по лицу его видно было, что, какъ онъ сказалъ, такъ и будетъ.

А когда очередь дошла до Борисова, что-то промелькнуло въ лицѣ его, что напомнило Голицыну разговоръ ихъ въ Васильковской пасѣнкѣ: «скажешь—и все пропадетъ». Не крестясь и не цѣлуя образа, онъ передалъ его сосѣду, взялъ со стола обнаженную шпагу, поцѣловалъ ее и произнесъ клятву Славянъ:

— Клянусь посвятить послѣдній вздохъ свободѣ! Если же нарушу клятву, то оружіе сіе да обратится остреемъ въ сердце мое!

— Сохрани, спаси, помилуй, Матерь Пречистая!— повторилъ Голицынъ слова умирающей Софьи.

— Да будетъ единъ Царь на небеси и на земли—Иисусъ Христосъ!—проговорилъ Сергѣй Муравьевъ слова *Катизиса*.

Клятвы смѣшивали съ возгласами:

— Да здравствуетъ конституція!

— Да здравствуетъ республика!

— Да погибнетъ различіе сословій!

— Да погибнетъ тираны!

И всѣ эти возгласы кончались однимъ:

— Умереть, умереть за свободу!

— Зачѣмъ умирать?—воскликнулъ Бестужевъ, забывъ, что только что самъ клялся умереть.—Отечество всегда признательно: оно щедро награждаетъ вѣрныхъ сыновъ

своихъ. Вы еще молоды; наградою вашею будетъ не смерть, а счастье и слава...

— Не надо! Не надо!

— Говоря о наградахъ, вы оскорбляете насъ!

— Не для наградъ, не для славы хотимъ освободить Россію.

— Сражаться до послѣдней капли крови,—вотъ наша награда!

И обнимались, цѣловались, плакали.

— Скоро будемъ счастливы! Скоро будемъ счастливы!— бредилъ Саша.

Такая радость была въ душѣ Голицына, какъ будто все уже исполнилось—исполнилось пророчество:

— Да будетъ одинъ Царь на землѣ и на небѣ—Иисусъ Христось.

Часть шестая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

— Будеть вамъ шишъ подь носъ! — воскликнулъ о. протопопъ, накладывая себѣ на тарелку кусокъ кулебяки съ вязигою.

— Не слушайте его, господа: онъ всегда, какъ лишнее выпьетъ, въ меланхоліи бываетъ, — возразилъ полицеймейстеръ, отставной гусаръ Абсентовъ.

— Врешь, — продолжалъ о. протопопъ, — меланхоліи я не подверженъ, а отъ водки пророческій духъ въ себѣ имѣю и все могу предсказывать. Вотъ помяните слово мое: будетъ вамъ шишъ подь носъ!

— Заладила сорока Якова... что это, право, отецъ Алексѣй? Даже обидно: мы самага лучшаго надѣемся, а вы намъ шишъ подь носъ, — вступился хозяинъ, городничій Дунаевъ.

Жена его была именинница. На именинную кулебяку собрались таганрогскіе чиновники и толковали о предстоящихъ наградахъ, по случаю пріѣзда государева.

— За здравіе его императорскаго величества! — провозгласилъ хозяинъ, вставая, торжественно.

— Ура! Ура!

Пили сантуринское, пили цимлянское и такъ нагрузились, что городничій затянулъ было свою любимую пѣсенку:

Тщетны Россамъ всѣ препоны,
Храбрость есть побѣдъ залогъ..

и свель нечаянно на «барыню-сударыню». Тутъ гости окружили хозяина, подняли его на руки и стали качать. А о.

протопопъ, несмотря на почтенную наружность и бѣлую бороду, собрался плясать, уже поднялъ рясу, но споткнулся, упалъ на колѣни къ полицеймейстеру и сталъ цѣловать его съ нѣжностью.

— Васенька, а Васенька, почему тебя Абсентовымъ звать? Absens по-латыни речется *отсутствующій*: у насъ-де въ городѣ столь нарочитый порядокъ, что полицеймейстеръ якобы отсутствующій, такъ, что ли, а?..

Но языкъ у него заплелся; онъ обвелъ всѣхъ мутнымъ взоромъ и воскликнулъ опять съ такимъ зловѣщимъ видомъ, что стало жутко:

— А все-таки будетъ вамъ шишъ подъ носъ!

«Почтеннѣйшій братецъ, — писалъ въ эти дни предсѣдатель таганрогскаго коммерческаго суда, Ѳедоръ Романовичъ Мартосъ: — государь изволилъ къ намъ пожаловать 13 числа сего сентября. Рѣдкій день проходить, чтобы не было приказанія быть въ башмакахъ и подъ пудрою, отъ чего я такъ усталъ, что едва держусь на ногахъ. Говорятъ, его величеству въ Таганрогѣ все очень нравится, и онъ располагаетъ пробыть здѣсь всю зиму, а можетъ-быть, и долѣе. Учреждена экстра-почта; фонари поставлены по Московской и Греческой, 63 фонаря — настоящая иллюминація. Вчерашняго дня пріѣхалъ генералъ Клейнмихель, а скоро будетъ и графъ Аракчеевъ. Что изъ всего этого выйдетъ, единому Богу извѣстно. Однако столь неожиданное посѣщеніе высокихъ особъ всѣхъ насъ куражить».

Мартосовъ домъ былъ окнами въ окна съ домомъ бывшаго городничаго Папкова, на Московской улицѣ, рядомъ съ Крѣпостною площадью, гдѣ жилъ государь. Хотя Ѳедоръ Романовичъ запретилъ домашнимъ выглядывать въ окна, но Ульяна Андреевна, госпожа Мартосова, была такъ любопытна, что не могла утерпѣть, взбиралась на чердакъ, къ слуховому окну, и поглядывала въ подозрную трубку. По случаю теплой погоды, окна дворца открыты были настежь, и можно было видѣть, что дѣлается тамъ. Государь хлопоталъ, устраивая императрицыны комнаты. Самъ откупоривалъ ящики съ посудой, вынималъ фарфоръ и хрусталь изъ

соломы, чтобы не разбилось что, не попортилось; разставлялъ мебель: велитъ поставить и отойдетъ, посмотритъ, хорошо ли, уютно ли; самъ гвозди вбивалъ для зеркаль и картинъ, шторы навѣшивалъ.

— Взлѣзеть, бывало, на лѣсенку, гвозди держать въ зубкахъ, да молоточкомъ въ стѣну тукъ-тукъ, какъ простой обойщикъ, — рассказывала впоследствии Уляна Андреевна:—и такое у него личико доброе, такое ласковое, что я безъ слезъ глядѣть не могла. Сущій ангелъ!

— Мы его иначе не называли, какъ ангеломъ, — вспоминали другіе таганрогскіе жители: — аккуратно, отъ семи до девяти утра, ходилъ пѣшкомъ по городу, въ лейбъ-гусарскомъ сюртукѣ, гусарскихъ сапогахъ и походной фуражкѣ, а въ первомъ часу изволилъ ѣздить верхомъ въ кавалергардскомъ мундирѣ и шляпѣ съ плюмажемъ, и рѣдко прогулка сія не была ознаменована какою-нибудь помощью бѣдному семейству, имъ самимъ отысканному, или какимъ-нибудь инымъ благодѣяніемъ; только о томъ и думалъ, какъ бы сдѣлать добро кому, обласкать да обрадовать.

Вспоминали и о томъ, какъ, во время этихъ прогулокъ, государь любилъ вступать въ бесѣду съ простыми людьми — солдатами, матросами, крестьянами и даже съ тѣми нищими странниками, что ходятъ по большимъ дорогамъ, на построение церковей собираютъ. Особенно одинъ изъ нихъ понравился ему, и онъ долго съ нимъ наединѣ бесѣдовалъ; бродяга бездомный, безпаспортный, родства не помнящій, по имени Федоръ Кузьмичъ.

Таганрогъ — уѣздный городъ на берегу Азовскаго моря; на западѣ — Міусскій лиманъ, на востокѣ — Донецкое гирло. Городъ — на мысу, съ трехъ сторонъ — море, и въ концѣ почти каждой улицы оно голубѣетъ, зеленѣетъ, какъ стекло бутылки, мутнопыльное.

Невеселый городишка: пустыри-площади, товарные склады, пакгаузы и разсыпанные, какъ шашечки, низенькіе точно приплюснутые, домики съ облупленною штукатуркою и вѣчно закрытыми ставнями; а кругомъ степь — тридцать лѣтъ скачи, никуда не доскачешь.

Но государю все это нравилось, какъ въ томъ счастли-
вомъ снѣ, который снился ему въ началѣ путешествія: та
же осень весенняя; та же комета, его неразлучная спутница,
сіявшая каждую ночь, здѣсь, на ясномъ небѣ юга, еще
лучезарнѣе; и въ ея паденіи стремительномъ — тотъ же зовъ
таинственный, надежда безконечная

23 сентября онъ выѣхалъ встрѣчать императрицу Елиза-
вету Алексѣевну на первую отъ Таганрога почтовую стан-
цію — Коровій-Бродъ, пересѣлъ къ ней въ дормезъ и при-
былъ въ городъ въ 7 часовъ вечера. Отслушавъ молебенъ въ
Греческой церкви, ихъ величество отбыли во дворець.

Дворецъ — простенькій, каменный, съ желтымъ фасадомъ
и зеленою крышею, одноэтажный, напоминавшій подгород-
ную усадьбу средней руки помѣщика. Изъ оконъ, выходя-
щихъ на дворъ и садикъ, видно море, а изъ тѣхъ, что на
улицу,—пустынная площадь и земляные валы старой Пе-
тровской крѣпости.

Домъ раздѣлялся на двѣ половины большимъ сквознымъ
заломъ — приѣмною или столовою. Направо — покои госу-
даревы, двѣ комнатки; одна, побольше, угловая — кабинетъ-
спальня; другая, маленькая, полукруглая, въ одно окно, —
уборная; за нею — темный коридоръ-закута для камердинера
и лѣсенка внизъ, въ подвальную гардеробную. Налѣво —
покои императрицыны—восемь комнатокъ, тоже маленькихъ,
но немного получше убранныхъ. Вездѣ потолки низенькіе,
небольшія окошечки и огромныя печи изразцовыя, какъ въ
домахъ купеческихъ.

— Вамъ нравится, Lise, въ самомъ дѣлѣ, нравится? —
спрашивалъ государь, показывая комнаты: — я вѣдь все
это самъ устраивалъ и такъ боялся, что вамъ не понра-
вится...

— Какъ хорошо, Господи, какъ хорошо! — восхищалась
она. — А эта спальня — точь въ точь маменькина красная
комната...

По каждой мелочи видѣла, какъ онъ заботился о ней:
вотъ любимый диванъ ея изъ кабинета царскосельскаго;
на стѣнѣ старинные ландшафты родимыхъ холмовъ Карлс-

руйскихъ и Баденскихъ, — она уже давно хотѣла ихъ выписать; а на полочкѣ — книги: Мемуары Жанлисъ, Вальтеръ-Скоттъ, Пушкинъ, — тѣ самыя, которыя она собиралась читать.

— А вотъ и онъ, оны! Гдѣ вы его отыскали? Я думала, совсѣмъ пропаль, — засмѣялась она и захопала въ ладоши, какъ маленькая дѣвочка.

Это былъ пастушокъ фарфоровый — столовые часики, незапамятно-давнiе, дѣтскiе, — подарокъ матери; лѣтъ тридцать назадъ ручка у него сломалась; вотъ и теперь сломана, а часики все тикають, да тикають.

— Какъ хорошо, Господи, какъ хорошо! — повторяла, опускаясь на диванъ и закрывая глаза съ блаженной улыбкой.

Къ тишинѣ прислушалась:

— А это что?

— Море: въ гавани мелко, а дальше глубоко, и тамъ настоящій прибой. Вотъ увидите, какъ хорошо спится подъ этотъ шумъ.

Онъ сидѣлъ рядомъ съ нею и цѣловалъ ея руки.

— Ну, вотъ мы и вмѣстѣ, мой другъ, вмѣстѣ одни, какъ я обѣщаль вамъ, помните?

— Не говорите, не надо...

— Отчего не надо?

Не отвѣтила, по онъ понялъ, что она еще боится, не вѣрить счастьемъ своему.

Въ ту ночь уснула такъ сладко, какъ не спала уже многiе годы; только отъ тишины просыпалась — и засыпала опять еще слаще, убаюканная шумомъ волнъ, какъ колыбельною пѣсенкой.

Такъ была больна при выѣздѣ изъ Царскаго, что доѣхать живой не надѣялась, а тутъ, съ первыхъ же дней по приѣздѣ, стала вдругъ оживать, расцвѣтать, и доктора глазамъ своимъ не вѣрили, глядя на это исцѣленiе чудесное.

Несмотря на конецъ октября, погода стояла почти лѣтняя: тихiе, теплые дни, тихiя, звѣздныя ночи. Когда она вдыхала воздухъ, пахнущiй моремъ и степью, каждое дыханiе было

радостью. Но не солнце, не воздухъ были главною причиною исцѣленія, а то, что онъ былъ съ нею, и такой спокойный, счастливый, какимъ она уже давно его не видѣла.

Не отходилъ отъ нея; казалось, ни о чемъ не думалъ, кромѣ нея, какъ будто, послѣ тридцати лѣтъ супружества, наступилъ для нихъ медовый мѣсяцъ. Ухаживалъ за нею, разъ десять на дню спрашивалъ: «хорошо ли вамъ? не надо ли чего-нибудь еще?» Угадывалъ ея желанія, прежде чѣмъ она успѣвала ихъ высказать.

Гуляя съ нимъ въ городскомъ саду, жалѣла, что моря не видно, а на слѣдующее утро онъ привелъ ее на то же мѣсто и показалъ видъ на море: ночью велѣлъ сдѣлать дорожку. Другое мѣсто, за городомъ, близъ карантина, тоже на берегу моря, понравилось ей, и онъ тотчасъ приказалъ поставить тамъ скамейку, самъ нарисовалъ планъ сада и выписалъ изъ Ропши ученаго садовника.

Никогда никто изъ придворныхъ не сопровождалъ ихъ въ этихъ уединенныхъ прогулкахъ, и если даже видѣли случайно издали, то спѣшилъ отвернуться, не кланяясь, чтобы не помѣшать «молодымъ супругамъ».

Однажды, сидѣли они на той новой скамейкѣ, близъ карантина. Вечеръ былъ ясный. Солнце зашло, и въ золотисто-розовомъ небѣ плылъ, какъ тающая льдинка, тонкій серпъ новорожденного мѣсяца. Внизу шумѣлъ прибой разбивались волны мутно-зеленыя, и чайки носились надъ ними съ жалобными криками. Съ обрыва вела тропинка къ морю; иногда они спускались по ней и собирали на пескѣ ракушки. Берегъ былъ высокій; море разстилалось безконечное. Передъ ними — море, за ними — степь, и между этими двумя пустынями, здѣсь, на краю свѣта, — они, какъ будто въ цѣломъ мірѣ, одни.

— Какъ вамъ къ лицу этотъ розовый жемчугъ, Lise, — сказалъ государь.

На ней было ожерелье изъ розоваго жемчуга, давнишній подарокъ персидскаго шаха. Много лѣтъ не надѣвала его для чего же надѣла теперь? Ужъ не для того ли, чтобъ ему понравиться? Неужели повѣрила въ медовый мѣсяцъ, старая

больная, полумертвая? Подумала объ этомъ и застыдилась, покраснѣла.

— Вечеромъ розовый жемчугъ еще розовѣе, прекраснѣе; онъ похожъ на васъ, — сказалъ государь, посмотрѣвъ на нее съ улыбкою; помолчалъ и прибавилъ: — А знаете, какъ называютъ насъ господа свитскіе?

— Какъ?

— Молодыми супругами.

Ничего не отвѣтила, покраснѣла еще больше: въ самомъ дѣлѣ, въ блѣдно-розовѣющемъ лицѣ ея была послѣдняя прелесть, подобная вечернему отливу розовой жемчужины.

— Видите, смѣются надъ нами, — наконецъ проговорила она. — Это все вы: слишкомъ балуете меня; берегитесь, избалуете такъ, что потомъ сами рады не будете...

— Когда потомъ?

— А вотъ, когда уѣдете.

— Не думайте объ этомъ, Lise!

— Не могу не думать. Мнѣ надо приготовиться заранѣе, какъ больные къ операціи готовятся... Я давно хотѣла спросить васъ: когда ѣдете?

— Не знаю. Говорю всѣмъ, къ новому году, а самъ не вѣрю. Кажется, никогда. Вотъ выйду въ отставку, куплю тотъ уголокъ въ Крыму, у моря, Ореанду, и поселимся тамъ навсегда...

Посмотрѣла на него молча, и въ широко раскрытыхъ глазахъ ея засіяла безумная радость, но тотчасъ потухла: знакомый страхъ—страхъ счастья напалъ на нее, подобный страху смертному. «Когда я счастлива, мнѣ стыдно и страшно, какъ будто я взяла чужое, украли и знаю, что буду наказана», вспомнилось ей то, что писала въ дневникъ свосмъ.

— Не говорите, не надо, не надо! — сказала такъ же, какъ тогда, въ первый день свиданья, и онъ такъ же спросилъ:

— Отчего не надо? Отчего вы боитесь, не вѣрите, Lise? О, если бы я могъ сказать! Да вотъ не могу... Надо было тридцать лѣтъ назадъ. А я только теперь... Но какъ же вы сами не видите? Не видите? Не понимаете?..

Молчала, а сердце падало отъ страха счастья — страха смертнаго.

Одной рукой онъ держалъ ея руку, другой обнималъ ея станъ:

Амуру вздумалось Психею
Рѣзвися, поимать....

— О, Lise, Lise, какъ я былъ глупъ всю жизнь! Точно спалъ и видѣлъ во снѣ, что люблю ея, но не зналъ, кто она... И вотъ только теперь узналъ...

Здѣсь все — мечта и сонъ, но будетъ пробужденье;
Тебя узналъ я здѣсь въ прелестномъ сновидѣннѣ, —
Узнаю наяву...

— Не надо, не надо, — закрыла лицо руками, заплакала; слезы лились, неудержимыя, неутолимыя, безконечно-горькія, безконечно-сладкія, слезы любви, которыхъ за всю свою жизнь не успѣла выплакать.

Онъ опустился передъ ней на колѣни, тоже заплакалъ и зашепталъ, какъ первое признаніе любви — шестнадцатилѣтній мальчикъ четырнадцатилѣтней дѣвчкѣ.

— Люблю, люблю!..

Повторялъ одно это слово и больше ничего не могъ сказать. Она вдругъ перестала плакать, наклонилась къ нему, обняла голову его, и губы ихъ слились въ поцѣлуѣ. Никто не видѣлъ этого перваго поцѣлуя любви, кромѣ степи, моря, неба и новорожденнаго мѣсяца.

Не хотѣлось возвращаться въ городъ; съли въ коляску и поѣхали дальше за карантинъ.

Кругомъ была степь, поросшая пыльно-сизой полынью да сухимъ бурьяномъ; ни деревца, ни кустика; только вдали одинокая мельница махала крыльями, и дрофа длинноногая, четко чернѣя въ ясномъ небѣ, на степномъ курганѣ, ходила взадъ и впередъ, какъ солдатъ на часахъ. Изрѣдка тянулся по пустынной дорогѣ обозъ чумаковъ съ азовской тараньки или крымскою солью; перекопскіе татары шли съ караваномъ верблюдовъ, нагруженныхъ арбузами; полудикій ногаецъ-пастухъ, верхомъ на лошади невзнузданной, гналъ отару

овець; и высоко въ небѣ кружилъ надъ ними степной орланъ-бѣлохвость съ хищнымъ клѣкотомъ. И опять ни души — пусто, мертво. Какъ вѣрная сообщница, степь уединяла ихъ, охраняла отъ суеты человѣческой, въ которой оба они погибли всю жизнь.

Наступали сумерки; поднялся холодный вѣтеръ съ моря.

— Холодно, Lise? Говорилъ я, что надо взять шубу. Ну что, если простудитесь?

— Да нѣтъ же, нѣтъ, тепло. Видите, какія руки горячія? Тепло, хорошо, лучше не надо...

Онъ обнималъ ее, куталъ въ шинель свою, и, чувствуя теплоту тѣла его, она прижималась къ нему со стыдливой неловкостью. Да, хорошо, лучше не надо: долго бы, долго, вѣчно такъ!

— А что, мой другъ, давно я васъ хотѣлъ спросить, — началъ онъ для себя самого неожиданно: — что вы думаете объ Аракчеевѣ?

— Объ Аракчеевѣ? — удивилась она и, по старой привычкѣ, испугалась, насторожилась, отвѣтила не прямо, а съ невольною женскою хитростью.

— Вы же знаете, я плохой политикъ, ничего не понимаю въ дѣлахъ государственныхъ...

Всегда боялась Аракчеева суевѣрнымъ страхомъ. При покойнымъ императорѣ Павлѣ I, бывало, приходилъ онъ къ нимъ въ спальню, рано, когда они еще лежали въ постели: батюшка требовалъ, чтобы наслѣдникъ былъ на ногахъ до зари, а Сашенькѣ вставать не хотѣлось; тутъ же, въ постели, принималъ онъ рапорты и подписывалъ, а она закрывалась съ головою одѣяломъ, съ такимъ чувствомъ, что вотъ-вотъ Аракчеевъ залѣзетъ къ ней въ постель, какъ сороконожка огромная.

— Ну что же, Lise, не хотите сказать?

— Я его такъ мало знаю...

— Ну, а все-таки, какъ вамъ кажется, какой онъ человѣкъ хорошій или дурной?

— А вамъ очень нужно?

— Очень.

— Сейчасъ?

— Сейчасъ.

— Мнѣ кажется... да нѣтъ, не могу. Помогите мнѣ. Что именно вы хотите знать?

— Ну, какъ вы думаете, онъ меня...

Почему-то языкъ не повернулся сказать: «любить».

— Онъ мнѣ преданъ?

— Преданъ? Да... нѣтъ, не знаю... Мнѣ кажется, онъ васъ не любитъ, онъ никого любить не можетъ...

— Значить, злой, фальшивый?

— Нѣтъ, не злой и не добрый, а никакой... ну, вотъ не умѣю сказать. Никакой... пустой, ничтожный... Вы на меня сердиться не будете?

Взглянула на него: странная улыбка прошла по лицу его — и она поняла, что онъ не будетъ сердиться.

— Онъ, самъ по себѣ, ничто, — продолжала уже смѣлѣе: — онъ ваша тѣнь; куда вы, туда и онъ; что вы, то и онъ, — а его самого нѣтъ; кажется, что онъ есть, а его нѣтъ... Ну, вотъ, видите, какія глупости...

— Нѣтъ, Lise, не глупости. Только не знаю, вѣрно ли? Вѣдь быть чужою тѣнью тоже великая жертва...

Замолчалъ и подумалъ: «да, тѣнь моя; взялъ на себя все мое дурное, темное, страшное. Когда солнце было высоко, тѣнь лежала у ногъ моихъ, а когда солнце зашло, тѣнь выросла»...

Не даромъ вспомнилъ объ Аракчеевѣ: много думалъ о немъ въ эти дни.

10 сентября въ Грузинѣ произошло убійство Настасьи Минкиной.

«Батюшка, ваше величество, — писалъ Аракчеевъ черезъ два дня послѣ убійства, — случившееся со мною несчастіе, потерянiемъ вѣрнаго друга, жившаго у меня въ домѣ 25 лѣтъ, здоровье и разумъ мой такъ разстроило и ослабило, что я одной смерти себѣ желаю, а потому и дѣлами никакими не имѣю силъ и соображенiя заниматься. Прощай, батюшка, вспомни бывшаго тебѣ слугу! Друга моего зарѣзали ночью дворовые люди, и я не знаю еще, куда осиротѣвшую голову свою преклоню, но отсюда уѣду».

Государь получилъ это письмо въ Таганрогѣ, 22 сентября, наканунѣ приѣзда императрицы, и отвѣтилъ ему въ тотъ же день:

«Любезный другъ, нѣсколько часовъ, какъ я получилъ письмо твое и печальное извѣстіе объ ужасномъ происшествіи, поразившемъ тебя. Сердце мое чувствуетъ все то, что твое должно ощущать. Жаль мнѣ свыше всякаго изреченія твоего чувствительнаго сердца. Но, другъ мой, отчаяніе есть грѣхъ передъ Богомъ. Предайся слѣпо Его святой волѣ. Ты мнѣ пишешь, что хочешь удалиться изъ Грузина, но не знаешь, куда ѣхать. Приѣзжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искреннѣе любилъ. Но заклинаю тебя всѣмъ, что есть святого, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна и, могу сказать, необходима, а съ отечествомъ и я неразлученъ. Прощай, не покидай друга, вѣрнаго тебѣ друга».

Отправивъ письмо, государь вызвалъ въ Таганрогъ генерала Клейнмихеля, находившагося въ то время въ южныхъ поселеніяхъ, и велѣлъ ему скакать въ Грузію, разузнать обо всемъ и уговорить Аракчеева, во что бы то ни стало, приѣхать въ Таганрогъ.

Что приѣдетъ, — не сомнѣвался, но, не получая отвѣта, написалъ другое письмо:

«Неужели тебѣ не придетъ на мысль то крайнее безпокойство, въ которомъ я долженъ находиться о тебѣ въ такую важную минуту твоей жизни? Грѣшно тебѣ забыть друга, любящаго тебя столь искренно и такъ давно, и еще грѣшнѣе сомнѣваться въ его участіи. Убѣдительно тебя прошу, если самъ не въ силахъ, то прикажи меня подробно извѣщать на свой счетъ. Я въ сильномъ безпокойствѣ».

Безпокойство было, но была и странная безпечность, безболѣзненность: такъ параличнаго въ безчувственное тѣло колютъ иголкою, а ему не больно, только жутко смотрѣть, какъ иголка въ тѣло втыкается.

Наконецъ пришелъ отвѣтъ:

«Батюшка, ваше величество! Послѣ причастія св. Христовыхъ Таинъ, сего числа, получилъ отцовское ваше письмо.

Приношу за оное сыновнюю мою благодарность. Я, конечно, возлагаю мое упованіе на Бога, но силы мои меня оставляютъ: біеніе сердца, ежедневная лихорадка, и три недѣли не имѣю ни одной ночи покою, а единая тоска, уныніе и отчаяніе, — все оное привело меня въ такую слабость, что я потерялъ совсѣмъ память и не помню того, что дѣлаю и говорю: слѣдовательно, какія со мною будутъ послѣдствія, единому Богу извѣстно. Ахъ, батюшка! если бы вы увидѣли меня въ теперешнемъ моемъ положеніи, то вы бы не узнали вашего вѣрнаго слугу. Вотъ положеніе человѣка въ мірѣ семь: единымъ моментомъ, во власти Божіей, измѣняется все человѣческое положеніе!

«О поѣздкѣ моей къ вамъ ничего не могу еще нынѣ сказать; благодарю и чувствую въ полной мѣрѣ ваши милости. Я прошу Бога не о себѣ, а о вашемъ здоровьѣ, которое необходимо для отечества въ нынѣшнее бурное время.

«Описаніе о злодѣйскомъ происшествіи пришлю послѣ, если силы мои укрѣпятся. Легко можетъ быть сдѣлано сіе происшествіе и отъ посторонняго вліянія, дабы сдѣлать меня неспособнымъ служить вамъ и исполнять свято вашу, батюшка, волю, а притомъ, по стеченію обстоятельствъ, можно еще, кажется, заключить, что смертоубійца имѣлъ помышленіе и обо мнѣ, но Богу угодно было, видно, за грѣхи мои оставить меня на мученіе.

«Обнимая заочно колѣни ваши и цѣлуя руки, остаюсь несчастный, но вѣрный вашъ до конца жизни, слуга».

На слѣдующій день послѣ разговора съ императрицей объ Аракчеевѣ, сидя у себя одинъ въ кабинетѣ, государь перечелъ это письмо и задумался. Нѣтъ, не пріѣдетъ. Сколько бы ни звалъ, ни умолялъ, ни унижался, — не пріѣдетъ. Изъ двухъ друзей своихъ — его, государя, и Настасьи Минкиной, — сдѣлалъ выборъ окончательный. «Никого любить не можетъ; не злой и не добрый, а никакой, пустой, ничтожный. Кажется, что онъ есть, но его нѣтъ»...

Такъ вотъ, кого тридцать лѣтъ онъ считалъ своимъ другомъ единственнымъ. Ну, что же, больно? Нѣтъ, не больно, а только жутко смотрѣть, какъ иголка въ без-

чувственное тѣло втыкается. А что, если вдругъ почувствуетъ боль? Вѣдь близко къ сердцу? Не слишкомъ ли къ сердцу близко?

Да, «время бурное»—это и онъ, Аракчеевъ, знаетъ. А вонъ и Клейнмихель доноситъ: «я обращаю особенное вниманіе на слѣдствіе, дабы открыть начальный слѣдъ злодѣянія, увѣренъ будучи, что здѣсь кроется много важнаго. Вчерашній день получилъ я съ почтою изъ Петербурга записку никѣмъ не подписанную, подъ заглавіемъ: *О истинномъ и достовѣрномъ*. Записка сія заключаетъ въ себѣ миѣніе благомыслящихъ людей о происшествіи, въ Грузинѣ бывшемъ, и злодѣйскій разговоръ подполковника Батенкова».

Батенковъ — одинъ изъ *нихъ*, членовъ Тайнаго Общества. «Это — они, — начинается!» подумаль государь при первомъ же извѣстіи объ убійствѣ въ Грузинѣ.

Что начинается, зналъ и по другимъ доносамъ. Медлить нельзя: не сегодня—завтра вспыхнетъ бунтъ. Хотѣлъ уничтожить заговоръ; для этого и звалъ Аракчеева — и вотъ Аракчеевъ самъ уничтоженъ.

Когда еще надѣялся, что онъ пріѣдетъ, началъ писать для него записку о Тайномъ Обществѣ; теперь захотѣлось перечестъ. Вынулъ ее изъ шкатулки и сталъ читать.

Быль четвертый часъ пополудни, день солнечный, ясный. Вдругъ потемнѣло, какъ будто наступили внезапныя сумерки. Густой, черно-желтый туманъ шель съ моря. Такъ темно стало въ комнатѣ, что нельзя было читать. Позвонилъ камердинера, велѣлъ подать свѣчи.

Не замѣтилъ, какъ туманъ разсѣялся, опять стало свѣтло, а свѣчи горѣли, ненужныя.

Вошелъ камердинеръ Анисимовъ.

— Чего тебѣ, Егорычъ?

— Не прикажете ли свѣчи убрать, ваше величество? Если кто со двора увидитъ, нехорошо подумаетъ...

Глядя на дневное тусклое пламя свѣчей, государь старался что-то вспомнить. «Ахъ, да, свѣчи днемъ, — къ покойнику»...

—Ну, что жъ, убери, пожалуй.

Егорычъ подошелъ къ столу, задулъ свѣчи и унесъ.

Государь хотѣлъ было опять приняться за чтеніе, но уже не могъ. Вдругъ вспомнились ему петербургскія чуда и знаменія, смѣшныя страшилища.

— А туманъ-то какой, видѣли? Совсѣмъ какъ въ Петербургѣ, — сказала государыня, входя въ комнату.

— Да, совсѣмъ какъ въ Петербургѣ, — повторилъ онъ задумчиво и, взглянувъ на нее, спросилъ:—Что съ вами?

— Ничего... Я вамъ помѣшала? Вы заняты?

— Lise, что съ вами? Вамъ нездоровится?

— Да нѣтъ же, нѣтъ, право, ничего. Утромъ гуляла пѣшкомъ и, должно-быть, устала немного...

Стояла передъ нимъ, потупившись, не глядя на него, вся блѣдная, съ поникшей головой, съ руками, безсильно повисшими. Онъ взялъ ихъ въ свои и цѣловалъ, и смотрѣлъ на нее съ тою вкрадчивою нѣжностью, которой она не умѣла противиться.

— Ну, скажите правду, будьте умницей!

— Вы ѣдете въ Крымъ? — проговорила она и покраснѣла, какъ виноватая.

— Въ Крымъ? Да, можетъ-быть... Такъ вотъ что... А кто вамъ сказалъ?

— Волконскій.

— Дуракъ, старая сплетница! Я нарочно вамъ не говорилъ. Самъ еще не знаю навѣрное... А ужъ теперь ни за что не поѣду!

— Почему теперь? Изъ-за меня?

— Нѣтъ, мнѣ самому не хочется. Не знаю отчего, но я не могу подумать объ этой поѣздкѣ безъ ужаса...

Посмотрѣла на него и вдругъ повѣрила, обрадовалась.

— Зачѣмъ же ѣдете?

— Да вотъ глупость сдѣлалъ, Воронцову обѣщалъ, а онъ поторопился. Все готово, ждутъ, съемки сдѣланы, маршруты назначены...

Когда онъ сказалъ «маршруты» — слово завѣтное, — поняла, что онъ рѣшилъ ѣхать.

— Ну, и поѣзжайте, поѣзжайте, конечно, — сказала, улыбаясь черезъ силу.

Быть ему въ тягость, висѣть у него на шеѣ, — иѣтъ, лучше все, чѣмъ это.

— Не надолго вѣдь?

— Я думалъ, дней на десять, на двѣ недѣли, самое большее...

— Ну, вотъ, видите, стоитъ говорить объ этомъ? Уѣзжали на мѣсяцы, — и я ничего, а теперь двухъ недѣль не могу. Полноте, что за баловство, право! Вы должны ѣхать, должны непременно, я хочу, чтобъ ѣхали, слышите?

— Хорошо, Lise, только ужъ это въ послѣдній разъ: безъ васъ больше никуда ни за что не поѣду...

Тѣнь прошла по лицу ея: слово «послѣдній», такъ же, какъ всѣ такія слова безвозвратныя, внушало ей суевѣрный страхъ.

— А знаете, для чего я еще въ Крымъ хотѣлъ?

— Для чего?

— Чтобы купить Ореанду, выбрать мѣсто для домика.

— Ну вотъ, какъ хорошо! Ну, и поѣзжайте съ Богомъ!

Положила ему руки на плечи, наклонилась и поцѣловала его въ лобъ. Слезы заблестѣли на глазахъ ея. Онъ думалъ, что это слезы счастья.

— Ну, я пойду, занимайтесь.

— Я сейчасъ къ вамъ, Lise, вотъ только письмо допишу.

Никакого письма не было, но не хотѣлъ оставлять на столѣ записки о Тайномъ Обществѣ: какъ бы Дибичъ не увидѣлъ; все еще скрывалъ отъ всѣхъ эту муку свою, какъ постыдную рану. Когда запиралъ бумаги въ шкатулку, внезапная, его самого удивившая мысль пришла ему въ голову: все сказать ей, государынѣ. Вспомнилось, какъ вчера умно говорила объ Аракчеевѣ и какой была въ ту страшную ночь, 11 марта: когда всѣ покинули его, перетрусили, — она одна сохранила присутствіе духа; спасла его тогда, — можетъ-быть, и теперь спасетъ? Хотя бы только не быть одному, раздѣлить муку, хоть съ кѣмъ-нибудь, — это уже половина спасенія.

Обрадовался. Но знакомый стыдъ и страхъ заглушили радость, — нѣтъ, не сейчасъ, лучше потомъ, когда она поправится, — обмануль себя, какъ всегда обманываль.

Отъѣздъ государя назначенъ былъ 20 октября. Послѣдніе дни были для обоихъ тягостны. Она сама не понимала, что съ нею, почему ей такъ страшно; убѣждала себя, что это болѣзнь. Умъ убѣждался, а сердце не вѣрило. И хуже всего было то, что ей казалось, что ему тоже страшно.

Наканунѣ отъѣзда, была такая буря, что государыня надѣялась, что отъѣздъ въ послѣднюю минуту отложить. Съ этою мыслью легла спать. Проснулась рано, — чуть брезжило; вскочила босикомъ съ постели и подбѣжала къ окну посмотрѣть, какая погода. Густой, черно-желтый туманъ, такой же какъ наемни, но тихо, какъ будто никакой бури и не было. Прислушалась, чтобы узнать по звукамъ въ домѣ, ѣдутъ ли. Но было еще слишкомъ рано. Опять легла и заснула. Что-то страшное приснилось ей; сердце вдругъ перестало биться, и казалось во снѣ, что она умираетъ. Проснулась, посмотрѣла въ окно: туманъ исчезъ; голубое небо, солнце. У крыльца — колокольчики: должно-быть, тройку подали. Его шаги за дверью; дверь открылась; онъ вошелъ.

— Не спите, Lise?

Ничего не отвѣтила, лежала, не двигаясь, глядя на него широко раскрытыми глазами, вся блѣдная, какъ мертвая. Сердце опять, какъ давеча во снѣ, вдругъ перестало биться.

— Что съ вами? — проговорилъ онъ въ испугѣ.

Сдѣлала усиліе, перевела дыханіе и улыбнулась.

— Ничего, голова немного болитъ: ночью душно было, отъ тумана, должно-быть. А теперь какая погода чудесная!

— Lise, ради Бога, позвольте, я позову Вилліе...

— Не надо, прошу васъ. Не бойтесь, буду умницей... Ну, Господь съ вами. Дайте прекрещу. Ну, еще поцѣлуйте, вотъ такъ... А теперь ступайте, вамъ пора, а я еще посплю.

— Ахъ, Lise, право же, лучше бы...

— Нѣтъ, нѣтъ, ступайте, ступайте же!

Оторвалась от него, почти оттолкнула его, упала на подушки и закрыла глаза. Онъ постоялъ посмотрѣть, подумалъ: «спить», и тихонько на цыпочкахъ пошелъ къ двери, но остановился и еще разъ обернулся. Лежала, не двигалась, и широко раскрытыми глазами смотрѣла на него, вся блѣдная, какъ мертвая. Вдругъ вспомнилось ему, какъ онъ уходилъ отъ умирающей Софьи, и она такъ же смотрѣла на него, такъ же въ послѣдній разъ онъ обернулся и подумалъ: «не остаться ли?»

Когда ушелъ, ей стало легче; какъ будто очнулась, опомнилась и удивилась, что это было; «болѣзнь»,—подумала опять и мало-по-малу успокоилась. Страхъ исчезъ, осталась только тоска привычная. Какъ всегда, съ его отъѣздомъ, все потускнѣло, потухло, потеряло вкусъ, «какъ супъ безъ соли», шутила она.

Только теперь замѣтила, что Тагаирогъ—прескверный городишка. На улицахъ—все какіе-то заспанные приказные, нищіе въ лохмотьяхъ, обшарканные солдатки, черномазые греки-маклеры да зловѣщіе турки-матросы съ разбойничьими лицами. Отъ сушиленъ азовской тарани тухлою рыбою несетъ. Въ гавани такъ мелко, что, когда вѣтеръ изъ степи, илистое дно обнажается и наполняетъ воздухъ испареніями зловонными. Сѣверо-восточный вѣтеръ похожъ на сквознякъ пронзительный. И даже въ тихіе, ясные дни вдругъ находить съ моря туманъ черно-желтый, пахнущій могильною сыростью. А на сосѣдней церкви св. Константина и Елены колокола звонятъ уныло, какъ похоронные.

Дворецъ тоже не такъ хорошъ, какъ сначала казалось. Изъ оконъ дуетъ, печи дымятъ. Множество крысъ и мышей. Мышь вскочила на колѣни къ фрейлинѣ Валуевой, и та чуть не умерла отъ страха. Крысы утѣшили государынинъ платокъ. По ночамъ возились, стучали, бѣгали, какъ будто выживали гостей непрощенныхъ. А подъ окнами выли собаки; ихъ отгоняли, но не могли отогнать. Валуева была увѣрена, что это къ худу: все чего-то боялась, куексилась, плакала, сама выла, какъ собака, и такъ, наконецъ, надоѣла государынѣ, что та запретила ей на глаза къ себѣ являться.

Дня черезъ два послѣ отъѣзда государя императрица получила извѣстіе о кончинѣ короля баварскаго, мужа Каролины, сестры своей. Любила ее, горевала о ней, а гдѣ-то въ глубинѣ души была радость, какъ у солдата въ огнѣ сраженія, когда просвистѣла пуля мимо ушей, и товарищъ рядомъ упалъ: «слава Богу, онъ, а не я!» Ужаснулась этой радости. «А что, если бы?..» начала и не кончила; вдругъ сердце перестало биться, какъ тогда, во снѣ.

На слѣдующій день получила отъ государя письмо изъ Перекопа:

«Смерть короля баварскаго, такая неожиданная, еще разъ напоминаетъ намъ, какъ всякій изъ насъ, во всякую минуту, долженъ быть готовъ. И надо же, чтобъ это извѣстіе пришло къ вамъ именно тогда, когда меня нѣтъ съ вами! Я знаю, вы—умница, а все-таки лучше бы, если бы я при васъ былъ. Напишите, какъ вы себя чувствуете. Я боюсь больше всего, что вы отождествите себя съ Каролиною (*vous vous identifierez à Caroline*)».

«Буду спокоенъ только тогда, когда опять увижу васъ, что будетъ, надѣюсь, черезъ недѣлю», писалъ онъ 30 октября изъ Бахчисарая.

Она слѣдила по картѣ за его путешествіемъ: Перекопъ, Симферополь, Алушта, Гурзуфъ, Ореанда, Алушка, Байдары, Балаклава, Георгіевскій монастырь, Севастополь, Бахчисарай, Евпаторія и опять Перекопъ, уже на возвратномъ пути. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался,—все опять оживало, освѣщалось, какъ будто солнце всходило; опять дѣлалось вкуснымъ,—«посолили супъ».

«Нѣтъ, нельзя любить такъ, это грѣшно, за это Богъ накажетъ!» думала съ ужасомъ.

Государь долженъ былъ вернуться въ Таганрогъ 5 ноября. Наканунѣ былъ день почти лѣтній, какъ въ концѣ петербургскаго августа. Днемъ по небу ходили барашки, и солнце свѣтило сквозь нихъ, лунно-блѣдное, а къ ночи облака разсѣялись и вызвѣздило такъ, какъ это бываетъ только позднею южною осенью.

Оставшись въ спальнѣ одна, передъ тѣмъ чтобы лечь, она открыла окно и полною грудью вдохнула воздухъ, свѣжій и тихій, какъ вздохъ ребенка во снѣ. Дышала, дышала и не могла надышаться. Не только въ душѣ, но и въ тѣлѣ было успокоеніе блаженное. «Даже и плоть моя упокоится въ упованіи», вспомнился ей стихъ псалма. «Какъ хорошо, Господи, какъ хорошо! И отчего это?» Оттого, что онъ завтра будетъ съ нею? Нѣтъ, не только отъ этого, а отъ всего,—отъ тишины, отъ моря, отъ неба, отъ звѣздъ. Все, что было, есть и будетъ,—все хорошо. И то, что она всю жизнь такъ мучилась, и то, что теперь такъ счастлива,—все хорошо навѣки вѣковъ.

Стала на колѣни, подняла глаза къ небу, улыбнулась и заплакала. Лучи звѣздъ преломлялись въ слезахъ ея, голубые, острые длинные, какъ будто сверкали уже не надъ нею, а въ ней, какъ будто она и они были одно.

Плакала, молилась, благодарила Бога. «А мужъ-то у Каролины умеръ,—вдругъ вспомнила.—Ну, что жъ, воля Божья. У нея умеръ»...—«А у меня живъ», едва не подумала и ужаснулась опять: «что это, что это, Господи! Вотъ я какая подлая... А вѣдь все оттого, что слишкомъ люблю—нельзя любить такъ, это грѣшно, за это Богъ накажетъ... Ну, прости же, прости меня, Господи!»

Опять улыбнулась и заплакала: знала, что Богъ проститъ, уже простилъ,—и все хорошо навѣки вѣковъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— У меня маленькая лихорадка, должно-быть, крымская...

— Съ какого времени, ваше величество?

— Съ Бахчисарая. Приѣхалъ туда поздно вечеромъ, пить захотѣлось; Ѳедоровъ подалъ барбарису; я подумалъ, не прокись ли, — въ Крыму жара была, — но Ѳедоровъ сказалъ, что свѣжъ. Я выпилъ стаканъ и легъ, а ночью сдѣлалась боль въ животѣ ужасная; однакоже, прослабило, и я полагалъ, что этимъ все кончится. Но въ Перекопѣ опять зазнобило, и съ тѣхъ поръ вотъ все трясеть...

Подумалъ и прибавилъ:

— А можетъ-быть, и раньше, еще съ Севастополя: верхомъ ѣздилъ въ Георгіевскій монастырь, въ одномъ сюртукѣ; днемъ-то жарко, а ночью въ степи вѣтеръ холодный, — ну, вотъ и продуло.

— Значитъ, уже съ недѣлю больны?

— Да, съ недѣлю, пожалуй. А впрочемъ, не знаю...

— Хины принимать изволили?

— Нѣтъ, я лѣкарствъ не люблю; само пройдетъ.

— Какъ же само, ваше величество, помилуйте! Вы все забывать изволите, что, приближаясь къ пятому десятку, мы уже не то, что въ 20 лѣтъ...

— Да, братъ, старость не радость, это я не хуже твоего знаю. А насчетъ лихорадки не бойся, — пустяки, ничего не будетъ.

Въ маленькой уборной, рядомъ съ кабинетомъ-спальнею, государь переодѣвался и умывался съ дороги. Всегда любилъ холодную воду для умыванья, но теперь попросилъ

геплой: должно-быть, боялся, чтобъ ознобъ не усилился. Волконскій, съ полотенцемъ черезъ плечо, лиль ему изъ кувшина воду на руки. Бывшій начальникъ главнаго штаба, геперешній императрицынъ гофъ-маршалъ, генераль-адъютантъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій часто служилъ государю камердинеромъ. Тридцать пять лѣтъ былъ ему дядькою, сопровождалъ его во всѣхъ путешествіяхъ, видѣлъ во всѣхъ состояніяхъ души и тѣла, самыхъ торжественныхъ и самыхъ унизительныхъ. Государь не баловаль князя. «Что я терплю отъ него, этого никто себѣ и представить не можетъ», говариваль Волконскій и много разъ хотѣлъ выйти въ отставку, но все не выходилъ; былъ слабъ и добръ; любилъ его, жалѣлъ, какъ старая няня — дитя свое.

Жалѣлъ и теперь: видѣлъ, что онъ очень боленъ и только, по обыкновенію, скрываетъ болѣзнь, перемогается.

— Экъ, начадили! — сказалъ государь, вытирая руки полотенцемъ и глядя въ окно на дымное зарево иллюминаціи.

— Къ пріѣзду вашего величества.

— Вѣрноподданные! — поморщился государь съ брезгливостью. — Ну, а тутъ у васъ что?

— Все, слава Богу.

— Императрица какъ?

— Тоже, слава Богу, здоровы, только по васъ очень соскучились.

Усталъ отъ умыванія, присѣлъ, держа въ рукахъ полотенце, забылъ его отдать Волконскому, и опустилъ голову на руку: по этому движенію видно было, какъ онъ боленъ.

— Лечь бы изволили, а ея величество я къ вамъ попрошу...

— Нѣтъ, что ты? Напугаешь. Пожалуйста, братецъ, не говори ей.

— Да вѣдь сами увидятъ...

— Пусть видитъ, а ты не говори. Зачѣмъ беспокоить? Сказано, вздоръ: отлежусь и буду здоровъ... Ну, давай же сюртукъ. Надо къ ней, — ждетъ небось.

Волконскій подаль сюртукъ; государь надѣлъ, взглянулъ на себя въ зеркало поспѣшно и неувѣренно, какъ больные глядятъ, провель щеткою по волосамъ, зачесаннымъ вверхъ,

отъ висковъ на плѣшивый лобъ, застегнулся, оправилъ сюртукъ, чтобы складокъ не было, и пошелъ; и потому, какъ шелъ, согнувшись, сгорбившись, опять видно было, что очень боленъ. Волконскій, глядя ему вслѣдъ, бормоталъ себѣ что-то подъ носъ, какъ старая няня, которая смотритъ на больного ребенка съ ворчливою нѣжностью.

Императрица ждала государя къ пяти часамъ, по маршруту; но прошло пять, шесть, семь, половина восьмого а его не было; наконецъ, безъ четверти восемь; увидѣла въ окно коляску, которая ѣхала шагомъ, съ поднятымъ верхомъ. Ужъ не пустая ли? Нѣтъ, вотъ онъ, въ теплукъ шинель закутанъ, ноги прикрыты медвѣжьей полостью. Никогда не ѣздилъ шагомъ. Не случилось ли чего-нибудь? Не боленъ ли? Хотѣла бѣжать навстрѣчу, но не посмѣла онъ не любилъ, чтобъ здоровались съ нимъ, когда еще не умылся. Рѣшила ждать, сидѣла одна у себя въ кабинетѣ прислушиваясь, какъ столовые часики — фарфоровый па-стушокъ со сломанною ручкою — тикаютъ да тикаютъ. Каждая минута казалась вѣчностью. Наконецъ позвала секретаря своего, Лонгинова, и велѣла ему пойти узнать что случилось. Лонгиновъ пошелъ и пропалъ. Вспомнилось ей, какъ во время наводненія такъ же посылала его, и онъ такъ же пропалъ. Силъ больше не было ждать; встала пошла къ двери. Въ эту минуту слышались шаги: онъ! онъ!

Ничего не помнила, не видѣла, не слышала, — только чувствовала, что онъ съ нею.

— Lise, наконецъ-то! Ну, слава Богу, слава Богу!

Всегда, бывало, чувствовала себя счастливѣе, чѣмъ онъ въ такія минуты свиданій, и въ этомъ неравенствѣ былъ капля отравы; теперь ея не было: первый разъ въ жизни почувствовала, что оба они одинаково счастливы.

Опомнилась и посмотрѣла на него внимательно.

— Больны?

— Пустяки, не стоитъ объ этомъ думать: завтра будешь здоровъ... Ну, а вы какъ?

Не отвѣтила и посмотрѣла на него еще внимательнѣе «да, похудѣлъ, осунулся; но ничего; насколько былъ

хуже въ прошломъ году, когда начиналась рожа на ногѣ, а теперь ничего, ничего не будетъ»...

— Ну, право же, Lise, — ничего не будетъ, — проговорилъ онъ, какъ будто угадалъ ея мысли; улыбнулся ей — и она опять забылась, прижалась къ нему, закрыла глаза съ блаженной улыбкой; не могла быть несчастною: онъ съ нею — и все хорошо навѣки вѣковъ.

— Ну, что же мы? Садитесь же, — увидѣла вдругъ, что ему трудно стоять. — Вотъ здѣсь, на диванъ. Прилягте, хотите подушку? Знобитъ? Надѣньте шаль. Ничего, что гадкая, — никто не увидитъ. Это шаль моей бѣдной Амальхень; смѣшная, гадкая, а я ее люблю: теплая, милая. «Моя милая тетушка», — такъ и называется. Всегда въ нее кутаюсь, когда ознобъ. Чаю хотите?

Говорила, сама хорошенько не зная что, только чувствуя, что не надо молчать.

— Да, чайку бы съ лимонцемъ, горяченькаго, — сказалъ онъ дѣтски-жалобно, и промелькнуло что-то въ глазахъ. Что это? Нѣтъ, ничего, ничего; только не надо молчать и думать не надо.

— Ну, рассказывайте, какъ простудились, когда и гдѣ? Только правду, всю правду...

Онъ рассказалъ ей то же, что Волконскому, но еще успокоительнѣй; торопился кончить о болѣзни и заговорить о другомъ.

— Погодите-ка, Lise, я что-то хотѣлъ?.. Да, Ореанда: я вѣдь купилъ Ореанду...

Вынулъ изъ бокового кармана и разложилъ на столѣ планъ маленькаго дачнаго домика, только для нихъ двоихъ; показывалъ и объяснялъ:

— Комнатки маленькія, пожалуй, еще меньше этихъ, но уютныя, свѣтленькія, бѣленькія, большая терраса съ колоннами, лѣстница къ морю — все въ греческомъ вкусѣ — къ мѣсту идетъ. А мѣста-то какія, настоящій рай! Кипарисы, лавры, мирты, вѣчнозеленые, у синяго моря, у самаго синяго моря, какъ въ сказкахъ говорится. Теперь, въ ноябрѣ, еще розы цвѣтутъ.

Достала изъ маршрутной книжки и подала ей засушенную чайную розу.

— Понюхайте: до сихъ поръ пахнетъ. И какая тишина, какая пустыня! Какъ хорошо намъ будетъ вдвоемъ...

Помолчала и прибавилъ съ тихою грустью:

— А я вѣдь когда-то думалъ, — втроемъ. Ну, да ничего, скоро...

Едва не сказалъ: «скоро будемъ вмѣстѣ», — слова умирающей Софьи.

Посмотрѣлъ на государыню молча, и опять промелькнуло что-то въ глазахъ. Ей стало страшно; хотѣла заговорить, нарушить молчаніе, но уже не могла, только чувствовала, что счастье уходитъ изъ сердца, какъ вода изъ стакана съ трещиной.

Вошелъ князь Волконскій и доложилъ о лейбъ-медикѣ Вилліе.

— Экій ты, братецъ! Я же тебѣ говорилъ, не пускать. Надоѣлъ онъ мнѣ со своими лѣкарствами, — сказалъ государь шопотомъ. — Ну, дѣлать нечего, пусть войдетъ.

Вилліе вошелъ, поцѣловалъ руку императрицы и спросилъ государя, какъ онъ себя чувствуетъ.

— Отлично, мой другъ! Вотъ чаю напился и согрѣлся. Озноба, кажется, нѣтъ, только маленькій жаръ.

Вилліе пощупалъ пульсъ и ничего не сказалъ.

— Сдѣлай милость, Яковъ Васильичъ, — продолжалъ государь, — успокой ты ее, скажи, что пустяки. Не вѣрять мнѣ...

— Пустяки, разумѣется. А все-таки лѣчиться надо, ваше величество! Вы вотъ лѣкарствъ не хотите...

— Ну, знаю, братъ, знаю... Поди-ка сюда, — подозвалъ онъ князя Волконскаго. — Ты думаешь, это что? — указалъ ему на планъ.

— Домъ какой-то.

— А чей домъ?

— Не знаю.

— Отставнаго генерала Александра Павловича Романова. Я вѣдь скоро въ отставку.

— Не рано ли будетъ, ваше величество?

— Что за рано, помилуй: 25 лѣтъ службы; — и солдату за этотъ срокъ отставку даютъ. Выходи-ка и ты, братъ, будешь у меня библіотекаремъ...

Говорили спокойно, весело; но почему-то отъ этого спокойствія государынѣ опять стало страшно: чувствовала, какъ вода все уходитъ и уходитъ изъ стакана съ трещиной.

Вилліе посмотрѣлъ на часы и замѣтилъ, что государю ложиться пора.

— Такъ я и зналъ, что погонишь. А мнѣ здѣсь такъ хорошо. Ну, ладно, сейчасъ, — только вотъ простимся.

Вилліе съ Волконскимъ вышли.

— Ну, что, Lise, успокоились? — сказалъ государь, вставая.

Она хотѣла отвѣтить, но опять не могла.

— Что это, право, Lise? Нельзя же такъ. Другъ друга изводимъ: то вы больны, и я убиваюсь, то я боленъ, и вы убиваетесь. Какъ медвѣдь и коза въ той игрушкѣ, знаете? — потянешь направо, медвѣдь на козу валится; потянешь налево, коза—на медвѣдя...

— Да нѣтъ, я ничего... А только я была такъ счастлива... — начала и не кончила; слезы душили ее.

— А теперь несчастны?

Обнялъ и поцѣловалъ ее съ такою нѣжностью, что духъ у нея захватило отъ счастья: стаканъ, хоть и съ трещиной, опять до краевъ наполнился.

— Милый, милый! — прижалась къ нему и заплакала. — Да наградишь васъ Богъ за всю вашу... дружбу ко мнѣ!

Не посмѣла сказать: «любовь!»

— Ну, Господь съ вами, — хотѣла перекрестить его.

— Нѣтъ, Lise, потомъ. Зайдите, когда лягу.

Прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, сѣлъ за столъ и началъ разбирать почту. Нашелъ донесеніе генерала Клейнмихеля: «Описаніе злодѣйскаго происшествія въ Грузинѣ».

Голова болѣла, въ глазахъ темнѣло отъ жара; не могъ читать сплошь, только просматривалъ.

«По показанію смертоубійцы, покойница упала и закричала; въ которое время онъ совершенно перерѣзалъ ей горло и отрѣзалъ ей голову, такъ что она осталась на одной кости»...

А въ заключеніе: «о дѣлахъ и думать еще не возможно, но я въ полной надеждѣ, что графъ не покинетъ ихъ, лишь бы успѣть успокоить его нѣкоторымъ образомъ въ домашнемъ быту».

Усмѣхнулся, подумалъ: какъ же его успокоить? Другую дѣвку найти ему, что ли? Да нѣтъ, такой не найдешь: вонъ о. Фотій называетъ «великомученицей» эту звѣриху въ человѣческомъ образѣ, которая одной своей горничной, за то, что нехорошо подвила ей волосы, раскаленными щипцами обожгла лицо.

Бросилъ читать; затошнило, и казалось тошнить отъ того, что читаетъ.

Увидѣлъ письмо Аракчеева, распечаталъ и тоже не сталъ читать, а только заглянулъ.

«Ахъ, батюшка, летѣлъ бы я къ вамъ въ Таганрогъ, ибо мнѣ ничего такъ не хочется, какъ видѣть моего благодѣтеля; но боль въ груди такъ велика становится, что боюсь въ сію дурную погоду и въ дорогу пуститься; кажется, я не перенесу онаго. Обнимаю заочно ваши колѣни и цѣлую руки».

Опять усмѣхнулся: какъ бы встрѣтилъ онъ Аракчеева, если бы тотъ вздумалъ пріѣхать? А, впрочемъ, за что же сердиться? «Куда вы, туда и онъ; что вы, то и онъ, а его самого нѣтъ: онъ ваша тѣнь». — «Да, тѣнь моя: когда солнце было высоко, тѣнь лежала у ногъ, а когда солнце зашло, тѣнь выросла...» Исполинская тѣнь, смѣшное страшилище. «Военныя поселенія суть жесточайшая несправедливость, какую только разъяренное зловластіе выдумать могло», — вспомнился доносъ Алилуева и тихій плачь народа: «спаси, государь, крещеный народъ отъ Аракчеева!» — Мечталъ о царствѣ Божьемъ, и вотъ — царство Аракчеева, царство Звѣря... Да, правы они...

Голова кружилась и въ глазахъ темнѣло такъ, что казалось вотъ-вотъ сдѣлается дурно. Всталъ, подошелъ къ

дивану и легъ; закрылъ глаза; не спалъ, но, какъ во снѣ, видѣлъ: почтовая дорога на станціи Васильевкѣ, въ 25 верстахъ отъ города Орѣхова, гдѣ проѣзжалъ третьяго дня; тутъ встрѣтилъ его фельдъегерь Масковъ съ депешами изъ Петербурга и Таганрога; государь велѣлъ ему ѣхать за нимъ, хотѣлъ послать впередъ со слѣдующей станціи въ Таганрогъ съ письмомъ къ государынѣ; сѣлъ въ коляску и поѣхалъ. Дорога поворачивала круто, съ горы внизъ, къ мосту на рѣчкѣ. Благополучно спустился, переѣхалъ черезъ мостъ и подымался шагомъ на тотъ берегъ. Масковъ тоже сѣлъ на курьерскую тройку, крикнулъ ямщику: «пошелъ!» и замахнулся на него саблею съ тѣмъ ошалѣлымъ ухарствомъ, которое свойственно фельдъегерямъ; должно-быть, вышилъ на станціи. Ямщикъ погналъ; тройка подхватила съ мѣста и понесла съ горы; но при поворотѣ на мостъ ямщикъ не управилъ, налетѣлъ на кочку; телѣга подпрыгнула, такъ что Масковъ вылетѣлъ, кувыркнулся въ воздухъ и со всего размаха ударился тычкомъ головою о камень. Государь увидѣлъ, ахнулъ и велѣлъ Тарасову бѣжать на помощь къ упавшему. А на слѣдующей станціи, въ Орѣховѣ, Тарасовъ доложилъ, что Масковъ умеръ на мѣстѣ отъ сотрясенія мозга съ переломомъ черепа. Тогда уже начинался ознобъ, а при докладѣ Тарасова усилился такъ, что зубъ на зубъ не попадалъ. «А что, если бы я, — подумалъ государь, — отправилъ Маскова впередъ съ письмомъ къ государынѣ? Написалъ бы такъ: «je vous envoie Maskoff et je le suis de près. Посылаю вамъ Маскова и слѣдую за нимъ тотчасъ». Вѣдь было бы то же, какъ свѣчи днемъ, — къ покойнику...»

Теперь, лежа на диванѣ съ закрытыми глазами, видѣлъ, какъ Масковъ падаетъ, и слышитъ костяной стукъ, трескъ черепа. «Вотъ отчего голова такъ болитъ, отъ этого костяного треска трещитъ голова... Какая гадость! Ужъ лучше встать...»

Всталъ, подошелъ къ столу и опять началъ разбирать бумаги; долго чего-то искалъ; наконецъ нашелъ: безымянное письмо, одинъ изъ тѣхъ нелѣпыхъ доносовъ, которыхъ онъ такъ много получалъ въ послѣднее время. Помнилъ

его почти наизусть; не надо бы больше читать; но не могъ удержаться.

«Ваше императорское величество! Въ Священномъ Писаніи, а именно въ 81-мъ псалмѣ о владыкахъ и царяхъ земныхъ сказано: бози есте и сынове Вышняго вси; вы же яко чловѣцы умрете. Государь! вѣрноподданнымъ вашимъ извѣстно, что, хотя вы и великій самодержецъ, но богомъ земнымъ себя не почитаете и даже воспретили то указомъ Св. Синоду во всѣхъ церквахъ, публично, ибо смертный часъ помните.

«Ваше величество, какъ вѣрноподданный и хотя тайный, но истинный другъ вашъ и сынъ отечества, умоляю васъ именемъ Вышняго, помните сей часъ, — помните нынѣ больше, чѣмъ когда-либо, ибо оный уже наступаетъ: адскіе замыслы изверговъ уже совершаются».

До сихъ поръ написано было по-русски, а дальше — по-французски, безграмотно:

«Долго сомнѣвались убійцы, какое именно оружіе избрать, — пулю, кинжалъ или ядъ; наконецъ избрали послѣднее. Можетъ-быть, уже поздно, — уже отравы течетъ въ вашихъ жилахъ. Но, если не поздно, берегитесь, берегитесь всѣхъ, кто васъ окружаетъ; берегитесь вашего камердинера, вашего повара, вашего доктора; никому не вѣрьте; всѣ — измѣнники, всѣ подкуплены; вы окружены убійцами. Хлѣбъ, который вы ѣдите, отравленъ; вода, которую пьете, отравлена; воздухъ которымъ дышите, отравленъ; лѣкарства, которыя вамъ даютъ, отравлены. Прежде, чѣмъ ѣсть или пить, заставляйте отвѣдывать подающихъ вамъ. Помните объ этомъ днемъ и ночью, каждый день, каждый часъ, каждую минуту; помните, что отравы можетъ быть вездѣ. Мало ли отъ чего умираютъ люди? Отъ угара, отъ нелуженой посуды, отъ толченаго стекла въ хлѣбѣ. Убьютъ васъ, отравятъ медленнымъ ядомъ и скажутъ потомъ, что вы естественной смертью умерли.

«Пишу сіе отъ чистаго и вѣрноподданническимъ жаромъ пламенѣющаго сердца, познавъ ужасъ адскихъ замысловъ. Да поможетъ вамъ Богъ!

«Раскаившийся извергъ и отнынѣ по гробъ жизни вѣрно-поданный вашъ».

Да, не надо было читать: глупо, гадко, тошно тошнотою смертною. Вдругъ вспомнилъ что-то и удивился: какъ же такъ, вѣдь сжегъ письмо? Полно, сжегъ ли? Да, ясно помнилъ, какъ это было: получилъ письмо, а на слѣдующій день, утромъ, за чаемъ, нашель въ сухарѣ камешекъ; послалъ за Дибичемъ, показалъ ему сухарь и велѣлъ узнать, что это и какъ могло попасть въ хлѣбъ. «Я не хочу, — сказать, — поручать это Волконскому, потому что онъ старая баба и ничего не сумѣетъ сдѣлать, какъ слѣдуетъ». Дибичъ позважь Виллие; тотъ нашель, что это простой камешекъ; а пекарь извинился, что онъ попалъ въ сухарь по неосторожности. Государь хотѣлъ показать Дибичу доносъ объ отравѣ, но стало стыдно и страшно не того, чѣмъ грозилъ доносъ, а того, что онъ могъ ему повѣрить; пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, отыскалъ письмо и сжегъ

Откуда же оно теперь взялось? «Съ ума я схожу, что ли?» Вертѣлъ его въ рукахъ, щупаль, разсматриваль, какъ будто надѣялся, что оно исчезнетъ; нѣтъ, не исчезало. Поднесъ къ свѣчѣ, хотѣлъ сжечь, — не горить; бросилъ, — не падаетъ; липнетъ, липнетъ, не отстаеъ, точно клеемъ намазано. А свѣчи тускло горять, какъ тогда, днемъ — къ покойнику, и черно-желтый туманъ наполняетъ комнату; и кто-то стоитъ за спиной. Не глядя, не оборачиваясь, онъ знаетъ, кто: старичокъ бѣлобрысенькій, лысенькій; голубенькіе глазки, «совсѣмъ, какъ у теленочка», какъ у него самого въ зеркалѣ; бродяга бездомный, безпаспортный, родства не помнящій, Федоръ Кузьмичъ

. Вскрикнулъ, очнулся и увидѣлъ, что лежитъ на диванѣ; понялъ, что не вставалъ и что все это бредъ.

Отворилась дверь, вошла государыня.

— Не легли еще?

— Нѣтъ, Lise, я васъ жду.

— Я стучалась, не слышали?

— Не слышалъ, — оглохъ, всегда отъ жара глохну. Помните въ прошломъ году, когда рожа начиналась, тоже

оглохъ? As dief as pots. (Глухъ, какъ горшокъ). Ну, поцѣлуйте меня. Сейчас лягу. Мнѣ теперь хорошо, совсѣмъ хорошо — улыбнулся онъ такъ искренно, что она почти повѣрила: не безпокойтесь же, мой другъ, спите съ Богомъ...

Перекрестила его и поцѣловала.

Когда ушла, Егорычъ постучался въ дверь. Стучался долго, но государь опять не слышалъ, и тотъ, наконецъ, вошелъ.

— Раздѣваться прикажете, ваше величество?

— Раздѣваться? Да... нѣтъ, потомъ. Позвоню.

Егорычъ подошелъ къ столу и сталъ снимать со свѣчей.

— А знаешь, Егорычъ, я вѣдь очень боленъ, — сказалъ государь.

— Пользоваться надо, ваше величество!

«Онъ всегда знаетъ, что надо», подумалъ государь; но спокойствіе Егорыча было ему пріятно.

— Нѣтъ, братъ, гдѣ ужъ, — продолжалъ, помолчавъ. — А свѣчи-то помнишь?

— Какія свѣчи?

— Ну, какъ же, ты самъ говорилъ: свѣчи днемъ — къ покойнику...

— Избави, Господи, ваше величество! — пробормоталъ Егорычъ, блѣднѣя, и началъ креститься.

— Ну, чего ты, дуракъ? Пошутить нельзя. Небось, тебя хоронить буду... Ступай.

Егорычъ вышелъ, все еще крестясь; лица на немъ не было: любилъ государя.

А тотъ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, хотя еще сильнѣй знобило, и каждый шагъ отдавался въ больной головѣ; но лечь было страшно, какъ бы опять не забредить. И надо было что-то обдумать, рѣшить окончательно. Что съ нимъ? Да, боленъ, — можетъ-быть, очень боленъ. Но чего же такъ испугался? Смерти? Нѣтъ, не смерти. Да и не вѣрить, что умретъ. Егорыча только испытывалъ и удивился, что онъ такъ легко повѣрилъ. Нѣтъ, не смерти, а чего-то страшнѣе, чѣмъ смерть... «Хлѣбъ, который выѣдите, отравленъ; вода, которую пьете, отравлена; воздухъ,

которымъ дышите, отравленъ; лѣкарства, которыя вамъ даютъ, отравлены...» А кстати, былъ ли доносъ? Былъ, конечно, былъ, и онъ сжегъ его тогда же, послѣ камешка въ хлѣбѣ: это не бредъ, это онъ и сейчасъ, наяву, помнить. Но неужели же, неужели повѣрилъ тогда и теперь еще вѣрить? А бумажка-то, видно, въ бреду къ пальцамъ прилипла не даромъ, — вотъ и къ душѣ липнеть... Какая гадость!

Остановился, поднесъ руки къ глазамъ, посмотрѣлъ, какъ ногти посинѣли отъ озноба, а можетъ-быть, отъ чего-нибудь другого; языкомъ почмокалъ, пробуя, какой вкѣсъ во рту: да, все то же, какъ будто металлическій, и слюна, и тошнота, и гнилая отрыжка, и эта медленно-медленно, отвратительно сосущая боль въ животѣ; совсѣмъ, какъ тогда, въ Бахчисараѣ, когда выпилъ прокисшій сиропъ. «Можетъ-быть, уже поздно; можетъ-быть, отравы уже течетъ въ вашихъ жилахъ...» Вдругъ злоба охватила его. Неужели же онъ, въ самомъ дѣлѣ дошелъ до того? Камешекъ въ хлѣбѣ, прокисшій сиропъ — да вѣдь это сумасшествіе!

Ну, конечно, отравленъ. О, какой медленный, медленный ядъ! Еще тогда, въ ту страшную ночь 11 марта, отравился имъ. И они это знаютъ. Правы они — вотъ въ чемъ сила ихъ, вотъ чѣмъ они убиваютъ его издали; вѣдь есть такое колдовство: сдѣлать человѣчка изъ воска, проколоть ему сердце иглою, — и врагъ умираетъ. Да, ядъ течетъ въ жилахъ его: этотъ ядъ — страхъ. Страхъ чего? О, если бы чего-нибудь. Но давно уже понялъ, что страхъ страшнѣе самаго страшнаго. Не страхъ чего-нибудь, а одинъ голый страхъ, безотчетный, бессмысленный, тотъ подлый животный страхъ, отъ котораго холодѣютъ и переворачиваются внутренности, и ознобъ трясетъ такъ, что зубъ на зубъ не попадаетъ. Страхъ страха. Это какъ два зеркала, которыя, отражаясь одно въ другомъ, углубляются до безконечности. И свѣтъ сознанія, какъ свѣтъ свѣчи между двумя зеркалами, тускнѣетъ, меркнетъ, уходя въ глубину безконечную — и темнота, темнота, сумасшествіе...

Вдругъ вспомнилось, какъ братъ Константинъ, еще мальчикомъ, изъ шалости отравилъ собаку, давъ ей прогло-

тить иголку въ хлѣбномъ шарикѣ. «Ну, что жъ, собакѣ собачья смерть!» — усмѣхнулся съ спокойнымъ презрѣніемъ. И въ этомъ презрѣніи все потонуло — боль, стыдъ, страхъ.

Позвонилъ камердинера, быстро, молча раздѣлся и легъ. Ночь провелъ дурно, безъ сна, но къ утру сдѣлался потъ, и онъ заснулъ.

На слѣдующій день всталъ почти безъ жара; только былъ слабъ и желтъ, «желтъ, какъ лимонъ», — пошутить, взглянувъ на себя въ зеркало. Одѣлся, умылся, побрился, все, какъ всегда. Войдя въ кабинетъ, сталъ у камина грѣться; Волконскій по бумагамъ докладывалъ, а государь все просилъ его говорить громче: плохо слышалъ. «As dief as pots», — опять пошутить.

Весь день былъ на ногахъ, въ сюртукѣ. Къ обѣду сдѣлался жаръ. Вилліе хотѣлъ ему дать лѣкарства, но онъ сказалъ, что приметъ вечеромъ, а когда тотъ настаивалъ, — прикрикнулъ на него:

— Ступай прочь!

Обѣдалъ съ государыней; подали супъ съ перловой крупою; съѣлъ и сказалъ:

— У меня больше аппетита, чѣмъ я думалъ.

Потомъ — лимонное желе. Отвѣдалъ и поморщился:

— Какой странный вкусъ! Попробуйте.

— Можетъ-быть, кисло?

— Да нѣтъ же, нѣтъ, какой-то вкусъ металлическій. Развѣ не слышите?

Велѣлъ позвать метрдотеля Миллера, заставилъ и его попробовать.

— Я ужъ не въ первый разъ замѣчаю. Смотри, братъ, хорошо ли лудятъ посуду?

Послѣ обѣда, дремалъ на диванѣ, а государыня читала книгу. Вилліе опять завелъ рѣчь о лѣкарствѣ.

— Завтра, — сказалъ государь.

— Вы обѣщали сегодня.

— Экій ты, братецъ! Ну, что мнѣ съ тобою дѣлать? Вѣдь, если на ночь приму, спать не буду.

— Будете. До ночи подѣйствуетъ.

Государыня смотрѣла на него съ умоляющимъ видомъ.

— Вы думаете, Lise?..

— Да, прошу васъ.

— Ну, ладно, давай.

Вилліе пошелъ готовить лѣкарство и черезъ полчаса принесъ 8 пилюль?

— Что это?—спросилъ государь.

— Шесть гранъ каломели и полдрахмы корня ялаппы. Ваше обыкновенное слабительное.

— Каломель—ртуть?

— Да, сладкая ртуть.

— Ядъ?

— Всѣ лѣкарства суть яды, ваше величество: по русской пословицѣ, одно дерево другимъ деревомъ...

— Клинь клиномъ вышибай?

— Вотъ именно: ядъ—ядомъ: ядъ болѣзни—ядомъ лѣкарства.

Проглотилъ пилюли и пошелъ къ себѣ. Вечеръ провелъ опять съ государыней. Болтали весело или какъ будто весело, о таганрогскихъ сплетняхъ, о предсѣдательшѣ, Ульянѣ Андреевнѣ, которую поймали съ подозornoю трубкою на чердакѣ, когда она въ окна дворца заглядывала; вспомнили, что сегодня—6-е ноября, канунъ годовщины петербургскаго наводненія.—«Дастъ Богъ, этотъ годъ будетъ счастливымъ!»

Вдругъ всталъ и попросилъ ее выйти.

— Что съ вами?

— Ничего. Кажется, лѣкарство дѣйствуетъ.

Отлично подѣйствовало; стало легче, жаръ уменьшился.

— Ну вотъ видите, Lise, говорилъ вамъ, что вздоръ, ничего не будетъ.

— Слава Богу! А вы еще принимать не хотѣли.

Но на слѣдующій день признался ей, что вчера просилъ ее уйти не потому, что лѣкарство подѣйствовало, а такая тоска вдругъ напала, что не зналъ, куда дѣваться, и не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь видѣлъ его въ этомъ состояніи.

Пріѣхалъ въ Таганрогъ въ четвергъ; пятницу, субботу,

воскресенье все еще былъ боленъ; ни хуже, ни лучше, или то хуже, то лучше; а когда спрашивали, какъ онъ себя чувствуетъ, отвѣчалъ всегда одно и то же:

— Хорошо, совсѣмъ хорошо!

Не измѣнялъ порядка жизни. Весь день—на ногахъ, въ сюртукѣ; а если ужъ очень знобило, кое-какъ примачивался на диванѣ, укрываясь одѣяломъ или старой мѣховой шинелью. Въ тѣ же часы вставалъ, ложился, обѣдалъ, ужиналъ. Садясь за столъ, чтобы выпить стаканъ хлѣбной или яблочной воды съ черносмородиннымъ сокомъ, крестился, какъ передъ настоящимъ обѣдомъ; пилъ и похвалявалъ:

— Прекрасный напитокъ, освѣжающій! Волконскій мнѣ далъ, а ему сестра, а ей какой-то знакомый, въ дорогѣ. Очень, говорятъ, отъ желчи пользуетъ, лучше всѣхъ лѣкарствъ...

А на Вилліе смотрѣлъ волкомъ; когда тотъ предлагалъ ему самое невинное слабительное,—молчалъ, хмурился или отшучивался.

— Эхъ, Яковъ Васильичъ, надоѣлъ ты мнѣ хуже горькой рѣдьки!

И, наконецъ, сердился:

— Оставьте меня въ покоѣ! И какъ вы не видите, что я отъ вашихъ лѣкарствъ боленъ? Стоитъ принять, чтобы сдѣлалось хуже...

Продолжалъ заниматься дѣлами или притворялся, что занимается.

— Поменьше бы бумагъ читали, ваше величество! Вамъ хуже отъ того,—говорилъ Волконскій.

— Радъ бы, мой другъ, да не могу: привычка. Какъ не позаймусь,—пустота въ головѣ. Если выйду въ отставку, буду цѣлыя библіотеки прочитывать, а то съ ума сойду отъ скуки.

Въ обычные часы отсылалъ государыню гулять.

— Отчего вы не гуляли сегодня? Погода такая прекрасная. Вамъ надо пользоваться воздухомъ.

Она не смѣла сказать, что ей страшно уйти отъ него. Когда нѣсколько часовъ не видѣла его и вдругъ взглядывалась въ лицо его,—страхъ жалилъ ей сердце не очень

больно, тупо: такъ злыя осенія мухи кусаются. А потомъ опять надежда; то страхъ, то надежда,—какъ лѣтнею ночью въ тихомъ воздухѣ, то теплая струя, то холодная. Но и сквозь страхъ—знакомое счастье, та особенная уютность, которую всегда испытывала во время болѣзни его: точно онъ маленькій, а она няньчится съ нимъ.

Приносила ему газеты, журналы. Особенно любилъ онъ модные: понималъ толкъ въ женскихъ модахъ. Разсматривали вмѣстѣ картинки: раскладывали ракушки, которыя собрали на морскомъ берегу, у карантина.

— Вы приносите мнѣ игрушки, какъ ребенку, моя милая маменька!—смѣялся онъ.

Только что становилось легче, болталъ, шутилъ строилъ, планы, какъ они будутъ жить въ Ореандѣ, или рассказывалъ анекдоты таганрогскіе: о депутаціи калмыцкихъ князей, которые, услышавъ клавесинъ у полковника Фредерикса, дворцоваго коменданта, сначала испугались, а потомъ пришли въ такой восторгъ, что нельзя было на нихъ смотрѣть безъ смѣха; объ уѣздномъ лѣкарѣ, французѣ Менье, хвастунишкѣ ужасномъ, который носитъ какой-то персидскій орденъ, вмѣсто звѣзды, и зеленую ленту черезъ плечо, увѣряя, будто бы лѣчилъ самого шаха и весь его гаремъ, «et que peut être on verra un jour un chach de ma façon».

Однажды зашла у нихъ рѣчь о Байронѣ; государыня въ то время читала послѣднія пѣсни Донъ-Жуана, гдѣ говорится о русскомъ царѣ не совсѣмъ уважительно.

— Геній его уподобляется блеску зловреднаго метеора,—сказалъ государь:—поэзія Байроновъ родитъ Зандовъ и Лувелей. Прославлять ее есть то же, что восхвалять убійственное орудіе, изощренное на погибель человѣчества. Такое употребленіе таланта не заслуживаетъ чести, приписываемой генію, и достоинства имѣть не можетъ, особенно между христіанами...

Она возражала, доказывала, что Байронъ—заблудшій, но не злой человѣкъ.

— А кстати,—замѣтилъ онъ:—нынче завелись и у насъ свои Байроны. Вашъ любимый Пушкинъ...

— Да, любимый! А вы его за что не любите? Онъ—слава Россіи, слава вашего царствованія...

— Ну, полно, мой другъ, избави насъ Богъ отъ такой славы! Наводнилъ Россію стихами возмутительными. Этотъ человѣкъ на все способенъ. Говорятъ, отца своего чуть не убилъ...

— Неправда! Неправда! Клевета презрѣнная! Какъ вы можете? Вѣдь вы же сами знаете, вамъ Жуковскій говорилъ!..—закричала она и вдругъ испугалась: «Что это я? На больного кричу!»—испугалась и обрадовалась; значить, не очень боленъ.

А когда дѣлалось хуже,—уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, прятался отъ нея или, ложась на диванъ, просилъ ее читать книгу и не обращать на него вниманія. Она дѣлала видъ, что читаетъ, но смотрѣла на него изъ-за книги, украдкою, и опять страхъ жалилъ ей сердце не очень больно, тупо, какъ злая осенняя муха.

Однажды онъ спалъ, а она сидѣла рядомъ, съ книгою; вдругъ онъ открылъ глаза, поглядѣлъ вокругъ, какъ будто съ веселою улыбкою, и тотчасъ же опять закрылъ ихъ, заснулъ. Только впослѣдствіи, въ ужасныя минуты, поняла она, что значила эта улыбка.

Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ былъ сильный потъ, такъ что нѣсколько разъ пришлось мѣнять бѣлье. На слѣдующій день лихорадки не было. Вилліе торжествовалъ и объявилъ, что болѣзнь можно считать пресѣченною: если даже вернется лихорадка, то сдѣлается перемежающейся и скоро совсѣмъ пройдетъ. «*Febris gastrica biliosa*—лихорадка желудочно-желчная», назвалъ онъ болѣзнь и всѣ успокоились.

Государь запрещалъ писать въ Петербургъ о томъ, что онъ боленъ.

— Боюсь я экстрапочтъ, какъ бы не напугали матушку.

Послѣдняя почта была задержана, а со слѣдующей, въ понедѣльникъ, когда ему стало лучше, онъ велѣлъ написать императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и цесаревичу, что былъ боленъ и что болѣзнь проходитъ; велѣлъ также Дибичу

послать курьера за княземъ Валерьяномъ Михайловичемъ Голицынымъ.

«Слава Богу, ему гораздо лучше,—писала въ тотъ же день государыня матери своей, герцогинѣ Баденской.— Дастъ Богъ, когда вы получите это письмо, не будетъ больше и рѣчи о его болѣзни».

Но въ тотъ же день къ вечеру опять сдѣлалось хуже. Все еще бодрился, началъ рассказывать анекдотъ о калмыкахъ,—должно-быть, забылъ, что она уже знаетъ.

— А почему вы не носите траура по королѣ Баварскомъ? — спросилъ неожиданно.

— Я сняла по случаю вашего приѣзда, а потомъ не захотѣлось надѣвать.

— Почему не захотѣлось? — опять спросилъ и посмотрѣлъ на нее такъ, какъ на Егорыча, когда спрашивалъ его о свѣчахъ.

Покраснѣла; сама не понимала, почему,—не думала объ этомъ и только теперь, когда онъ спросилъ, поняла.

— Я завтра надѣну,—сказала поспѣшно.

— Нѣтъ, все равно...

Вошелъ Вилліе, и по тому, какъ лицо его вытянулось, когда онъ взглянулъ на больного, она увидѣла, что плохо.

Ночь провелъ безъ сна, въ жару. Утромъ принялъ опять шесть пилюль слабительныхъ. Сдѣлались ужасныя схватки въ животѣ, тошнота, рвота, поносъ; ослабѣлъ такъ, что едва на ногахъ держался.

Лежалъ на диванѣ, подъ старой шинелью, съ фланелевымъ набрюшникомъ на животѣ, и, закрывъ глаза, думать, надо ли будетъ еще разъ вставать за нуждою или такъ обойдется. Думалъ объ этомъ и смотрѣлъ на выплывавшее изъ мутно-красной мглы воспаленныхъ вѣкъ недвижимое, какъ изъ мѣди изваянное, лицо Наполеона; оно приближалось къ нему, и крѣпко сжатая, тонкія губы раскрывались, шевелились, говорили; онъ зналъ, что что-то важное, нужное, отъ чего зависитъ его спасеніе или гибель, но разслышать не могъ: былъ «глухъ, какъ горошокъ».

Вдругъ лицо Наполеона исчезло, и на мѣстѣ его появилось лицо Егорыча. Губы его такъ же раскрывались, шевелились беззвучно.

Очнулся и понялъ, что Егорычъ, дѣйствительно, стоитъ передъ нимъ.

— Ну, чего тебѣ? Громче, громче! Что это, право, всѣ вы шепчетесь?

— Полковникъ Николаевъ, ваше величество! Принять прикажете?—прокричалъ Егорычъ.

Государь вспомнилъ, что вчера, когда ему лучше было, велѣлъ прійти Николаеву. Но теперь чувствовалъ себя такъ плохо, что не зналъ, хватить ли силъ. Наконецъ сказалъ Егорычу:

— Принять.

Еще въ первые дни по приѣздѣ въ Таганрогъ замѣтилъ государь лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковника Николаева, командира таганрогскаго дворцоваго караула; ему понравилось лицо его, обыкновенное, не очень красивое, не очень умное, но такое открытое, честное, доброе, что когда, представляясь государю, крикнулъ онъ по-солдатски: «здравія желаю, ваше императорское величество!»—государь невольно улыбнулся и подумалъ: «какой молодецъ!» И потомъ, встрѣчаясь съ нимъ, всегда улыбался, а Николаевъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза съ тою восторженно-преданной влюбленностью, которую государь цѣнилъ въ людяхъ больше всего.

Въ концѣ сентября, получивъ отъ Аракчеева письмо Шервуда съ просьбой выслать въ Харьковъ надежное лицо для принятія окончательныхъ мѣръ къ открытію заговора,—рѣшилъ послать Николаева; но все откладывалъ, а потомъ, уже больной, мучился, что не успѣетъ, пропустить назначенный срокъ — 15 ноября. Вотъ почему принялъ его теперь: сегодня 10-е — только 5 дней до 15-го.

Когда Николаевъ вошелъ государь велѣлъ ему запереть дверь на ключъ и сѣсть поближе; началъ спрашивать, кто его родители, гдѣ онъ воспитывался, гдѣ слу-

жилъ и въ какихъ походахъ участвовалъ: чѣмъ больше вглядывался въ него, тѣмъ больше онъ ему нравился.

— У меня къ тебѣ важное дѣло, Николаевъ!

— Радъ стараться, ваше величество!

Государь закрылъ глаза и вдругъ почувствовалъ, что говорить не можетъ. Кровь застучала въ виски, и въ глазахъ потемнѣло, такъ, что, казалось, вотъ-вотъ лишится чувствъ. Долго молчалъ; наконецъ съ такимъ усиленіемъ, какъ смертельно раненый вытаскиваетъ желѣзо изъ раны, началъ:

— Въ Россіи существуетъ политическій заговоръ...

И рассказалъ все, что нужно было знать Николаеву о Тайномъ Обществѣ.

— Поѣзжай въ Харьковъ; надобно быть тамъ не позже 15-го, дабы схватить бумаги, посланныя въ Петербургъ прапорщикомъ Вадковскимъ съ поручикомъ графомъ Николаемъ Булгари; въ бумагахъ найдешь списокъ заговорщиковъ. А что дѣлать потомъ, Шервудъ скажетъ.

Подумалъ и прибавилъ:

— Совѣты и объясненія Шервуда принимай съ осторожностью... Ну, что еще? Да, смотри, чтобъ никто не узналъ. Никому не говори, слышишь?

— Слушаю-сь, ваше величество!

Государь всталъ и пошатнулся. Николаевъ бросился къ нему, поддержалъ его и помогъ дойти до стола. Онъ отперъ шкатулку, вынулъ деньги, подорожную на имя Николаева и предписаніе начальника главнаго штаба, генерала Дибича, унтеръ-офицеру Шервуду. Со вчерашняго дня все было готово. Въ предписаніи сказано:

«По письму вашему отъ 20 сентября къ господину генералу-отъ-артиллеріи графу Аракчееву, отправляется, по высочайшему повелѣнію, въ городъ Харьковъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковникъ Николаевъ съ полною высочайшею довѣренностью дѣйствовать по извѣстному вамъ дѣлу».

Отдалъ ему все, вернулся на диванъ и легъ.

— Понялъ?

— Точно такъ, ваше величество!—отвѣтилъ Николаевъ и, подумавъ, спросилъ:—Заговорщиковъ арестовать прикажете?

Государь ничего не отвѣтилъ, опять закрылъ глаза; зналъ, что стоитъ ему произнести одно слово: «арестовать»,— и все сдѣлано, кончено, желѣзо изъ раны вынуто — и онъ спасенъ, исцѣленъ: зналъ—и не могъ сказать этого слова; чувствовалъ, что желѣзо перевернулось въ ранѣ, но не вышло.

— Заговорщиковъ арестовать прикажете, ваше величество?—повторилъ Николаевъ, думая, что государь не разслышалъ.

Тотъ открылъ глаза и посмотрѣлъ на него такъ, что ему страшно стало.

— Какъ знаешь. Я тебѣ вѣрю во всемъ...

— Слушаю-съ,—проговорилъ Николаевъ, блѣднѣя.

— Ну, съ Богомъ... Нѣтъ, погоди, дай руку.

Николаевъ подаль ему руку, и государь долго держалъ ее въ своей, долго смотрѣлъ ему въ глаза молча.

— Вѣрный слуга?—произнесъ наконецъ.

— Точно такъ, ваше величество!—отвѣтилъ Николаевъ, и въ глазахъ его засіяла восторженно-влюбленная преданность.—Объ одномъ Бога молю: жизнь положить за ваше величество...

— Ну, вотъ ты какой хорошій... Спасибо, голубчикъ! Помоги тебѣ Богъ! Дай перекрещу.

Николаевъ сталъ на колѣни и заплакалъ; государь обнялъ его и тоже заплакалъ.

Въ тотъ же день вечеромъ онъ лежалъ у себя въ кабинетѣ. Государыня сидѣла рядомъ, какъ всегда, съ книгою и, какъ всегда, не читая, смотрѣла на него украдкою.

— Отчего у васъ глаза красные, Lise?

— Голова болитъ. Рано закрыли печку въ спальнѣ; должно-быть, угорѣла..

Сконфузилась, лгать не умѣла; глаза были красны, потому что плакала. Онъ посмотрѣлъ на нее и подумалъ: «Не сказать ли всего? Нѣтъ, поздно... И зачѣмъ мучить?»

Вонъ у нея какіе глаза,—какъ у той загнуанной лошади съ кровавою пѣною на удилахъ. Бѣдная! Бѣдная!»

— Дайте руку.

Поцѣловаль руку и улыбнулся.

— Ну, полно, полно, будьте же умницей!

Вилліе готовилъ питье въ стаканѣ, подошелъ къ нему и подалъ.

— Что это?

— Нѣсколько капель *acidum muriaticum*. Вы на дурной вкусъ во рту все жаловаться изволите, такъ вотъ, прочистить.

Государь молча отвелъ руку его; но Вилліе опять подалъ.

— Извольте выпить ваше величество!

— Не надо.

— Прошу васъ, выпейте...

— Не надо! Ступай прочь!

Вилліе продолжалъ совать стаканъ. Государь схватилъ его и бросилъ на полъ.

— Къ чорту! Убирайтесь всѣ къ чорту! Убийцы! убійцы! отравители!—закричалъ онъ, и лицо его, искаженное бѣшенствомъ, сдѣлалось похоже на лицо императора Павла I.

Государыня выбѣжала изъ комнаты. Вилліе отошелъ и закрылъ лицо руками. Егорычъ, ползая по полу, подбиралъ осколки стекла.

Государь упалъ въ изнеможеніи на подушки и нѣсколько минутъ лежалъ, не двигаясь; потомъ взглянулъ на Вилліе и сказалъ:

— Яковъ Васильичъ, а Яковъ Васильичъ, гдѣ же ты? Поди сюда. Ну, не сердись, помирися... Какъ же ты не видишь, что я имѣю свои причины такъ дѣйствовать?

— Какія же причины, ваше величество? Если вы мнѣ не довѣряете, позовите другого врача. Но не могу, не могу я видѣть, какъ вы себя убиваете...

Заплакалъ. Государь посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ: никогда не видѣлъ его плачущимъ.

— Послушай, мой другъ, я не хуже твоего знаю, что мнѣ вредно и что полезно. Мнѣ нужно только спокойствіе...

Помолчалъ и прибавилъ по-французски:

— Обратите вниманіе на мои нервы, они очень разстроены. Не раздражайте же ихъ пустыми лѣкарствами...

Вилліе ничего не отвѣтилъ и задумался.

— Замучилъ я тебя, Яковъ Васильевичъ, — улыбнулся государь своей доброй улыбкой и пожалъ ему руку. — Скажи Тарасову, пусть посидитъ у меня, а ты ступай, отдохни.

«Не вѣрять мнѣ», подумалъ Вилліе и обидѣлся; но заглушилъ обиду: любилъ, жалѣлъ его, такъ же какъ Волконскій и Анисимовъ.

— Ваше величество, лѣчитесь у кого угодно, — только, ради Бога, лѣчитесь! Ну, если не хотите лѣкарствъ, можно кровь пустить...

— Кровь пустить? — повторилъ государь и посмотрѣлъ на него, усмѣхаясь. — А тебѣ не страшно?

— Что же тутъ страшнаго? Пустое дѣло...

— Пустое дѣло — кровь? — продолжалъ государь усмѣхаться. — Страшно видѣть кровь человѣческую, а кровь царя — еще страшнѣе? Или все равно — одна кровь?.. Знаю, братъ, ты мастеръ кровь пускать. Дѣло мастера боится, но есть дѣла, которыхъ самъ мастеръ боится... Нѣтъ, не надо крови!

Сложилъ руки молитвенно и прошепталъ:

— Избави мя отъ кровей, Боже, Боже, спасенія моего! И опять посмотрѣлъ на него.

— Какое дѣло, мой другъ, какое ужасное дѣло! — произнесъ такъ, что Вилліе подумалъ: «бредить», — потихоньку всталъ, вышелъ и послалъ къ нему Тарасова.

— Я ни за что не отвѣчаю, — говорилъ Вилліе Волконскому. — Все идетъ худо, и надо ждать самаго худшаго. Никого не хочеть слушаться. Упрямя..

Едва не повторилъ слова Наполеона: «упрямя, какъ мулъ».

— Самодержавный,—да вѣдь болѣзнь еще самодержавнѣе. И что съ нимъ? что съ нимъ?—прибавилъ задумчиво:—если бы только знать, что съ нимъ такое?..

— Не лихорадка, вы думаете?—спросилъ Волконскій.

— Нѣтъ, я не о томъ,—возразилъ Вилліе:—тутъ не болѣзнь, не только болѣзнь...

Говорили въ проходной залѣ-приемной, рядомъ съ кабинетомъ государевымъ. Было темно, и въ самомъ темномъ углу государыня, стоя лицомъ къ стѣнѣ, плакала. Они ея не видѣли. Она прислушалась и вдругъ перестала плакать; вышла потихоньку изъ комнаты и прошла къ себѣ въ кабинетъ; легла ничкомъ на диванъ, уткнувъ лицо въ подушку. Все застыло въ ней, окаменѣло, замерло.

«Что съ нимъ? Что съ нимъ? Заговоры! Тайное Общество,—вотъ что. А я и забыла, о себѣ думала, а о немъ забыла. Онъ умираетъ отъ этого, и я ничего, ничего, ничего не могу сдѣлать!»

Вдругъ вспомнила, какъ въ ту послѣднюю ночь передъ его возвращеніемъ изъ Крѣма была счастлива и, глядя на звѣзды, плакала, молилась, благодарила Бога. Да, Богъ наказываетъ ее, за то что она слишкомъ любитъ. Но зачѣмъ же именно тогда, когда она была такъ счастлива? Зачѣмъ? За что?

Слѣдующіе три дня, отъ 11 до 13 ноября все было попрежнему; опять ни хуже, ни лучше, или то хуже, то лучше. Болѣзнь играла съ нимъ, какъ кошка съ мышью. Все еще утромъ вставалъ, одѣвался, но уже ходилъ съ трудомъ и большую часть дня лежалъ на диванѣ. Видимо, слабѣлъ. Жаръ не прекращался. Лихорадка изъ перемежающейся сдѣлалась непрерывной. О *febris gastrica biliosa* доктора уже не говорили, боялись горячки; особенно, пугала ихъ сонливость больного; не позволяли ему много спать, будили.

— Не будите меня, дайте поспать,—просилъ онъ жалобно.—Оставьте меня въ покоѣ, ради Бога, оставьте! Мнѣ нужно только спокойствіе. И мнѣ такъ хорошо, спокойно...

И опять засыпалъ.

«А вѣдь это смерть?—подумалъ однажды.—Ну, что жъ, смерть такъ смерть, и слава Богу!»

Страха не было, а было разрѣшеніе, освобожденіе послѣднее; была надежда безконечная, тотъ зовъ таинственный, который слышался ему когда-то въ кликахъ журавлиныхъ и въ паденіи кометы стремительномъ.

Въ одну изъ рѣдкихъ минутъ полного сознанія позвалъ Дибича и спросилъ:

— Посланъ ли курьеръ за Голицынымъ?

— Точно такъ, ваше величество,—отвѣтилъ Дибичъ и хотѣлъ еще что-то сказать, но государь былъ такъ плохъ, что онъ вышелъ, ничего не сказавъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Утромъ, въ субботу, 14 ноября, въ обычный часъ, въ половинѣ седьмого, государь всталъ, одѣлся, перешелъ изъ кабинета въ уборную, съ помощью Егорыча, потому что былъ очень слабъ, сѣлъ за маленькій туалетный столикъ съ круглымъ зеркаломъ и велѣлъ подать бриться. Егорычъ подалъ теплой воды, тазикъ съ мыломъ и бритвы. Государь началъ бриться; руки у него тряслись отъ слабости; сдѣлалъ порѣзъ на подбородкѣ, увидѣлъ кровь, поблѣднѣлъ, пошатнулся, не удержался на стулѣ и свалился на полъ. Столикъ опрокинулся, зеркало разбилось.

Егорычъ, вышедшій на минуту изъ комнаты, вбѣжалъ на грохотъ паденія и, увидѣвъ государя, лежавшаго на полу безъ чувствъ, бросился изъ уборной въ кабинетъ, залу и дальше по всѣмъ комнатамъ.

— Помогите! Помогите! Государь кончается!

Весь домъ всполошился. Люди закричали, забѣгали, заметались безъ-толку.

Прибѣжалъ Вилліе; увидѣвъ кровь на подбородкѣ и шеѣ государя, подумалъ, что онъ зарѣзался, и такъ перепугался, что самъ едва не лишился чувствъ.

А государь все еще лежалъ на полу, и никто ничего не дѣлалъ, только ахали да охали. Анисимовъ крестился и всхлипывалъ. Императрицынъ лейбъ-медикъ, старичокъ Штофрегень, старался откупорить склянку съ одеколономъ, но все не могъ. Волконскій, въ одномъ бѣльѣ, въ шлафроктѣ, стоя въ дверяхъ и остолбенѣвъ отъ ужаса, загоразживалъ

входъ. Государыня, вбѣгая въ комнату, должна была оттолкнуть его. Полураздѣтая, въ сбившемся ночномъ чепчикѣ, только что вскочила она съ постели. Взглянувъ на государя, подумала, что онъ умираетъ, но не потерялась, какъ всѣ: лицо ея сдѣлалось вдругъ спокойнымъ и рѣшительнымъ. Велѣла поднять его и перенести въ спальню.

Перенесли и уложили на узкую походную кровать, на которой онъ всегда спалъ. Когда Вилліе стеръ мыло съ подбородка и увидѣлъ, что кровь сочится изъ ничтожной царапины, сдѣланной бритвою, то успокоился и успокоилъ государыню, что это простой обморокъ отъ слабости. Въ самомъ дѣлѣ, государь скоро очнулся.

— Что это было, Lise?

— Ничего, мой другъ, вамъ сдѣлалось дурно, и мы перенесли васъ на постель.

— Напугалъ я васъ? Какія глупости... Зачѣмъ?.. — говорилъ онъ, видимо еще не совсѣмъ понимая, что говорить. — А гдѣ же онъ?..

— Кто онъ?

Но государь ничего не отвѣтилъ и оглянулся, какъ будто только теперь пришелъ въ себя.

— Ступайте же, ступайте всѣ! Скажите имъ, Lise, чтобъ ушли. Никого не надо. Я хочу спать...

Закрывъ глаза и впалъ въ забытѣе. Оно продолжалось весь день. Былъ сильный жаръ. Тяжело дышалъ, стоналъ и метался, жаловался на головную боль, особенно, въ лѣвомъ вискѣ. Кожа на затылкѣ и за ушами покраснѣла; лицо подергивала судорога; глоталъ съ трудомъ.

Доктора опасались воспаленія мозга; предложили поставить за уши пиявки, но онъ и слышать не хотѣлъ, кричалъ:

— Оставьте, оставьте, не мучьте меня, ради Бога!

Въ тотъ же день ночью, въ приѣмной залѣ, рядомъ съ кабинетомъ, доктора совѣщались, въ присутствіи государыни и князя Волконскаго.

— Онъ въ такомъ положеніи, что самъ не понимаетъ, что говорить и что дѣлаетъ. Надо употребить силу, иного средства нѣтъ, — говорилъ Вилліе.

— Есть еще одно, — возразилъ Волконскій.

— Какое же?

— Предложить его величеству причаститься, наставя духовника, дабы старался увѣщавать его къ принятію лѣкарствъ

Всѣ замолчали, ожидая, что скажетъ государыня.

— Вы думаете, Вилліе? — начала она и не кончила.

— Да, если бы, ваше величество...

— Сейчасъ?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Лицо ея сдѣлалось такимъ же спокойнымъ и рѣшительнымъ, какъ давеча. Перекрестилась, вошла въ комнату больного и сѣла къ нему на постель. Онъ посмотрѣлъ на нее внимательно.

— Что вы, Lise?

— У меня къ вамъ просьба, — заговорила она по-французски: — такъ какъ вы отказались отъ всѣхъ лѣкарствъ, то, можетъ-быть, согласитесь на то, что я вамъ предложу?

— Что же?

— Причаститься:

Онъ зналъ, что умираетъ, а все же удивился.

— Развѣ я такъ плохъ?

— Нѣтъ, мой другъ, — отвѣтила она, и лицо ея сдѣлалось еще спокойнѣе: — но всякій христіанинъ употребляетъ это средство въ болѣзняхъ...

— Позовите Вилліе, — сказалъ государь.

Вилліе вошелъ.

— Развѣ я такъ боленъ, что причаститься надо? Говори правду, не бойся.

— Не могу скрыть отъ вашего величества, что вы находитесь въ опасномъ положеніи...

— Хорошо, позовите священника.

Послали за соборнымъ протоіереемъ, о. Алексѣемъ Федотовымъ, тѣмъ самымъ, что на именинной кулебякѣ у городничаго Дунаева предсказывалъ: «будетъ вамъ всѣмъ шишъ подъ носъ!»

О. Алексѣй любилъ выпить, и въ эту ночь, послѣ четырехъ купеческихъ свадебъ въ городѣ, былъ пьянъ. Когда пришли за нимъ изъ дворца, мать-протопопица долго не могла его добудиться; когда же, наконецъ, онъ очнулся и понялъ, куда и зачѣмъ его зовутъ, то испугался такъ, что руки, ноги затряслись: «кондрашка едва не хватилъ», — рассказывалъ въ послѣдствіи. Выливъ себѣ ушатъ холодной воды на голову, кое-какъ оправился и поѣхалъ во дворецъ.

Въ это время у больного сдѣлался потъ съ такой изнуряющей слабостью, что доктора сочли нужнымъ подождать съ причастіемъ.

Въ пять часовъ утра онъ спросилъ:

— Гдѣ же священникъ?

О. Алексѣя ввели въ комнату.

— Поступайте со мною, какъ съ христіаниномъ, забудьте мое величество, — сказалъ ему государь то, что говорилъ всѣмъ духовникамъ своимъ.

Началась исповѣдь.

Сколько разъ думалъ онъ объ этой минутѣ и хотѣлъ представить себѣ, что будетъ чувствовать, когда наступитъ она, но вотъ наступила, и ничего не почувствовалъ. Говорилъ о самомъ стыдномъ, страшномъ, тайномъ въ жизни своей и, глядя на сѣдую, почтенную бороду о. Алексѣя, замѣчалъ, какъ она гладко, волосокъ къ волоску, расчесана; смотрѣлъ на жиромъ заплывшіе, всегда веселые и плутоватые, а теперь испуганные глазки его и думалъ: «нѣтъ, не забудетъ онъ мое величество»; замѣтилъ также, что петельки на темно-лиловой шелковой рясѣ его неровно застегнуты, должно-быть, второпяхъ: самый верхній крючокъ остался безъ петельки; смотрѣлъ на красно-сизыя жилки на носу его и думалъ: «должно-быть, пьетъ». И вдругъ опомнился: «что это, что это я, Господи! въ такую минуту!..» Хотѣлъ ужаснуться, но ужаса не было, — ничего не было, кромѣ скуки и желанія поскорѣе отдѣлаться.

Когда исповѣдь кончилась, всѣ вошли въ комнату, и государь причастился.

Подходили, поздравляли его. И, глядя на торжественныя лица, онъ чувствовалъ, что надо сказать что-то, чтобъ соблюсти приличіе. Оглянулся, нашель глазами государыню и произнесъ внятно, раздѣльно, нарочно по-русски, чтобы всѣ поняли.

— Я никогда не былъ въ такомъ утѣшительномъ положеніи, какъ теперь. Благодарю васъ, мой другъ!

«Ну, кажется, все? — подумаль. — Нѣтъ, еще что-то.

О. Алексѣй опустился на колѣни, держа въ одной рукѣ крестъ, въ другой — чашу. Государь посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ

— Что еще? Что такое? Встаньте же, встаньте! Развѣ можно на колѣняхъ съ чашею?..

Колѣнопреклоненіе передъ нимъ священниковъ всегда казалось ему кощунственнымъ. Сколько разъ приказывалъ, чтобъ этого не было, — и вотъ опять, въ такую минуту

— Вы уврачевали душу, государь; отъ лица всей церкви и всего народа молю васъ: уврачуйте же и тѣло, — говорилъ о. Алексѣй, видимо, слова заученныя.

— Встаньте, встаньте, — повторялъ государь съ отвращеніемъ.

Но о. Алексѣй не вставалъ.

— Не отказывайтесь отъ помощи медиковъ, ваше величество, извольте пѣявки...

— Не надо, не надо, оставьте! — началъ государь и не кончилъ, махнулъ рукою съ безконечною скукою: — ну, хорошо, дѣлайте, что знаете...

Духовникъ отошелъ, и врачи приступили. Поставили 35 пѣявокъ къ затылку и за уши: къ рукамъ и къ бедрамъ — горчичники; холодныя примочки на голову; поставили также клистиръ и начали давать лѣкарства внутрь. Возились часа два. Онъ уже ничему не противился. Когда кончили, такъ ослабѣлъ, что впалъ въ забытье, похожее на обморокъ.

Поздно ночью дежурный лѣкаръ Тарасовъ вышелъ посоветоваться о чемъ-то съ Вилліе; въ комнатѣ больного никого не было, кромѣ Анисимова. Государь очнулся и велѣлъ Егорычу снять горчичники.

— Доктора не велять, ваше величество! Потерпите...

— Самъ потерпи! — крикнулъ государь и началъ срывать горчичники.

Егорычъ помогъ ему; онъ опять забылся; потомъ вдругъ открылъ глаза и заговорилъ измѣнившимся голосомъ:

— Егорычъ, а Егорычъ, гдѣ же онъ?

— Кого изволите, ваше величество?

— Кузьмичъ, Ѳедоръ Кузьмичъ, будто не знаешь? — шепталъ государь быстрымъ, слабымъ шопотомъ: — на базарѣ тутъ старичокъ одинъ, странничекъ; по большимъ дорогамъ ходитъ, на построение церкви собираетъ, — Ѳедоръ Кузьмичъ... Сходи, узнай. Да поскорѣй, поскорѣй, а то поздно будетъ. Поговорить съ нимъ надо, Егорычъ, голубчикъ, ради Бога! Только чтобъ никто не зналъ, слышишь? Сохрани Боже, Дибичъ узнаетъ — плетью запереть, скажетъ: бродяга безпаспортный...

Егорычъ блѣднѣлъ и крестился; понималъ, что онъ бредитъ; но казалось, что это не просто и что не все въ этомъ бреду бредъ.

— Ну, чего ты? Чего боишься? — продолжалъ государь. Сказано: человекъ Божій. Куда лучше насъ съ тобой. Вотъ бы кого на царство-то! Помазанникъ Божій, воистину... Да нѣтъ, не пойдетъ, что ему? Онъ и безъ царства царь. Нищій, да царь. Ну какъ этакого-то плетью? Царя-то плетью! Все равно, что меня бы... Вѣдь и лицомъ похожъ на меня. Не такъ, чтобы очень, а сходство есть. Бѣлобрысенькій, лысенькій, голубенькіе глазки, совсѣмъ какъ у теленочка, какъ у меня самого въ зеркалѣ... Въ зеркалѣ-то давеча, какъ брился да со стула упалъ, я вѣдь его увидѣлъ, ты что думаешь? — его, его, Ѳедора Кузьмича, право! Только ты, братъ, никому не говори, я тебѣ по секрету...

— Ваше величество! Ваше величество! — лепеталъ Егорычъ въ ужасѣ.

Государь хотѣлъ еще что-то сказать, приподнялся, но упалъ на подушки и закрылъ глаза въ изнеможеніи; потомъ опять раскрылъ ихъ и посмотрѣлъ на Егорыча, какъ будто съ удивленіемъ.

— Ну, что, что такое? Что ты на меня так смотришь? Что я сейчас говорю?..

— Не могу знать, ваше величество! О Федоръ Кузьмичъ...

— Вадоръ! А ты зачѣмъ слушаешь? Дуракъ! Ступай вонъ, позови Тарасова.

Всю ночь бредилъ, стоналъ и метался. Спрашивалъ о Софьѣ, какъ о живой, и о князѣ Валерьянѣ Михайловичѣ Голицынѣ, — скоро ли пріѣдетъ?

Къ утру сдѣлалось такъ худо, что думали, — кончается. Четвертый день не принималъ пищи, — все время тошнило, — только съѣдалъ иногда ложечку лимоннаго мороженаго; почти не говорилъ, но когда подходила къ нему государыня, улыбался ей молча, бралъ ея руку въ свои, цѣловалъ, клалъ себѣ на голову или на сердце.

— Устали? Отчего не гуляете? — сказалъ однажды въ два часа ночи: должно-быть, дни и ночи для него уже спутались.

Иногда складывалъ руки и молился шопотомъ.

Утромъ, во вторникъ, 17 ноября, доктора ставили ему на затылокъ мушку. Онъ кричалъ; потомъ уже не могъ кричать и только стоналъ однообразнымъ, безконечнымъ стономъ:

— Охъ-охъ-охъ-охъ!

Государыня не узнавала голоса его: что-то было въ этомъ стонѣ ужасное, похожее на вой собаки. Заткнула уши, бросилась вонъ изъ комнаты. Но и сквозь стѣны слышала. Выбѣжала въ садъ.

Было ясное утро; лучезарное солнце, голубое небо, голубое море съ бѣлымъ парусомъ; тишина, прозрачность и звонкость хрустальная. Она смотрѣла на все съ удивленіемъ. Между этимъ яснымъ утромъ и тѣмъ воющимъ, лающимъ стономъ противорѣчіе было нестерпимое. Подняла глаза къ небу, вспомнила: *просите и дастся вамъ*: — «Ну, вотъ прошу, прошу, прошу! сдѣлай, сдѣлай, сдѣлай!» — какъ будто не молилась, а приказывала.

Вернулась въ комнаты. Стопъ затихъ. Въ пріемной Вилліе говорилъ что-то дежурнымъ лѣкарямъ, Тарасову и Добберту. Подошла и прислушалась:

— Кажется, мушка дѣйствуетъ; смотрите же, чтобъ не сорвалъ, какъ намедни горчичники. А если надо будетъ, въ крайнемъ случаѣ...

Кончилъ шопотомъ. Она не слышала, но поняла. «Руки ему свяжутъ, что ли, какъ сумасшедшему? Нѣтъ, нѣтъ, лучше я сама»...

Вошла въ кабинетъ. Лицо у него было какъ у ребенка, котораго обидѣли, и который только что пересталъ плакать. Узналъ ее и какъ всегда улыбнулся ей.

— *Est-ce que cela ne vous fatiguera pas, chère amie?*

Шторы на окнахъ были спущены. Онъ взглянулъ на нихъ и сказалъ:

— Подымите шторы.

Подняли. Солнце залило комнату.

— Какая погода! — сказалъ онъ громко, внятно, почти обыкновеннымъ своимъ голосомъ.

Хотѣлъ поднять руку къ затылку. Она удержала ее.

— Что это? — спросилъ онъ. — Отчего такъ больно?

— Вамъ поставили мушку, чтобъ кровь оттянуть.

Опять поднималъ руку, она опять удержала, — и такъ много разъ. Умоляла, ласкала, боролась; и въ этомъ нѣжномъ насиліи было что-то давнее-давнее, напоминавшее первыя ласки любви:

Амуру вздумалось Психею,

Рѣзвися, поймать...

Увидѣлъ Егорыча и тоже улыбнулся ему:

— Что, братъ, усталъ? Поди, отдохни.

— Ничего, ваше геничество, только бы вамъ полегче...

— Мнѣ лучше, развѣ не видишь?

— Слава тебѣ, Господи! — перекрестился Егорычъ. — Выбаливается, здоровъ будетъ! — шепнулъ онъ государынѣ съ такою вѣрою, что и она вдругъ повѣрила.

«Сдѣлай, сдѣлай, сдѣлай!» — молилась и уже знала, что сдѣлалъ, — чудо совершилось.

«Дорогая матушка, — писала въ тотъ день императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ, — сегодня, да будетъ воздано за то тысячи благодареній Всевышнему, — наступило улучшение явное. О Боже мой, какія минуты я пережила! Могу себѣ представить и ваше безпокойство. Вы получаете бюллетень; слѣдовательно, должны знать, что было съ нами вчера и еще сегодня ночью. Но нынче самъ Вилліе говоритъ, что состояніе больного удовлетворительно. Я едва помню себя и больше ничего не могу вамъ сказать. Молитесь съ нами»...

Въ 5 часовъ вечера сидѣла у него на постели и держала руку его въ своей; рука его опять пылала: жаръ усилился. Онъ забывался и говорилъ съ трудомъ:

— *Ne rougait-on pas, dites moi un peu...*—начиналъ и не кончалъ; потомъ — по-русски: Дайте мнѣ...

Пробовали давать чаю, лимонаду, мороженого, но по глазамъ его видѣли, что все не то. Наконецъ подозвалъ Волконскаго.

— Сдѣлай мнѣ...

— Что прикажете сдѣлать, ваше величество?

Государь посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Полосканье.

Волконскій началъ дѣлать, хотя зналъ, что государю уже нельзя полоскать рта отъ слабости. Онъ, впрочемъ, опять забылся.

Еще нѣсколько разъ начиналъ:

— *Ne rougait-on pas?.. Il faudrait...*

Наконецъ прибавилъ чуть слышно:

— *Renvoyer tout le monde.*

Но никого не было въ комнатѣ, кромѣ государыни и Волконскаго, который стоялъ въ углу, такъ что больной не могъ его видѣть.

— О, пожалуйста, пожалуйста!.. — повторялъ онъ съ мольбою, какъ будто не хотѣли сдѣлать того, о чемъ онъ просилъ.

И вдругъ опять, какъ давеча, внятно, громко, почти обыкновеннымъ своимъ голосомъ:

— Я хочу спать.

Это были послѣднія слова его, которыя она слышала.

Онъ лежалъ высоко на подушкахъ, почти сидѣлъ; когда сказалъ: «я хочу спать», — опустилъ голову и закрылъ глаза попробовалъ сложить руки, какъ для молитвы, но уже не могъ: руки упали на одѣяло, безсильныя. Улыбнулся, какъ тогда, въ началѣ болѣзни, когда она еще не понимала, что значить эта улыбка, — теперь поняла. Лицо тихое, свѣтлое и такое прекрасное, какимъ она никогда не видѣла его. «Ангель, котораго мучаютъ, — подумала. — И какъ я сдѣлаю, чтобъ его еще больше любить, когда...» Хотѣла подумать: «когда онъ будетъ здоровъ», — и вдругъ поняла, только теперь, за всю болѣзнь, въ первый разъ поняла, что не будетъ здоровъ, что это—смерть.

Онъ открылъ глаза и посмотрѣлъ на нее. Она увидѣла, что онъ хочетъ ей что-то сказать, и наклонилась.

— Не страшно, Lise, не страшно... — прошепталъ такъ тихо, что она не слышала; хотѣлъ сказать: «не страшно впасть въ руки Бога живаго», но, взглянувъ на нее, понялъ, что говорить не надо, — она уже знаетъ все.

Въ это время въ пріемной Волконскій шептался съ Дибичемъ.

— Положеніе мое, князь, весьма затруднительно: мнѣ, какъ начальнику штаба, необходимо знать, къ кому относиться, въ случаѣ кончины его величества, — говорилъ Дибичъ.

— Я полагаю, къ государю наслѣднику, Константину Павловичу, — отвѣтилъ Волконскій.

Объ отреченіи Константина оба ничего не знали, но и у нихъ, какъ у всѣхъ, при этомъ имени, мелькало сомнѣніе.

— Да, къ Константину Павловичу, — продолжалъ Дибичъ: — однако, послѣдняя воля его величества намъ неизвѣстна..

— О чемъ же вы раньше думали? — проговорилъ Волконскій съ нетерпѣніемъ.

— Позвольте вамъ напомнить, князь, что я неоднократно о семъ имѣлъ честь докладывать вашему сіятельству, — возразилъ Дибичъ тоже съ нетерпѣніемъ.

— Отчего же мнѣ докладывали, а сами не дѣлали?

— Я полагаю, что неприлично...

— И хотѣли, чтобы я за васъ неприлично сдѣлалъ?

Стояли другъ противъ друга, какъ два пѣтуха, готовые къ бою. Волконскій смотрѣлъ на него свысока, потому что иначе не могъ: голова Дибича приходилась едва по плечо собесѣднику; карапузикъ маленькій, толстенькій, съ большой головой и кривыми ножками; когда маршировали въ строю, долженъ былъ бѣгать въ припрыжку; движенія кособокія, неуклюжія, ползучія, какъ у краба; видъ заспанный, неряшливый; на сюртукѣ вѣчно какой-нибудь пухъ или перышко; рыжіе волосы взъерошены; лицо налитое, красное: увѣряли, будто бы пьетъ. Но наружность его была обманлива: неутомимо-дѣятеленъ, горячъ, кипучъ, вспыльчивъ до самозабвенія (не даромъ впослѣдствіи, въ турецкомъ походѣ, солдаты прозвали его: «самоваръ-паша») и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хладнокровенъ, тонокъ, уменъ, проицателенъ. Государю потакалъ во всемъ, а тотъ почти боялся его. «Дибичу пальца въ ротъ не клади», — говаривалъ.

Дибичъ и Волконскій другъ друга ненавидѣли. Одинъ — русскій князь, вельможа съ головы до ногъ; другой — прощальга, выскочка, сынъ бѣднаго капрала изъ Прусской Силезіи, пришедшій въ Россію чуть не пѣшкомъ, съ котомкой за плечами. Дибичъ называлъ князя «старой калошей», а тотъ его — «Аракчеевской тварью, порожденіемъ схи́днимъ». Но какъ ни презиралъ онъ Дибича, а втайнѣ чувствовалъ, что не ему, русскому князю, а этому нѣмецкому выскочкѣ принадлежитъ будущее.

— Чего же вы отъ меня желаете, ваше превосходительство? — проговорилъ, наконецъ, Волконскій, едва сдерживаясь.

— Не будете ли такъ добры, князь, доложить ея величеству?

— Ну, нѣтъ, слуга покорный! Сами извольте докладывать...

Стальные глазки Дибича сверкнули злобою, лицо вспыхнуло, «самоваръ» закипѣлъ.

— Воля ваша, князь, но если что случится, — не моя вина. Обращаясь къ вашему сіятельству, я полагалъ, что въ такую минуту слѣдуетъ оставить всякія личности, памятуя токмо о долгѣ службы передъ царемъ и отечествомъ. Но видно ошибся... Честь имѣю кланяться?

— Погодите, — остановилъ его Волконскій, — хотите, сдѣлаемъ такъ: вмѣстѣ войдемъ, и вы при мнѣ доложите ея величеству?

Дибичъ согласился. Вошли въ кабинетъ. Больной лежалъ въ забытіи. Государыня стояла на колѣняхъ, опутивъ голову на край постели и закрывъ лицо руками. Когда вошли, обернулась и встала; по лицамъ ихъ увидѣла, что хотятъ ей что-то сказать, и подошла къ нимъ.

Дибичъ заговорилъ, но она долго не могла понять.

— Богъ одинъ можетъ помочь и спасти государя; однакоже, спокойствіе и безопасность Россіи требуютъ, чтобы, на всякій случай, приняты были надлежащія мѣры. Прошу ваше величество сказать мнѣ, къ кому, въ случаѣ несчастья, должно будетъ относиться?..

Поняла, наконецъ, и почувствовала такое оскорбленіе, что хотѣлось закричать, зѣтопать ногами, выгнать, вытолкать его изъ комнаты: казалось, что онъ снимаетъ съ государя мѣрку гроба заживо.

— Разумѣется, къ наслѣднику Константину Павловичу, — проговорила, едва сознавая, что говорить, только бы отъ него отдѣлаться. При имени Константина, ей что-то смутно вспомнилось, но не могла теперь думать объ этомъ.

— Слушаю-съ, ваше величество, — сказалъ Дибичъ и хотѣлъ еще что-то прибавить, но она остановила его:

— Прошу васъ, оставьте меня...

И отошла къ постели больного. А Дибичъ все еще стоялъ, какъ будто ждалъ чего-то; смотрѣлъ на государя, и ему казалось, что тотъ на него тоже смотритъ. «Не спросить ли?» — подумалъ, но махнулъ рукою и вышелъ изъ комнаты.

Пятую ночь никто во дворцѣ не ложился. Вилліе былъ боленъ отъ усталости; Волконскому нѣсколько разъ дѣлалось дурно; Егорычъ едва на ногахъ держался. Одна государыня

казалась бодрою; всегда больная, слабая, теперь была сильнѣе всѣхъ.

Въ окнахъ свѣтлѣло, въ окнахъ темнѣло; огни зажигались, огни потухали, — но для нея уже не было времени.

Больной всегда чувствовалъ ея присутствіе; говорить уже не могъ, только шевелилъ губами беззвучно, и она тотчасъ понимала, чего онъ хочетъ: клала ему руку на сердце, на голову и цѣлыми часами держала такъ. Однажды почувствовала на щекѣ своей два слабыхъ движенія губъ: то былъ его послѣдній поцѣлуй.

Въ другой разъ, увидѣвъ Волконскаго, онъ улыбнулся ему; а когда тотъ сталъ цѣловать ему руки, — сдѣлалъ знакъ глазами: не надо цѣловать руки.

Съ минуты на минуту, ждали конца. 18 ноября, въ среду утромъ, начались опять судороги въ лицѣ. Дышалъ такъ тяжело и хрипло, что слышно было изъ сосѣдней комнаты. Лицо помертвѣло, кончикъ носа заострился, глаза ввалились и заткались паутиною смертною. Думали — конецъ. Позвали священника читать отходную. Но судороги мало-помалу затихли. Часы пробили 9. Онъ перевелъ на нихъ глаза, и взоръ былъ полонъ жизни; потомъ взглянулъ на дежурнаго гофъ-медика Добберта, котораго не привыкъ видѣть у себя въ комнатѣ, и долго смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, какъ будто хотѣлъ спросить, зачѣмъ онъ здѣсь.

И вдругъ опять начали надѣяться. Чтобы не умеръ отъ истощенія, такъ какъ давно уже глотать не могъ, — поставили два клистира изъ бульона, свареннаго на смоленской крупѣ.

Но недолго надѣялись: въ тотъ же день, около полуночи, началась агонія.

Государыня держала голову его въ рукахъ своихъ, иногда мочила пальцы въ холодной водѣ и проводила ими внутри воспаленныхъ губъ его, чтобъ освѣжить ихъ. Онъ сосалъ пальцы ея, и она улыбалась ему, какъ мать ребенку, котораго кормить.

Агонія длилась всю ночь до утра. Утро въ четвергъ, 19-го ноября, было пасмурное. Во всѣхъ церквахъ служились

молебны объ исцѣленіи государя. На площади передъ дворцомъ толпился народъ.

Умирающій былъ въ полномъ сознаніи; часто открывалъ глаза и смотрѣлъ то на распятіе въ золотомъ медальонѣ, висѣвшее на стѣнѣ, благословеніе отца, то на государыню. Дыханіе становилось все рѣже и рѣже, и съ каждымъ разомъ слабѣе, короче; нѣсколько разъ совсѣмъ останавливалось и потомъ опять начиналось; наконецъ въ послѣдній разъ вдохнулъ въ себя воздухъ и уже не выдохнулъ.

Вилліе пощупалъ пульсъ и молча взглянулъ на государыню. Она перекрестилась. Было 10 ч. 47 м. утра.

Всѣ плакали, не плакала одна государыня. Опустилась на колѣни, поклонилась въ ноги усопшему, встала, закрыла, ему глаза и долго держала пальцы на вѣкахъ, чтобъ не открылись; сложила носовой платокъ тщательно, подвязала покойнику нижнюю челюсть, перекрестила его и поцѣловала въ лобъ, какъ всегда дѣлала на ночь; еще разъ поклонилась въ ноги вышла изъ комнаты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

— Упокой, Господи, душу усопшаго раба Гвоего, благочестивѣйшаго государя императора Александра Перваго всея Россіи! — слышалось надгробное пѣніе, и никто не удивлялся что царя называютъ рабомъ.

Обмытый, убранный, въ чистомъ бѣльѣ и бѣломъ шлафрокѣ, онъ лежалъ тамъ же, гдѣ умеръ, въ кабинетѣ-спальнѣ, на узкой желѣзной походной кровати. Въ головахъ — икона Спасителя, въ ногахъ — аналой съ Евангеліемъ. Четыре свѣчи горѣли дневнымъ тусклымъ пламенемъ, какъ тогда, мѣсяць назадъ, когда онъ читалъ записку о Тайномъ Обществѣ. Въ лучахъ солнца (погода разгулялась) струились голубыя волны ладана.

Нижняя челюсть покойника все еще была подвязана, чтобъ ротъ не раскрывался; узелокъ затянуть тщательно, и на макушкѣ торчали два бѣлыхъ кончика. Лицо помолодѣло похорошѣло, и такое выраженіе было въ немъ, какъ будто онъ сдѣлалъ то, что надо было сдѣлать, и теперь ему хорошо, — «все хорошо навѣки вѣковъ».

На первой панихидѣ присутствовала государыня; все еще не плакала; лицо ея было такъ же спокойно, какъ лицо усопшаго.

На другой день, 20 ноября, въ пятницу, въ семь часовъ вечера, въ присутствіи начальника штаба, генерала Дибича, генераль-адъютанта Чернышева и девяти докторовъ, въ томъ числѣ Вилліе, Штофрегена и Тарасова, произведено было вскрытіе тѣла.

Доктора нашли, что мозгъ почернѣлъ съ лѣвой стороны, именно тамъ, гдѣ государь жаловался на боль. Въ протоколѣ было сказано: «по отдѣленіи пилою верхней части черепа изъ затылочной стороны вытекло два унца венозной крови, а при извлеченіи мозга изъ полости онаго найдено прозрачной сукровицы (serositas) до двухъ унцовъ. Сіе анатомическое изслѣдованіе очевидно доказываетъ, что августѣйшій нашъ монархъ былъ одержимъ острою болѣзнью, коею первоначально поражена была печень и прочіе къ отдѣленію желчи служащіе органы; болѣзнь сія, въ продолженіи своемъ, постепенно перешла въ жестокую горячку съ воспаленіемъ мозга и была, наконецъ, причиною смерти его императорскаго величества».

Чтобы тѣло перевезти въ Петербургъ, почти за двѣ тысячи верстъ, надо было набальзамировать его. Дибичъ поручилъ бальзамированье лейбъ-хирургу Тарасову, когда же тотъ отказался «изъ сыновняго чувства и благоговѣнія къ покойному императору», то—гофъ-медикамъ Рейнгольду и Добберту.

Тотчасъ по вскрытіи, тутъ же, въ кабинетѣ государя, приступили къ дѣлу: велѣно было кончить въ ту же ночь до утра.

Во второмъ часу ночи Дибичъ отправилъ своего адъютанта, молоденькаго штабнаго офицера, Николая Ивановича Шенига, во дворецъ, чтобы узнать, какъ идетъ бальзамированье.

Шенигъ не нашелъ во дворцѣ никого, кромѣ стоявшаго на часахъ у входа казачьяго офицера. На время бальзамированья и установки катафалка государыня выѣхала въ сосѣдній домъ Шихматова.

Пройдя по пустыннымъ и темнымъ комнатамъ, Шенигъ подошелъ къ двери кабинета, дверь была заперта; постучался; изнутри окликнули, опросили и, наконецъ, отперли.

Когда онъ вошелъ, на него пахнуло удушливымъ запахомъ лѣкарствъ, ароматическихъ травъ, уксуса, спирта и еще чѣмъ-то тяжелымъ — только потомъ понялъ онъ, что это трупный запахъ. По срединѣ комнаты стоялъ большой

кухонный столъ; вокругъ него толпились люди въ запачканныхъ фартукахъ; что-то длинное, бѣлое лежало на столѣ. Онъ зналъ что, но не хотѣлъ вглядываться; зажмуривъ глаза, стараясь не дышать носомъ, подошелъ къ гофъ-медикамъ, Рейнгольду и Добберту. Они сидѣли у пылавшаго камина и варили что-то на огнѣ въ двухъ котелкахъ, иногда снимая пѣну и помѣшивая варево оловянными ложками. Курили сигары. Рейнгольдъ—худой, длинный, Доббертъ—низенькій, толстенькій; освѣщенные краснымъ пламенемъ, похожи были на двухъ колдуновъ, которые варятъ волшебное снадобье.

— Честь имѣю явиться отъ его превосходительства, генерала Дибича, дабы узнать, въ какомъ положеніи находится тѣло покойнаго государя императора,—отрапортовалъ Шенингъ.

Рейнгольдъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ мѣшать въ котелкѣ, а Доббертъ вынулъ изо рта сигару, держа ее между двумя пальцами, большимъ и безымяннымъ,—руки у него были запачканы,—и посмотрѣлъ изъ-подъ очковъ брюзгливо.

— Въ какомъ положеніи тѣло? А вотъ взглянуть не угодно ли,—кивнулъ на столъ, гдѣ лежало то бѣлое, длинное.

Шенингъ дѣлалъ видъ, что смотритъ, но опять неволью зажмурилъ глаза и потупился.

— Говорите по-нѣмецки?

— Говорю.

— Ну, такъ вотъ, господинъ офицеръ, генераль Дибичъ гребуетъ, чтобы мы кончили все въ одну ночь—разъ, два, три—по-военному. Но это невозможно, это противъ всѣхъ правилъ науки. Бальзамированье—дѣло трудное: для того, чтобы произвести его, какъ слѣдуетъ, должно погрузить все тѣло въ спиртъ на нѣсколько сутокъ, а мы для сего и спирта не имѣемъ въ потребномъ количествѣ: скверной русской водки сколько угодно, а хорошаго спирта нѣтъ, не говоря уже о прочихъ спеціяхъ. Тутъ ничего достать нельзя, даже чистыхъ простынъ и полотенецъ. Во дворцѣ—ни души: всѣ разбѣжались. Давно ли трепетали одного взгляда его, а только что закрыть глаза,—покинули его...

— Русскія свиньи!—процѣдилъ сквозь зубы Рейнгольдъ и засосаль, зажевалъ свой вонючій окурокъ.

— Я доложу обо всемъ его превосходительству немедленно,—проговорилъ Шенигъ и хотѣлъ раскланяться: его все больше мутило отъ запаха.

— Нѣтъ, погодите, извольте сами взглянуть.

Доббертъ взялъ Шенига подъ руку, подвелъ къ столу, и онъ долженъ былъ увидѣть то, чего не хотѣлъ видѣть: безстыдно оголенное тѣло покойника. Хотя выраженіе лица очень измѣнилось, когда, при наложеніи отпиленной верхней части черепа на нижнюю, натягивали кожу съ волосами, онъ тотчасъ же узналъ его,—узналъ, но не повѣрилъ, что это онъ.

Съ такимъ ученымъ видомъ, какъ будто читалъ лекцію, Доббертъ объяснялъ, какъ производится бальзамированіе. По вскрытіи вынули мозгъ, сердце и прочія внутренности и уложили въ серебряный круглый ящикъ, похожій на обыкновенную жестянку изъ-подъ сахара, съ крышкой и замкомъ, почему-то называвшійся *кивотомъ*. Доббертъ тутъ же заперъ ящикъ и отдалъ ключъ Шенигу для передачи генералу Дибичу.

— Ключикъ отъ сердца его величества,—пошутилъ онъ и спохватился, насупился, продолжалъ лекцію.

По удаленіи внутренностей, вырѣзали мясистыя части и начали набивать образовавшіеся полости бальзамическими травами, тщательно разваренными (ихъ-то и варили въ котелкѣ Рейнгольдъ съ Доббертомъ), и забинтовывать широкими полотняными тесьмами, наподобіе свивальниковъ.

Фельдшера, возившіеся надъ тѣломъ, остановились на минуту, когда подошли къ столу Доббертъ съ Шенигомъ.

— Ну, живо, живо, господа!—прикрикнулъ на нихъ Доббертъ.—Эй, Васильевъ, крѣпче стягивай, аккуратнѣе: двѣ тысячи верстъ не шутка для покойника!

Фельдшера опять принялись за работу, начали бинтовать, какъ будто пеленать покойника.

— А посмотрите-ка, какое тѣло прекрасное,—сказалъ Доббертъ.

— Да, здоровъ былъ покойникъ, — замѣтилъ Рейнгольдъ, тоже подойдя къ столу:—сложеніе атлетическое; если бы не эта глупая горячка, еще сорокъ лѣтъ прожилъ бы.

— Никогда я не видывалъ человѣка, лучше сотвореннаго, — продолжалъ Доббертъ: — руки, ноги, всѣ части могли бы служить образцомъ для ваятеля. А кожа-то, кожа,—какъ у молодой дѣвушки.

Шенигъ тоже смотрѣлъ, и страхъ его исчезалъ: нѣтъ, не страшно это голое, чистое мертвое тѣло,—живые люди въ ихъ грязныхъ одеждахъ, съ ихъ безпокойными лицами—страшище.

Когда перевертывали тѣло, рука покойника, упавъ со стола, безсильно свѣсилась. Шенигъ взглянулъ на нее, и вспомнилось ему, какъ однажды, на военномъ смотру, государь скакалъ передъ фронтомъ, и когда тридцатитысячная громада войскъ кричала: «ура!»—онъ, здороваясь, поднималъ руку къ шляпѣ со своей прелестной улыбкой. О, какъ Шенигъ любилъ его тогда и какъ хотѣлось ему, чтобы эта рука однимъ мановеніемъ послала ихъ всѣхъ на смерть! И вотъ теперь сама она—мертвая.

Слезы подступили къ горлу его; онъ поскорѣй распрощался и вышелъ изъ комнаты.

Въ темныхъ сѣняхъ зашелъ въ уголъ, закрылъ лицо руками и заплакалъ. Плакалъ не отъ горя, не отъ жалости, а отъ умиленія, отъ восторга, отъ влюбленной нѣжности.

Обряда царскихъ похоронъ никто изъ придворныхъ не зналъ. Къ счастью, въ бумагахъ покойнаго нашли церемоніаль погребенія императрицы Екатерины II, взятый государемъ по секрету, передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ, изъ церемоніймейстерскаго департамента. Думалъ ли онъ, что государынѣ живой не вернуться, или свою собственную смерть предчувствовалъ?

Большую пріемную залу, рядомъ съ кабинетомъ, обили чернымъ сукномъ, воздвигли высокій, со ступенями, въ видѣ трона, катафалкъ и поставили на немъ гробъ. Первый, внутренній — свинцовый; за немѣніемъ свинца въ достаточномъ количествѣ сдѣлали гробъ изъ домовой крыши,

купленной покойнымъ для ремонта дворца: кровля дома послужила домовиной вѣчною; второй, внѣшній гробъ—дубовый, обитый золотою парчою. Съ орлами двуглавыми.

Тѣло, по окончаніи бальзамированія, одѣли въ парадный общій генеральскій мундиръ, съ андреевской звѣздой и прочими орденами въ петлицѣ, только безъ ленты и шпаги, съ царскою порфирію на плечахъ и съ золотою короною на головѣ,—положили въ гробъ и покрыли кисеею.

Днемъ и ночью дежурили у гроба донского лейбъ-гвардіи казачьяго полка одинъ генералъ, одинъ штабъ-офицеръ и два оберъ-офицера, съ обнаженными шпагами. Священники все время читали Евангеліе. Екатеринославскій архіерей съ греческимъ архимандритомъ изъ монастыря Варвація и съ прочимъ духовенствомъ служили панихиды соборнѣ, два раза въ день, утромъ и вечеромъ.

Послѣ каждой панихиды гофмаршалъ князь Волконскій уводилъ изъ залы всѣхъ, кромѣ священника и двухъ караульныхъ офицеровъ, которымъ велѣно было стоять, не шевелясь и не подымая глазъ. Въ залу входила государыня вся въ черныхъ плѣрѣзахъ и съ длинною черною вуалью на лицѣ, неслышно, какъ тѣнь, подымалась на ступени катафалка, молилась и цѣловала тѣло сквозь кисею гробовую. За нѣсколько дней похудѣла и осунулась такъ, что живое надъ гробомъ лицо казалось мертвѣе мертваго.

Въ эти дни писала она матери своей, герцогинѣ Баденской:

«Пишу вамъ только для того, чтобы сказать, что я жива. Но не могу выразить того, что чувствую. Я иногда боюсь, что вѣра моя въ Бога не устоитъ. Ничего не вижу предъ собою, ничего не понимаю, не знаю, не во снѣ ли я. Я буду съ нимъ, пока онъ здѣсь; когда его увезутъ, уѣду за нимъ, не знаю, когда и куда. Не очень беспокойтесь обо мнѣ, я здорова. Но если бы Господь сжалился надо мною и взялъ меня къ Себѣ, это не слишкомъ огорчило бы васъ, маменька, милая? Знаю, что я не за него, я за себя страдаю; знаю, что ему хорошо теперь, но это не помогаетъ, ничего не помо-

гасть. Я прошу у Бога помощи, но, должно-быть, не умѣю просить»..

Когда изъ дома Шихматова вернулась она во дворець, такая тоска напала на нее, что, казалось, не вынесеть, сойдетъ съ ума. Ходила по комнатамъ, такъ же какъ тогда, съ нимъ, по приѣздѣ своемъ въ Таганрогъ: «вамъ нравится, Lise, въ самомъ дѣлѣ, нравится? Я вѣдь все это самъ устраивалъ и такъ боялся, что вамъ не понравится»... Вотъ ея любимый царскосельскій диванъ, на которомъ они тогда сидѣли вмѣстѣ: «ну, вотъ мы и вмѣстѣ, Lise, теперь уже навсегда вмѣстѣ! А вотъ и онъ, онъ, пастушокъ фарфоровый со сломанною ручкою,—столовые часики все тикаютъ да тикаютъ. Слушала ихъ и вдругъ забывала все; онъ живъ, здоровъ; только что вышелъ изъ комнаты и сейчасъ войдетъ; видѣла лицо его, слышала голосъ: «Хорошо ли вамъ, Lise? Все ли у васъ есть? Не надо ли чего-нибудь еще?..»

— Упокой, Господи, душу усопшаго раба твоего! — доносилось надгробное пѣніе, и ей казалось, что она спитъ и видитъ дурной сонъ, — вотъ-вотъ закричить и проснется.

И ночью, въ постели, думала, глядя широко раскрытыми глазами въ темноту: «Ну, вотъ опять, опять этотъ сонъ! Когда же, наконецъ, проснусь?..»

Какъ человѣкъ, у котораго отняли ногу, очнувшись, хватается за нее и, увидѣвъ, что нѣтъ ноги, удивляется, — такъ она удивлялась; и отъ этого удивленія сходила съ ума. Но никогда не теряла сознанія; напротивъ, чѣмъ сильнѣе боль, тѣмъ яснѣе сознаніе; чѣмъ яснѣе сознаніе, тѣмъ сильнѣе боль, — и этому нѣтъ конца. Вспоминала то, что писала въ дневникѣ своемъ: «никогда не знаешь, какъ еще будешь страдать, какъ еще можно страдать и есть ли конецъ страданію...» теперь знала, что нѣтъ конца.

Цѣловать мертвое тѣло, чувствуя холодъ на губахъ своихъ сквозь кисею гробовую, — вотъ все, что ей оставалось отъ любимаго здѣсь, на землѣ, а что тамъ, на небѣ, — объ этомъ старалась не думать: знала по опыту, что это не помогаетъ.

Иногда хотѣлось поднять кисею, чтобъ увидѣть лицо, но не смѣла: казалось, что ему, который при жизни такъ заботился о своей наружности, былъ такимъ щеголемъ, неприятно, чтобъ видѣли, какъ онъ измѣнился, а что измѣнился, такъ что почти узнать нельзя, — это и сквозь кисею было видно. «Что съ нимъ сдѣлали? — думала. — Не онъ! Не онъ!...»

Однажды, подойдя къ гробу и почувствовавъ сквозь привычно-приторный запахъ спирта, уксуса, бальзамическихъ травъ еще какой-то другой, — долго не могла понять, что это, — и вдругъ поняла; не потеряла сознаниа, не сошла съ ума, но, казалось, что если бы могла сойти съ ума, — было бы легче.

Въ тотъ же день сидѣла у себя одна въ спальнѣ, поздно вечеромъ. Слушала, какъ вѣтеръ воетъ въ трубѣ, стучить косымъ дождемъ въ окна, какъ деревья сада шумятъ, и гдѣ-то рядомъ, должно-быть, на крышѣ садовой бесѣдки, флюгеръ, неистово подъ вѣтромъ вертящійся, скрипитъ, визжитъ и стонетъ ржавымъ желѣзомъ: «comme une âme en peine (какъ душа въ мукахъ)», — подумала и почему-то вспомнила тотъ давешній запахъ. И какъ тогда долго не могла понять, что значить этотъ запахъ, и вдругъ поняла, — такъ и теперь долго слушала этотъ безконечный стонъ желѣза, все не понимая, — и вдругъ поняла.

— Сейчас! Сейчас! Сейчас! — какъ будто отвѣтила на чей-то зовъ; заторопилась, подошла къ столу, выдвинула ящикъ, вынула два ключа, сорвала съ головы длинную черную вуаль, накинула старый платокъ Амальхень, тотъ самый, который назывался «милой тетушкой», взяла свѣчу, вышла изъ комнаты на цыпочкахъ, остановилась, прислушалась, — все тихо, только за стѣной слышится тонкій храпъ, должно-быть, фрейлины Валуевой, и далеко гудитъ, какъ пчела, однообразный голосъ священника; пройдя еще нѣсколько комнатъ, вошла въ сѣни съ отдѣльнымъ, нарочно для нея устроеннымъ ходомъ въ садъ; поставила свѣчу на подоконникъ, выбрала изъ висѣвшаго на вѣшалкѣ платья самую старую, облѣзлую шубенку одной изъ своихъ

камеръ-медхень, надѣла се, отперла дверь, вышла на крыльцо и сошла въ садъ. Неистовый вѣтеръ охватилъ ее и сдва не свалилъ съ ногъ; гдѣ-то очень близко, какъ будто надъ самымъ ухомъ ея, завизжало, заскрежетало ржавое желѣзо флюгера. Въ темнотѣ, оступаясь и натываясь на цвѣточныя клумбы, кусты и стволы деревьевъ, добралась до забора нащупала калитку, вставила ключъ, отперла и уже хотѣла переступить порогъ, когда кто-то схватилъ ее за руку.

— Ваше величество! Ваше величество! — проговорилъ голосъ князя Петра Михайловича Волконскаго.

Ноги у нея подкосились; тихо вскрикнула и почти упала на руки его.

Когда опомнилась, — опять сидѣла у себя, одна, въ спальнѣ, какъ будто ничего не случилось. Волконскаго не было съ нею: поспѣшилъ уйти; ничего не говорилъ, ни о чемъ не спрашивалъ, когда велъ ее, почти несъ на рукахъ домой. Неужели понялъ, куда и зачѣмъ она шла? Ну, все равно: не сейчасъ, такъ потомъ, а это будетъ; только не здѣсь, не рядомъ съ нимъ, лежащимъ въ гробу, а гдѣ-нибудь подальше, чтобъ никто не увидѣлъ, не помѣшалъ; хорошо бы въ такую ночь, какъ эта, или потомъ, когда наступитъ зима и начнутся вьюги, — итти, итти, безъ дорогъ, безъ слѣда, по голой степи, по снѣгу, пока не упадетъ и не замерзнетъ гдѣ-нибудь на днѣ оврага, подъ сугробомъ, такъ чтобы никто никогда не нашелъ, не узналъ; или съ кручи надъ моремъ — прямо внизъ головой въ волны прибоя... Да, все равно, когда и гдѣ, и какъ, но это будетъ, — что рѣшила, то сдѣлаетъ; только объ этомъ и не страшно думать, только это и спасаетъ отъ того, что страшнѣе, чѣмъ безуміе, чѣмъ смерть, чѣмъ его смерть, — отъ мысли, что все, во что она вѣрила, — ложь, проклятая ложь, и что единственная правда въ томъ давешнемъ запахѣ и въ этомъ стоиѣ, плачѣ, скрежетѣ ржаваго желѣза подъ бурею: «тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ», и тамъ, какъ здѣсь, — вѣчная мука, вѣчная смерть...

Долго смотрѣла на пламя свѣчи невидящимъ взоромъ, потомъ опустила взоръ и что-то увидѣла. На столѣ — книга,

старая, въ потертомъ кожаномъ переплетѣ, хорошо знакомая — французскій переводъ Библии.

Государь уже много лѣтъ никогда не разставался съ нею, бралъ ее съ собою всюду, въ походы, въ путешествія, и каждый день прочитывалъ одну главу изъ Ветхаго и одну изъ Новаго завѣта, по расписанію, составленному княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ.

Вспомнила, что наемни Волконскій обѣщалъ ей отыскать и принести эту книгу; должно-быть, и приходилъ для этого давеча, несмотря на поздній часъ: спѣшилъ, думая, что ей хочется поскорѣй имѣть ее.

Открыла книгу. Уголки страницъ потемнѣли отъ перелистыванія; на поляхъ — отмѣтки его рукою и кое-гдѣ строки подчеркнуты. Читала, не понимая и не думая о томъ, что читаетъ.

«Истинно, истинно говорю вамъ: наступаетъ время, и настало уже, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ».

— Что это? Что это? — хотѣла и не могла вспомнить; закрыла глаза, прислушалась къ дальнему, однообразно, какъ пчела, гудѣвшему голосу, — и вдругъ вспомнила.

Онъ лежалъ тогда уже въ гробу, но еще не въ залѣ, на катафалкѣ, а у себя въ комнатѣ; служили панихиду; былъ ясный день, и лучи солнца падали прямо въ окна, такъ же, какъ за два дня до смерти, когда, очнувшись, онъ взглянулъ на окно и сказалъ:

— Какая погода!

И она тогда, на панихидѣ, тоже въ окно взглянула: «это для него такой праздникъ на небѣ!» — подумала и прислушалась къ тому, что читаетъ священникъ:

— «Аминь, аминь глаголю вамъ, яко грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше оживутъ».

И вдругъ увидѣла, что стоитъ между гробомъ и крышкою гроба, прислоненной къ стѣнѣ: съ нимъ и въ гробу — въ смерти, какъ въ жизни. Обрадовалась, начала молиться, чтобъ въ день воскресенія такъ же стоять, какъ

сейчасъ. Молитась и знала, что молитва услышана: такъ будетъ.

«Такъ будетъ!» хотѣла сказать и теперь, когда прочла эти подчеркнутыя строки въ книгѣ, — но уже не могла, только спрашивала: «будетъ ли, будетъ ли такъ?» Отвѣта не было, а все-таки ждала отвѣта и знала, что теперь уже недолго ждать.

Съ каждымъ днемъ доктора убѣждались все болѣе, что бальзамированье плохо удалось, и что тѣло разлагается. Неотлучно дежурили при немъ одинъ изъ двухъ гофъ-медиковъ, Рейнгольдъ или Доббертъ, чтобы смачивать лицо покойника губкою, напитанной остропахучимъ уксусомъ; чаши, наподобіе урнъ, съ тѣмъ же составомъ стояли у гроба. Но это не помогало. Всѣ окна и двери были заперты, и отъ горящихъ свѣчей жаръ въ комнатѣ доходилъ до 20 градусовъ. Тяжелыя испаренія бальзамической жидкости, смѣшанныя съ еще болѣе тяжелымъ трупнымъ запахомъ, навели дурноту; даже мундиры караульныхъ офицеровъ пропахли такъ, что потомъ недѣли три сохраняли запахъ.

Лицо покойника темнѣло, чернѣло и дѣлалось не узнаваемымъ: сами доктора, глядя на эту страшную черную куклу въ царской порфирѣ и золотомъ вѣнцѣ, думали: «кто это?»

Однажды стоявшій на караулѣ Шенигъ указалъ Добберту, когда тотъ поднималъ кисею для примочки лица, что изъ-подъ воротника торчитъ кончикъ галстука. Доббертъ потянулъ, увидѣлъ, что это не галстукъ, а кожа, и въ ужасѣ бросился къ Вилліе.

Думали, думали, и рѣшили заморозить тѣло. Въ это время, послѣ осеннихъ бурь, сразу наступила зима. Открыли окна и двери настежь, поставили подъ гробъ корыто со льдомъ и на стѣнѣ повѣсили градусникъ, чтобы стужа была не менѣе 10 градусовъ. Только для панихидъ, вечернихъ и утреннихъ, на которыхъ присутствовала императрица, согрѣвали комнату.

Послѣ смерти государя бѣдный Егорычъ началъ выпивать съ горя. На выпивкѣ сошлись они съ о. Алексѣемъ

Өедотовымъ. Послѣ каждой панихиды заходилъ онъ подкрѣ-
питься къ Егорычу, въ темный, рядомъ съ бывшею госуда-
ревой уборною, коридоръ-закуту, гдѣ всегда накрытъ былъ
столикъ. Выпивали, закусывали, поминая покойника, и
вели бесѣду шопотомъ.

— Говорилъ я, будетъ вамъ шишъ подъ носъ! — на-
чиналъ о. Алексѣй своимъ любимымъ изреченіемъ: — не
вѣрили мнѣ, а вотъ на мое и выходить...

— Отчего же вы такъ полагаете, батюшка, и какой такой
шишъ подъ носъ?

О. Алексѣй отвѣчалъ не сразу: сперва выпивалъ рюмку
перцовки, закусывалъ горячимъ блиномъ поминальнымъ,
выпивалъ еще рюмку дулилки, вторымъ блиномъ закусы-
валъ; прищуривалъ глазъ, подмигивалъ и, наконецъ, шеп-
талъ, наклоняясь къ самому уху Егорыча:

— А во гробѣ кто лежитъ, ты какъ думаешь, а?

Егорычъ, видимо, предчувствуя этотъ вопросъ, начиналъ
дрожать и блѣднѣть уже заранѣе.

— Ну, что это, право, отецъ Алексѣй, опять вы за свое!
Кому же въ гробѣ лежать, какъ не его величеству, ангелу
нашему и благодѣтелю? Надрываете вы сердце мое, не жа-
лѣете меня, сироту...

— Нѣтъ, я тебя жалѣю, я тебя даже очень жалѣю, по-
тому и говорю: смотри, говорю, кого хоронишь, того ли
самаго?..

— Какъ же не того? Какъ же не того? Отецъ Алексѣй,
помилосердствуйте! Сами же исповѣдывать, причащать из-
волили...

— Ну, нѣтъ, ты это, братъ, оставь, оставь, говорю,
въ это дѣло не путай меня. Въ ту ночь, какъ за мной изъ
дворца-то пришли, я того... на третьемъ взводѣ былъ: у
купца Вахрамѣева на свадьбѣ здорово клякнули. Ежели
меня о чемъ спросятъ, я такъ и скажу: ничего, молъ, не
помню, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю...

— Чтò вы говорите? Чтò вы говорите, отецъ Алексѣй?..

— Не я говорю, а поди-ка, послушай, чтò народъ гово-
рить; гласъ народа — гласъ Божій: въ гробу-то не тѣло,

кукла-вощанка лежитъ, аль бѣглый солдатъ изъ гошпитала здѣшняго острожнаго, а государь будто живъ; извести его хотѣли изверги, а онъ убѣжалъ и неизвѣстно, гдѣ скрывается, нынѣ скрывается, а можетъ-быть, и явится иѣкогда... О Кузьмичѣ-то, о Федорѣ слышалъ?

— О какомъ, о какомъ еще Федорѣ?.. — началъ Егорычъ и онѣмѣлъ, раскрылъ ротъ, вытаращилъ глаза отъ удивленія, отъ ужаса: вдругъ вспомнилъ предсмертный бредъ государя. — Господи, помилуй! Господи, помилуй! Матерь Царица Небесная!.. — шепталъ, крестясь; ему казалось, что онъ сходить съ ума.

— Ничего, братъ, не робѣй: наше дѣло—сторона, только знай, помалкивай, — утѣшалъ его о. Алексѣй. — А вѣдловкую штуку удрали, а? «Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего...» А гдѣ рабъ, гдѣ царь, — не поймешь. По Писанію, значить, изъ крѣпкаго вышло сладкое, а можетъ, и опять изъ сладкаго выйдетъ крѣпкое да горькое... Вотъ тебѣ и фокусъ-покусъ! Вотъ тебѣ и шишъ подъ носъ!

На третій день по кончинѣ государя въ таганрогскомъ Успенскомъ соборѣ присягали государю наслѣднику, Константину Павловичу. Въ тотъ же день отправленъ былъ къ нему въ Варшаву курьеръ съ рапортомъ отъ начальника главнаго штаба, генерала Дибича. На пакетахъ надписано: «Его императорскому величеству, государю императору Константину Первому».

Въ Таганрогъ со дня на день ждали прибытія новаго императора; особенно ждалъ Волконскій.

«Я такъ ослабѣлъ, бывъ тринадцать дней и ночей безъ пищи и безъ сна, что едва шатаюсь,—писалъ онъ одному изъ своихъ петербургскихъ пріятелей. — Совершенно одинъ, въ ужасной горести, занимаюсь учрежденіемъ печальной церемоніи. За двѣ тысячи верстъ отъ столицы, въ углу имперіи, безъ малѣйшихъ способовъ и съ большою трудностью доставать самыя необходимыя вещи, по сему случаю нужныя, за всякою бездѣлицею принужденъ посылать во всѣ стороны курьеровъ. Ежели бы меня здѣсь не было, не знаю, какъ бы

сіе пошло, ибо всѣ прочіе совершенно потеряли голову съ нетерпѣніемъ ожидаю прибытія императора Константина Павловича, и не знаю, чѣмъ все это кончится».

Въ меньшей тревогѣ былъ Вилліе.

Однажды, осмотрѣвъ тѣло и выйдя изъ ледяной комнаты грѣлись они съ Волконскимъ у камина въ бывшемъ кабинетѣ государевомъ.

— Довеземъ, Яковъ Васильевичъ, какъ вы полагаете? — спрашивалъ Волконскій.

— Ежели морозы будутъ, довоземъ; пожалуй; ну, ; ежели оттепель, то дѣло дрянъ.

День былъ солнечный; бѣлые цвѣты мороза на окнахъ чуть-чуть оттаяли. Вилліе взглянулъ на нихъ съ досадою все боялся, что начнется оттепель.

— Вотъ тоже гробъ, — заговорилъ онъ опять: — едва втиснули покойника; извольте-ка упаковать на двѣ тысячи верстъ. Того и гляди, свинецъ раздавить голову... Ну можно ли дѣлать гроба изъ домовыхъ крышъ?

— Охъ, не говорите! — простоналъ Волконскій. — Что то будетъ, что-то будетъ, Господи!..

— Давно я хотѣлъ вамъ сказать, князь, — продолжалъ Вилліе, помолчавъ: — тутъ по городу ходятъ слухи возмутительные.

— Какіе слухи?

— Повторять гнусно...

— Это насчетъ куклы?

— Вы тоже слышали? Да, насчетъ куклы, и будто бы государь не своею смертю умеръ...

— Ахъ, мерзавцы! — воскликнулъ Волконскій съ негодованіемъ. — Но что же съ ними, дураками, дѣлать?

— Какъ что? Схватить, въ острогъ посадить, выпороть особенно этого святого-то ихняго, какъ его? Федора.. Федора Кузьмича, что ли?

— Да, пожалуй... А вы говорили Дибичу?

— Говорилъ.

— Ну, что же?

— Да вы сами знаете его. Дусть свой пунишь и ухомъ не ведеть. «Съ меня,—говорить,—и такъ дѣла довольно: некогда мнѣ заниматься бабьими сплетнями». Но послушайте, князь: это чести моей касается и памяти моего благодѣтеля. Я этого такъ оставить не могу. Прошу ваше сіятельство, по прибытіи государя наслѣдника, доложить немедленно...

— Да, да, конечно... Только бы пріѣхалъ! Только бы пріѣхалъ!—простоналъ опять Волконскій.

— А что, развѣ не скоро?

— Ничего неизвѣстно. Курьера за курьеромъ шлю, и все отвѣта нѣтъ. Сегодня и Дибичъ съ минуты на минуту ждетъ. Хотѣлъ быть здѣсь, да что-то не идетъ. Ужъ не послать ли за нимъ?.. А вотъ и онъ, легокъ на поминѣ.

Открылась дверь изъ погребальной залы, и повѣяло оттуда ледяною стужею, какъ будто замороженная мумія дохнула смертнымъ холодомъ.

— Ну что, ваше превосходительство, какія новости?—поднялся Волконскій навстрѣчу Дибичу.

Тотъ ничего не отвѣтилъ, подошелъ къ столу, гдѣ всегда стояла для него бутылка рому, налилъ, выпилъ и тяжело опустился въ кресло у камина. Въ движеніяхъ его, кособокихъ, ползучихъ, какъ у краба, который подъ камень прячется, въ искаженномъ лицѣ («вся рожа на-косо»,—вспоминалъ впоследствии Волконскій), въ рыжихъ волосахъ взерошенныхъ и въ бѣгающихъ глазкахъ было что-то зловѣщее.

«Ужъ не пьянъ ли?» подумалъ Волконскій.

— Какія новости?—проговорилъ, наконецъ, Дибичъ сдавленнымъ голосомъ и разстегнулъ воротникъ мундира, какъ будто задохся.—А вотъ какія: курьеръ изъ Варшавы вернулся ни съ чѣмъ...

— Какъ ни съ чѣмъ?

— А такъ, что поворотъ отъ воротъ: депешъ моихъ не распечатали и курьера не приняли, тотчасъ же ночью спровали вонъ изъ города, запретивъ, чтобы съ кѣмъ-нибудь видѣлся...

— Что вы говорите? Что вы говорите?—воскликнули вмѣстѣ Вилліе и Волконскій.

— Не вѣрите, господа? Я и самъ не повѣрилъ. Да вотъ прочесть не угодно ли?

Дибичъ подаль письмо. Волконскій сталъ читать и поблѣднѣлъ.

— Что такое? Что такое, Господи?

Вилліе тоже прочелъ, и лицо у него вытянулось.

Письмо было отъ великаго князя Константина Павловича. Онъ сообщалъ, что, съ соизволенія покойнаго государя императора, уступилъ право свое на наслѣдіе младшему брату, великому князю Николаю Павловичу, въ силу рескрипта его величества отъ 2 февраля 1822 года.

«Посему ни въ какія распоряженія не могу войти, а получите вы оныя изъ С.-Петербурга, отъ кого слѣдуетъ. Я же остаюсь на теперешнемъ мѣстѣ моемъ и новаго государя императора такимъ же, какъ вы, вѣрноподаннымъ. А засимъ желаю вамъ лучшаго».

— Какой же рескриптъ?—спросилъ Вилліе, опомнившись.

— Не могу знать,—отвѣтилъ Дибичъ.

— Государь ничего не говорилъ вамъ?

— Ничего.

— Но послѣдняя воля?..

— Послѣдняя воля его неизвѣстна

— Какъ же передъ смертью не вспомнилъ?

— Да, вотъ не вспомнилъ,—должно-быть, забылъ.

— И вы забыли?

— Я? Нѣтъ, я не забылъ, я имѣлъ честь докладывать его сіятельству неоднократно,—злбно посмотрѣлъ Дибичъ на Волконскаго. Но тотъ ничего не отвѣтилъ: сидѣлъ, какъ въ столбнякѣ.

— Что такое? Что такое, Господи?..—шепталъ, точно бредилъ; вдругъ вскочилъ, всплеснулъ руками и вскрикнулъ:—а присяга-то какъ же, присяга-то?..

— Ну, что жъ. Вчера присягнули одному, завтра присягнемъ другому. Съ присягой, видно, не церемонятся,—усмѣхнулся Дибичъ, и лицо его еще больше перекосилось.—

Только вот приметъ ли Николай Павловичъ корону, это вѣдь тоже еще неизвѣстно... Ну, а пока—междуцарствіе. Государь умеръ, наследника нѣтъ, и неизвѣстно, чья Россія...

Дибичъ всталъ, подошелъ опять къ столу, налилъ и поднялъ стаканъ:

— Честъ имѣю поздравить, господа, съ двумя государями... или ни съ однимъ...

И выпилъ. Вилліе хотѣлъ что-то сказать, но Дибичъ остановилъ его:

— Стойте, еще не все, это сюрприз—томеръ первый, а вотъ и номеръ второй. Въ бумагахъ покойнаго я нашель доносъ о политическомъ заговорѣ обширнѣйшемъ, распространенномъ въ войскахъ по всей имперіи. Не сегодня—завтра начнется революція. Можетъ-быть, уже и началось гдѣ-нибудь, а мы тутъ сидимъ и не знаемъ...

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!—пролепеталь Волконскій и хотѣлъ еще что-то прибавить, но языкъ отнялся, голова закинулась, лицо помертвѣло: онъ лишился чувствъ.

— Э, чортъ! Этого еще недоставало,—проворчалъ Дибичъ.—Что съ нимъ? Ударъ, что ли?

Когда Вилліе смочилъ ему виски водою, развязаль галстукъ и далъ понюхать соли, Волконскій очнулся, но размякъ, раскись окончательно.

«Калоша старая!» подумаль Дибичъ съ презрѣніемъ.

Вдругъ обѣ половинки двери изъ уборной съ шумомъ распахнулись, высунулась голова Егорыча внезапно, какъ будто нечаянно, но тотчасъ же спряталась, и, шурша шелковой рясой, вошелъ въ комнату о. Алексѣй, такой величавый, благообразный и торжественный, что никто не подумаль бы, что онъ съ пьянымъ лакеемъ у дверей подслушиваль. Проходя мимо сидѣвшихъ у камина трехъ собесѣдниковъ, поклонилъ низко, почтительно. Не до него имъ было, но если бы взглядѣлись пристальнѣй въ лицо его, то увидѣли б.л., что онъ усмѣхается въ свою бѣлую бороду такой язвительной усмѣшкой, какъ будто хочетъ сказать:

— Ну, вотъ вамъ и шишъ подъ носъ!

Въ тотъ же день и часъ выходилъ за таганрогскую заставу, по большому почтовому екатеринославскому тракту человекъ лѣтъ подь пятьдесятъ, съ котомкой за плечами, съ посохомъ въ рукахъ и образкомъ Спасителя на шеѣ, бѣлокурый, плѣшивый, голубоглазый, сутулый, рослый, бравый молодецъ, какіе бывають изъ отставныхъ солдатъ; лицомъ на государя похожъ, «не такъ чтобы очень, а сходство есть», какъ самъ покойный говорилъ Егорычу; бродяга бездомный, безпаспортный, родства не помнящій, одинъ изъ тѣхъ нищихъ странниковъ, что по большимъ дорогамъ ходять, на построение церквей собирають.

Имя его было Федоръ Кузьмичъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

— Похоронили?

— Похоронили.

— Какъ же это произошло, Голицынъ, расскажите?

— А вотъ какъ. Вы знаете, Пестель, что *Русскую Правду*, вмѣстѣ съ прочими бумагами, взялъ къ себѣ на храненіе подпоручикъ Заикинъ?

— Знаю: я самъ ихъ отдалъ ему, когда стало извѣстно, что заговоръ открытъ, и я всякую минуту ждалъ, что меня придутъ хватать. Куда же онъ ихъ спряталъ?

— Подъ полъ, у себя въ домѣ, въ мѣстечкѣ Немировѣ, а потомъ зашилъ въ подушку и привезъ въ Тульчинъ. «Дѣлайте,—говорить,—съ ними, что знаете, а у меня ненадежно: шпионы завелись и мыши»...

— Мыши Русскую Правду ѣдятъ, это аллегорія, что ли, Голицынъ?

— Да, Пестель, пожалуй, аллегорія....

— Какъ же вы рѣшили?

— Долго рѣшить не могли: одни говорятъ: «сжечь», а другіе: «помилуйте, можно ли этакія бумаги сжечь? Надо зарыть въ землю». На томъ и рѣшили. Думали сперва, на Тульчинскомъ кладбищѣ; да тутъ народу много и къ начальству близко. Опять упаковали, отвезли въ село Кириасовку, что по Балтской дорогѣ отъ Тульчина верстахъ въ 15-ти; хотѣли на огородѣ или въ полѣ зарыть, но и тутъ опасно: мужики увидятъ, подумаютъ,—кладъ (все кладовъ ищутъ), выруютъ и отнесутъ къ начальству. Опять думали, думали, и рѣшили: на пустырь, подальше за околлицей.

Собрались въ Шлемкину корчму на выѣздѣ, за полночь, точно контрабандисты или фальшивомонетчики, и когда жидъ со своей жидовкой заснули,—заперлись въ горницѣ и начали укладывать бумаги въ ящикъ, сначала свинцовый артиллерійскій, изъ-подъ пороха, а потомъ—деревянный...

— Значить два гроба, какъ для важныхъ покойниковъ?

— Вотъ именно. Ящикъ продолговатый, не очень большой, такъ, въ родѣ дѣтскаго гробика; какъ забивать стали крышку гвоздями, очень похоже было, что гробъ заколачиваютъ. А я къ *Русской Правдѣ* и *Катехизисъ* Муравьева приложилъ, на всякій случай: пусть вмѣстѣ найдутъ...

— Вотъ какъ,—значить, мы съ Муравьевымъ вмѣстѣ въ гробу?

— Да, вмѣстѣ... Ну, ящикъ тяжелъ, на рукахъ не снести, положили въ телѣжку и поѣхали. Фонарей взяли: ночь темная, зги не видать; снѣгъ валилъ; заблудились... Вы въ тѣхъ мѣстахъ бывали?

— Бывальъ.

— Пустырь—по лѣвую руку отъ Балтскаго шляха, такъ, въ полуверстѣ, за поповой левадою, у рѣчки Козярихи. Мѣсто дикое, все буераки да чертополохъ. Когда-то тутъ, говорятъ, разбойники вельможную панну зарѣзали; крестъ надъ нею стоитъ; мужики обходятъ, боятся: по ночамъ, будто бы, панночка изъ гроба встаетъ. Недалеко отъ креста и вырыли ямку, тоже въ родѣ дѣтской могилки, опустили ящикъ, да какъ засыпать землю начали и первые комья о крышку ударились,—опять совсѣмъ точно гробъ. Вотъ бы панихидку спѣть: упокой, Господи, душу усопшея рабы Твоя!»—пошутить кто-то. А какъ зарыли, снѣгомъ замело, ровно, гладко,—ничего не видать,—только крестъ...

— Вы, Голицынъ, аллегоріи любите?

— Люблю—не люблю, да куда отъ нихъ дѣнешься?.. Ну, такъ вотъ, рядомъ со мною поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ стоялъ; передъ тѣмъ какъ уходить, снялъ шляпу, перекрестился и пожалъ мнѣ руку; ничего мы другъ другу не сказали, но поняли: обѣщали, что сдѣлаемъ все, чтобы мертвая встала изъ гроба...

— Какъ та зарѣзанная панночка?

— Нѣтъ, живая.

— Ну, не скоро дождетесь.

— Пусть не скоро, а все-таки... Помните, Пестель, о горчичномъ зернѣ: когда сѣется,—меньше всѣхъ сѣмянъ, а когда вырастетъ,—больше всѣхъ злаковъ?

— Опять аллегорія? Ну, полно, давайте-ка лучше о другомъ...

Разговаривали тамъ же, въ кабинетѣ Пестеля, во флигелѣ опустѣлаго княжескаго дома, въ Линцахъ, гдѣ и тогда, въ первый разъ, два съ половиной мѣсяца назадъ. Голицынъ исполнилъ свое обѣщаніе захватить къ Пестелю, послѣ Лещинскаго лагеря—только теперь, въ послѣднихъ числахъ ноября.

Въ кабинетѣ все было попрежнему: князя Сангушко, дѣды и прадѣды, съ почернѣлыхъ полотенъ слѣдили такъ же зловѣще и пристально, какъ будто зрочки свои тихонько поворачивали, за тѣмъ, кто смотрѣлъ на нихъ; такъ же пахло мышами и сыростью; такая же тоска и одиночество.

Лампа тускло горѣла. Каминъ потухалъ. На дворѣ мела метелица; снѣжные столбы проносились мимо оконъ, какъ блѣдные призраки, и старыя деревья сада шумѣли, гудѣли, махали вѣтвями, какъ руками:—зъ отчаяніи.

Слушая вой вѣтра въ каминѣ, Голицынъ вспоминалъ, какъ, ѣдучи въ Линцы, заблудился, едва не замерзъ, а ямщикъ, старый казакъ Радько, подъ вой бурана, а можетъ-быть, и волчій вой, сказывалъ ему сказку о св. Юркѣ—Егорѣ, волчьемъ хозяинѣ, который, бьетъ нечистую силу громовыми стрѣлами, а волки ему помогаютъ,—жрутъ дохлыхъ чертей: «а если бы ихъ громъ не билъ, да волки не ѣли, то ихъ бы таково расплодилось, что и свѣту не было бъ видно»...

— Какъ бы не забыть, кстати: тутъ у меня еще кое-какія бумажонки есть,—проговорилъ Пестель и, выдвинувъ ящикъ стола, вынулъ пачку бумагъ.—Ну, ужъ эти безъ похоронъ обойдутся,—прямо въ огонь!

Началъ кидать въ каминъ, одну за другою. Пламя вспыхнуло, и блѣдные призраки прильнули къ стекламъ, какъ

будто заглянули въ комнату слѣпыми очами. Вѣтеръ выль въ трубѣ, какъ стая голодныхъ волковъ. «Юркины волки жрутъ дохлыхъ чертей», подумаль Голицынъ.—Какая тоска, какое одиночество!

— Вы тутъ всю зиму пробудете, Пестель?

— Всю зиму.

— Не скучно?

— Нѣтъ, ничего, привыкъ. Нынче зима, слава Богу, стала ранняя. Вотъ замететь сугробами, — ни мы никуда, ни къ намъ ниоткуда. Хорошо, спокойно: какъ медвѣдь въ берлогѣ, буду сидѣть, лапу сосать, себя познавать, по совѣту оракула. Новую *Русскую Правду* сочинить можно: я буду сочинять, а вы—хоронить,—такъ жизнь и пройдетъ, не замѣтишь.

Голицынъ посмотрѣлъ на него внимательно: здоровъ, лихорадки нѣтъ, но какъ будто еще больше осунулся, и лицо опять, какъ тогда, — недвижимое, застывшее, похожее на маску.

Разговоръ не клеился: каждый думаль о своемъ и чувствовалъ, что другой тоже о своемъ думаетъ. И обоимъ было неловко, какъ въ одной постели двумъ раненымъ: не пошевелиться бы, не сдѣлать себѣ или другому больно.

Пестель вяло спрашиваль о Лещинскомъ лагерѣ, о соединеніи Славянъ съ Южными, о клятвѣ.

— И вы клялись, Голицынъ?

— Клялся.

— Зачѣмъ же, если нельзя исполнить?

— Почему нельзя.

— Вы сами знаете: нельзя сдѣлать второго шага безъ перваго,—пока государь живъ, никто не начнетъ... А вы опять торопитесь, Голицынъ, погостить у меня не хотите?

— Не могу, ѣхать надо.

— Экій непосѣда! Куда же теперь?

— Въ Кіевъ.

Пестель посмотрѣлъ на него въ упоръ, какъ будто хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ. Голицынъ потупился. Опять замолчали съ осторожностью, съ неловкостью.

— Одного я въ толкъ не возьму,—началь Пестель послѣ молчанія:—почему не арестуютъ насъ? Мы тутъ сидимъ и дрожимъ, бумаги жжемъ, хоронимъ, а можетъ-быть, все попусту. Вѣдь вотъ уже три мѣсяца, какъ заговоръ открытъ, и сколько доносчиковъ—Шервудъ, Виттъ, Майборода (да, и онъ, вы были правы),—а всѣ цѣлы, ни одного ареста. Чего жъ они ждутъ. О чемъ думаютъ? Ловушка, хитрость или... или сумасшествіе?.. Помните, Голицынъ, вы говорили тогда, что идти къ государю съ повинною, ждать отъ него милости—не подлость, а просто сумасшествіе?..

Опять не кончилъ, замолчалъ, какъ будто о чемъ-то задумался, и началъ о другомъ:

— А государь очень былъ боленъ?

— Онъ и теперь боленъ.

— Кажется, лучше теперь? —

— Нѣтъ, опять хуже.

— Развѣ? Ну, все равно, будетъ здоровъ. Маленькая лихорадка, пустяки...

Пестель бросилъ въ огонь послѣдній листокъ; онъ догорѣлъ; догорала и лампа: должно-быть, масло кончилось. Все чернѣе черныя тѣни въ углахъ, все блѣднѣе блѣдые призраки въ окнахъ.

Дверь изъ кабинета въ сосѣднюю большую темную комнату была открыта, и оттуда слышались, какъ всегда по ночамъ въ опустѣлыхъ домахъ, слабые шорохи, шопоты, шелесты, трескъ и скрипъ половицъ, какъ будто ходилъ по нимъ кто-то, крадучись.

— Мыши, да дерево сухое отъ погоды скрипитъ,—сказалъ Пестель, когда Голицынъ оглянулся на одинъ изъ этихъ шороховъ.—Савенко говоритъ,—привидѣнія, но я ничего не видѣлъ. А дверь открываю нарочно: ежели закрыть, то кажется все, что кто-то подслушиваетъ... шпионы, «шпигоны». Должно-быть, отъ нечистой совѣсти...

А лампа все гасла да гасла; пламя задрожало, вспыхнуло въ послѣдній разъ и потухло; только слабый отблескъ догоравшаго камина освѣщаль комнату.

— Эй, Савенко, Савенко!—крикнулъ Пестель.—Сколько разъ говорилъ я тебѣ, чтобы на ночь лампу доливалъ! Не слышитъ, подлець, теперь его не разбудишь и пушками...

— Послушайте, Пестель,—вдругъ началъ Голицынъ, какъ будто въ темнотѣ легче стало говорить, чѣмъ при свѣтѣ,—я вамъ давеча неправду сказалъ: я ѣду не въ Кіевъ...

— А куда же?

— Въ Таганрогъ.

— Въ Таганрогъ? Къ государю?

— Да, къ государю.

— Вотъ что!—удивился Пестель, но какъ будто не очень. Лица его Голицынъ почти не видѣлъ, но слышалъ по голосу, что онъ усмѣхается.

Курьеръ, отправленный Дибичемъ по повелѣнію государя, долго не могъ отыскать Голицына, потому что тотъ все время былъ въ разъѣздахъ—въ Тульчинѣ, въ Житомирѣ, въ Кіевѣ, а когда отыскалъ наконецъ, въ с. Кирнасовкѣ, то не хотѣлъ отпустить, требуя, чтобы онъ ѣхалъ съ нимъ. Но генераль Юшневскій поручился за него, и курьеръ поскакалъ впередъ, а Голицынъ выѣхалъ вслѣдъ за нимъ тотчасъ же, и, хотя Линцы были ему не по дорогѣ,—не захотѣлъ нарушить слова, даннаго Пестелю, заѣхать къ нему еще разъ передъ началомъ дѣйствій, а что теперь начало или конецъ всего,—предчувствовалъ.

— Такъ вотъ что, въ Таганрогъ, къ государю,—повторилъ Пестель все съ тою же усмѣшкою въ голосѣ.—Отчего же раньше не сказали? Чудаки мы съ вами, право: точно въ жмурки играемъ. А вѣдь я зналъ, Голицынъ, что вы въ Таганрогъ ѣдете...

— Знали, Пестель?

— Ну, пожалуй, и не зналъ, а такъ, будто предчувствовалъ. Съ этимъ и ждалъ васъ, все думалъ объ этомъ, только объ этомъ и думалъ. Вѣдь мы того разговора не кончили, о подлости... или сумасшествіи. А надо бы кончить,—не подлецы же мы съ вами, въ самомъ дѣлѣ, и не сумасшедшіе. А ужъ если непременно одно изъ двухъ, такъ пусть лучше сумасшедшіе, не такъ ли, а?..

Голицынъ молчалъ и, не глядя на Пестеля, чувствовалъ, что взоръ его тяжелѣтъ на немъ невыносимую тяжестью.

— Ну, такъ вотъ что, Голицынъ,—началь онъ вдругъ измѣнившимся глосомъ:—поѣдемте вмѣстѣ...

— Вмѣстѣ? Куда?

— Въ Таганрогъ.

— Зачѣмъ?

— Будто не знаете?..

Голицынъ зналъ,—но вдругъ стало ему страшно, какъ во снѣ; все хотѣлъ и не могъ вспомнить что-то о Софѣѣ, о государѣ и о томъ, что мучило всѣ эти мѣсяцы: «убить надо, но пусть не я, а другой».

— Вы тогда сказали,—продолжалъ Пестель,—что мы съ вами квиты: оба знаемъ, что надо дѣлать, и не дѣлаемъ, не можемъ,—значитъ, подлецы оба. Но вѣдь это вы сказали мнѣ изъ жалости, а себѣ не скажете?.. Ну, не надо, не надо, ничего не будемъ рѣшать,—только вмѣстѣ поѣдемъ, посмотримъ, попробуемъ... Не отказывайте, Голицынъ, не отказывайте!—повторялъ онъ съ мольбою грозящей, и взоръ его все тяжелѣлъ, тяжелѣлъ невыносимую тяжестью.— Не хотите?..—прошепталъ и приблизилъ лицо къ лицу его.

«Если онъ сейчасъ въ лицо мнѣ плюнетъ, то будетъ правъ», подумалъ Голицынъ.

— Хорошо, поѣдемте,—сказалъ и почувствовалъ, что не только казано, но и сдѣлано что-то невозвратимое: убьетъ или не убьетъ,—все равно что убилъ.

— Ну, славу Богу, славу Богу! Я такъ и зналъ, что не откажете,—вздохнулъ Пестель съ облегченіемъ.

И опять молчаніе, только волчій вой въ трубѣ да въ сосѣдней комнатѣ—шелесты, шорохи, шопоты, трескъ и скрипъ половиць, какъ будто ходитъ кто-то, крадучись. Шаги слышались такъ явственно, что оба вдругъ оглянулись и увидѣли, что кто-то, весь въ бѣломъ, стоитъ въ дверяхъ: не одинъ ли изъ тѣхъ блѣдныхъ призраковъ, что проносились мимо оконъ, вошелъ въ домъ?

— Кто это? Кто это?—вскрикнули оба.

— Это вы, Пестель?—сказаль по-французски стоявшій въ дверяхъ.

— Э, чортъ тебя побери, мой милый! Вотъ напугаль.. Я ужъ думаль, привидѣніе,—смѣясь, отвѣтилъ Пестель тоже по-французски.

Голицынъ узналъ князя Александра Ивановича Барятинскаго, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка штабъ-ротмистра, члена Тульчинской Управы Южнаго Тайнаго Общества.

Внезапному появленію гостя хозяинъ не удивился. «Онъ и стакана воды не можетъ выпить иначе, какъ съ видомъ заговорщика», говорилъ въ шутку о Барятинскомъ. Пріѣзжая часто въ Линцы къ Пестелю, тотъ всегда останавливался въ томъ же домѣ, но въ другомъ флигелѣ, съ отдѣльнымъ ходомъ; у него былъ свой ключъ. Только что пріѣхаль и вошелъ потихоньку, чтобы не будить прислуги.

— Ну, входи же, входи, раздѣвайся. Ты очень кстати: я ужъ хотѣлъ посылать за тобою. Знакомы, господа? Князь Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ...

— Какъ же, у Юшневскаго встрѣчались,—отвѣтилъ Барятинскій, снимая шапку, шубу, шарфъ и валенки,—все запущенное снѣгомъ такъ, что, въ самомъ дѣлѣ, похоже было на привидѣніе.

Барятинскій былъ красавецъ нѣсколько восточнаго облика; человекъ свѣтскій, адъютантъ главнокомандующаго, графа Виттенштейна, поэтъ, математикъ, философъ-безбожникъ и республиканецъ отъявленный; очень добрый и не очень умный, Пестелю былъ преданъ такъ, что если бы тотъ и вправду мечталъ «сдѣлаться императоромъ», какъ многіе думали, Барятинскій не возмутился бы.

— Что это вы, господа, въ темнотѣ сидите?—удивился онъ.

— Да вотъ лампа потухла, а денщикъ спить,—не разбудишь. Тутъ гдѣ-то свѣча, посмотри,—сказаль Пестель.

Барятинскій отыскалъ свѣчу на столѣ, вышелъ въ переднюю и осторожно, такъ, чтобы не будить храпѣвшаго Савенко, зажегъ свѣчу о теплившейся въ углу ночникъ.

— Господа, важные новости!—началь онъ, вернувшись въ кабинетъ. Вообще заикался (его такъ и прозвали Заика, Le Vègue), а теперь особенно, должно-быть, отъ волненія. Долго не могъ выговорить, наконецъ, произнесъ:—скончался... государь скончался...

— Что ты говоришь? Не можетъ быть!—воскликнулъ Пестель съ тѣмъ удивленіемъ, которое всегда рождаетъ въ людяхъ внезапная вѣсть о смерти.

— Государь скончался?—все еще не вѣрилъ и удивлялся онъ.—Да правда ли? Откуда ты знаешь?

— Вчера, въ 9 часовъ вечера, въ штабѣ получено извѣстіе съ курьеромъ изъ Таганрога отъ генерала Дибича.

— Странно, странно!—сказалъ Пестель тихо и какъ будто задумчиво.—Мы тутъ только что о немъ,—и вдругъ... Ужъ не аллегорія ли тоже, Голицынъ, а?

Голицынъ ничего не отвѣтилъ, поблѣднѣлъ и закрылъ лицо руками. Наконецъ-то вспомнилъ онъ то, что хотѣлъ и не могъ вспомнить.

Дача Нарышкиныхъ по Петергофской дорогѣ; ясное утро; тишина, какая бываетъ только раннею весною на пустынныхъ дачахъ; щебетъ птицъ, скрежетъ граблей, далекій-далекій топоръ,—должно-быть, рыбакъ чинитъ лодку на взморьѣ. Уютная комнатка — «настоящее гиѣздышко любви, під d'амоуг для моей бѣдненькой, бѣдненькой дѣвочки»,—какъ говорила Марья Антоновна. Открыта дверь на балконъ; запахъ весенняго утра, березовыхъ почекъ, смѣшанный съ душнымъ запахомъ лѣкарствъ. Онъ стоитъ передъ Софьей на колѣняхъ; она наклонилась и шепчетъ ему на ухо:

— «Намедни-то что мнѣ приснилось. Будто мы входимъ съ тобой въ эту самую комнату, а у меня на постели кто-то лежитъ, лица не видать, съ головой покрытъ, какъ мертвецъ саваномъ. А у тебя въ рукахъ будто ножъ, убить хочешь того на постели, крадешься. А я думаю: что если мертвъ?—живыхъ убивать можно,—но какъ же мертваго? Крикнуть хочу, а голоса нѣтъ, только не пускаю тебя, держу за руку. А ты разсердился, оттолкнулъ меня, бросился,

ударилъ ножомъ... саванъ упалъ... Тутъ мы и увидѣли, кто это»...

— Убить мертваго, убить мертваго! — прошепталъ Голицынъ, очнулся, медленно-медленно поднялъ руку, — она была тяжела, какъ во снѣ, — и перекрестился.

Барятинскій, въ волненіи, бѣгая по комнатѣ и заикаясь отчаянно, рассказывалъ.

Еще наканунѣ жида въ Тульчинѣ, на базарѣ, говорили о кончинѣ государя. Никто имъ не вѣрилъ, но что происходитъ что-то неладное чувствовали всѣ, потому что не было дня, чтобы въ Варшаву и обратно не проскакало три-четыре фельдъегеря. Когда же, наконецъ, извѣстіе получено было въ штабъ съ курьеромъ отъ Дибича, — велѣно приводить войска къ присягѣ Константину. Но это еще не вѣрно: ходятъ слухи, будто бы Константинъ отрекся, и, по секретному завѣщанію императора, законный наслѣдникъ — младшій братъ, Николай. Ежели войска присягнуть и потомъ присяга объявлена будетъ недѣйствительной, то неизвѣстно, чѣмъ все это кончится.

— Такого случая и въ 50 лѣтъ не дождемся, — заключилъ Барятинскій: — если и его потеряемъ, то подлецами будемъ!

— Вы что думаете, Голицынъ? — спросилъ Пестель.

— Думаю, что всегда думалъ: начинать надо.

— Ну, что жъ, съ Богомъ! Начинать, такъ начинать! — проговорилъ Пестель и улыбнулся; лицо его, какъ всегда, отъ улыбки помолодѣло, похорошѣло удивительно.

И, взглянувъ на него, Голицынъ почувствовалъ, что немовѣрная тяжесть, которая давила его всѣ эти мѣсяцы, вдругъ упала съ души.

Принялись обсуждать планъ дѣйствій. Рѣшили такъ: Пестель съ Барятинскимъ ѣдутъ въ Тульчинъ, чтобы приготовить членовъ тамошней Управы; Голицынъ — въ Петербургъ, чтобы постараться соединить Сѣверныхъ съ Южными, что теперь нужнѣе, чѣмъ когда-либо. Пестель былъ увѣренъ, что въ Петербургѣ начнется.

— Вы, господа, тамъ начинайте, а мы здѣсь: когда въ Тульчинѣ караулы займетъ Вятскій полкъ, арестуемъ главную квартиру, начальника штаба и главнокомандующаго,—этимъ и начнемъ...

— Мятежныя войска пойдутъ сначала на Кіевъ, потомъ на Москву и Петербургъ. Съ первыми успѣхами возстанія Синодъ и Сенатъ, если не подчинятся добровольно, принуждены будутъ силою издать два манифеста: первый — отъ Синода, съ присягой временному верховному правленію изъ директоровъ Тайнаго Общества; второй—отъ Сената, съ объявленіемъ будущей республики.

Проговорили всю ночь до утра. Къ утру вьюга затихла; солнце встало, ясное. Замерзшія окна поголубѣли, порозовѣли; солнце заиграло въ нихъ, — и вспомнилось Голицыну, какъ на сходѣ у Рылѣева, слушая Пестеля, онъ сравнивалъ мысли его съ ледяными кристаллами, горящими луннымъ огнемъ: не загорятся ли они теперь уже не мертвымъ, луннымъ, а живымъ огнемъ, солнечнымъ?

Въ передней денщикъ завозился: топилъ печку и ставилъ самоваръ.

— Хотите чаю? — предложилъ Пестель.

— Шампанскаго бы выпить на радостяхъ, — сказала Барятинскій. — Эй, Савенко, сбѣгай, братецъ, отыщи у меня въ возкѣ кулекъ съ бутылками.

Савенко принесъ двѣ бутылки. Откупорили, налили. Барятинскій хотѣлъ произнести тостъ.

— За во-во... — началъ заикаться; хотѣлъ сказать: «за вольность».

— Не надо, — остановилъ его Голицынъ: — все равно. не сумѣемъ сказать, такъ лучше выпьемте, молча...

— Да, молча, молча! — согласился Пестель.

Подняли бокалы и сдвинули, молча.

Когда выпили, Голицынъ почувствовалъ, что безъ вина были пьяны еще давеча, когда говорили о предстоящихъ дѣйствіяхъ; не потому ли говорили о нихъ съ такою легкостью, что пьяному и море по колѣна? «Ну, что жъ, пусть,—поду-

малъ онъ, — въ винѣ — правда, и въ нашемъ винѣ — правда вѣчная»...

Солнце въ замерзшихъ окнахъ играло, какъ золотое вино. Но онъ зналъ, что не дологъ зимній день и скоро будетъ золотое вино алою кровью.

— Лошади поданы, ваше сіятельство, — доложилъ Са-венко.

Голицынъ сталъ прощаться. Пестель отвелъ его въ сто-рону.

— Помните, какъ вы прочли мнѣ изъ Евангелія: «женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея, но когда родить младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости». Нашъ часъ пришелъ. Я себя не обманываю: можетъ-быть, все, что мы говорили давеча, — вздоръ: погибнемъ и ничего не сдѣлаемъ... А все-таки радость будетъ, будетъ радость!

— Да, Пестель, будетъ радость!—отвѣтилъ Голицынъ. Пестель улыбнулся, обнялъ его и поцѣловалъ.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ!

Вынулъ что-то изъ шкатулки и сунулъ ему въ руку.

— Вы сестры моей не знаете, но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы вспоминали о насъ обоихъ вмѣстѣ...

Въ рукѣ Голицына былъ маленькій кошелекъ вязаный, по голубой шерсти бѣлымъ бисеромъ вышито: Sophie.

Вышли на крыльцо.

— Значить, прямо въ Петербургъ, Голицынъ? — спросилъ Барятинскій.

— Да, въ Петербургъ, только въ Васильковъ къ Муравьеву заѣду.

— По первопутку, пане! На осьмушечку бы съ вашей милости, — сказалъ ямщикъ.

Пестель въ послѣдній разъ обнялъ Голицына.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ!

Голицынъ усѣлся въ возокъ

— Готово?

— Готово, съ Богомъ!

Возокъ тронулся, полозья заскрипѣли, колокольчикъ зазвенѣлъ.

— Эй, кургузка, пять версть до Курска!—свистнулъ ямщикъ, помахивая кнутикомъ.

Тройка понеслась, взрывая на гладкомъ снѣгу дороги неѣзженной двѣ колени пушистыя. Беззвучный бѣгъ саней былъ какъ полетъ стремительный, и морозно-солнечный воздухъ пьянилъ, какъ золотое вино.

Голицынъ снялъ шапку и перекрестился, думая о предстоящей великой скорби, великой радости:

— Съ Богомъ! Съ Богомъ!

ПРИМЪЧАНІЕ.

АЛЕКСАНДРЪ І.

Отдѣльные отрывки изъ романа появились впервые въ печати въ газетѣ «Русское Слово», за 1911 г. Полностью романъ былъ напечатанъ въ журналѣ «Русская Мысль», за 1911 г. въ №№ V (стр. 5—53), VI (стр. 1—50), X (стр. 1—42), XI (стр. 43—69), XII (стр. 9—32), и за 1912 г. въ №№ I (стр. 1—22), III (стр. 1—30), IV (стр. 88—121), X (стр. 80—132), XI (стр. 125—155) и XII (стр. 84—154).

Въ отдѣльномъ изданіи романъ появился въ 1913 году.
